

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кемеровский государственный университет»**

На правах рукописи

Курносов Александр Алексеевич

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ КОМПЕТЕНТНЫМИ ОРГАНАМИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
кандидат юридических наук,
доцент Е. С. Трезубов

Кемерово – 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Третейские суды как юрисдикционные органы в Российской Федерации.....	21
§ 1. Сущность третейского разбирательства, перспективы его цифровой трансформации	21
§ 2. Порядок учреждения институционального третейского центра.....	47
§ 3. Создание ситуационного арбитража и его администрирование	64
§ 4. Арбитрабельность споров в российском праве.....	86
Глава 2. Особенности выполнения компетентными судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства.....	116
§ 1. Правовая природа производства по выполнению функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства	116
§ 2. Выполнение компетентными судами функций содействия в отношении третейского разбирательства	134
§ 2.1. Особенности рассмотрения заявления о формировании состава арбитров	134
§ 2.2. Особенности рассмотрения запроса третейского суда об истребовании доказательств	142
§ 2.3. Особенности принятия обеспечительных мер по заявлению стороны третейского разбирательства.....	163
§ 3. Особенности процедуры контрэкзекватуры в отношении решений третейских судов	177
§ 4. Противоречие арбитражного решения публичному порядку Российской Федерации как основание к отмене или отказу в принудительном исполнении	187
Заключение.....	204
Список использованных источников	208

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Третейское разбирательство как один из классических альтернативных способов разрешения споров, признаваемых в большинстве государств мира, становится значимым и востребованным явлением, выступает наиболее приемлемым способом защиты прав и законных интересов в условиях необходимости принудительного исполнения решения юрисдикционного органа вне границ государства его вынесения. В соответствии с ч. 2 ст. 45 Конституции РФ гарантируется право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. К числу таких способов разрешения частноправовых споров, проистекающих из свободы договора и автономии воли участников правоотношений, относится обращение в третейский суд¹. Правовое государство, заинтересованное в развитии институтов гражданского общества и альтернативных форм разрешения споров, в том числе в расширении системы общественных юрисдикционных органов, должно создавать условия их эффективного функционирования и взаимодействия с компетентными государственными органами, поскольку именно за счет механизмов государственного принуждения обеспечивается такое качество правоприменительного акта, как исполнимость.

Как отмечено в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 10.12.2019 г. № 53², развитие альтернативных средств разрешения споров представляет собой одну из задач судебной власти Российской Федерации, поэтому принципиально важно обеспечивать достижение правовой определенности при рассмотрении компетентными судами дел о содействии и контроле в отношении третейского разбирательства. Действуя как элементы юрисдикционного механизма (хоть и разновеликие), правосудие и арбитраж

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", статьи 28 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 23. Ст. 3356.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

нуждаются в координации, непротиворечивом встраивании третейского разбирательства в систему разрешения правовых конфликтов³. Такое сосуществование в Российской Федерации обеспечивается за счет деятельности компетентных органов – Минюста России, разрешающего создание институционального третейского центра и осуществляющего текущий контроль за его деятельностью, а также судов, выполняющих функции содействия и контроля по отношению к третейскому разбирательству. В результате третейской реформы, состоявшейся в 2015 – 2017 гг., в Российской Федерации создан механизм обеспечения деятельности третейских центров и судов как на этапе их создания, так и в процессе их деятельности, что предопределяет актуальность научного исследования столь уникальной для современного мира модели.

Обращение автора настоящего исследования к проблематике третейского разбирательства, связанных с ним сущностным образом формам юрисдикционного разрешения споров, а также к вопросам производства в арбитражных судах и судах общей юрисдикции по рассмотрению дел о содействии и контроле в отношении арбитража предопределено как состоявшейся реформой арбитража и появлением в цивилистическом процессе России новых категорий дел, так и активным применением цифровых технологий в материальном праве и юрисдикционной деятельности. Продолжительный период времени существования пореформенного третейского разбирательства предопределяет необходимость оценки итогов преобразования, выявления существенных недостатков или достоинств избранной «консервативной модели» институционального арбитража.

Социально-экономический аспект. Особая значимость обращения к проблематике обеспечения деятельности третейских судов обусловлена также значительным объемом международных санкций в отношении Российской Федерации и многих организаций, осуществляющих транснациональную экономическую деятельность, вступающих в частноправовые отношения с иностранными контрагентами, и

³ Курочкин С.А. Конституционализация третейского разбирательства // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 92.

заинтересованными в универсальных и эффективных механизмах правовой защиты. Отсутствие единообразия в толковании отечественными судами оснований к отказу в исполнении и отмене арбитражных решений, существенные сложности в определении критериев компетенции третейских судов негативно влияет на гражданский оборот и снижает уровень защищенности участников гражданских отношений, в связи с чем требуют научного исследования вопросы арбитрабельности и контроля компетентных судов по отношению к третейскому разбирательству.

Одной из существенных проблем пореформенного арбитража в России является существование практики разрешения споров арбитрами *ad hoc* на системных началах, в том числе и по социально значимым категориям требований, таким, как о взыскании задолженности по договорам потребительского кредита, о признании права на недвижимое имущество. Резкое расширение практики арбитражей *ad hoc*, их скрытое администрирование являются свидетельством явного игнорирования цели состоявшейся реформы сторонами спора и арбитрами, в связи с чем требуется сформулировать научно обоснованные подходы к пресечению недобросовестного поведения участников соответствующих правоотношений, рассмотрев при этом вопрос возможности сохранения самого института ситуационного арбитража, как наиболее свободной от публично-правовых ограничений модели третейского разбирательства.

Доктринальный аспект. Становление онлайн-форм урегулирования и разрешения споров, зачастую именуемых «необязательным арбитражем», и блокчейн-арбитража предопределяет необходимость определения идентичности третейского разбирательства и разграничения указанных форм разрешения споров на современном этапе.

В связи с появлением в отечественном цивилистическом процессе в результате реформы арбитража новых категорий дел о содействии надлежит провести исследование их правовой природы, выявить существенные характеристики процессуального порядка рассмотрения судами соответствующих дел и сформулировать научно обоснованные предложения, направленные на достижение целей содействия третейскому разбирательству.

Отсутствие единства в отечественной цивилистической доктрине в понимании условий и критериев арбитрабельности, соответствия третейского разбирательства публичному порядку, процессуальной формы арбитража предопределяют необходимость исследования соответствующих проблем, решения научных задач обеспечения юрисдикционной деятельности третейских судов и формулирование значимых положений в развитие науки.

Правоприменительный аспект. О наличии значимых проблем правового регулирования третейского разбирательства, правоприменительной деятельности компетентных государственных судов в вопросах выполнения ими функций содействия и контроля свидетельствует неоднократное обращение Конституционного Суда РФ в своей практике за 2023 – 2024 гг. к проблеме арбитрабельности споров о праве на недвижимое имущество, противоречию решений третейских судов публичному порядку Российской Федерации, деятельности так называемых «псевдоарбитражей *ad hoc*»⁴. Анализ правоприменительной практики и доктрины показывает, что компетентным судам малознакома проблема скрытого администрирования, отсутствует эффективный механизм противодействия существованию ситуационных арбитражей на постоянной основе, нет четкого представления об арбитрабельности частноправовых споров и о противоречии третейского разбирательства публичному порядку Российской Федерации. Стороны арбитражного соглашения не имеют унифицированных средств защиты в связи с несовершенством правового регулирования, что выражается, например, в отсутствии права на оспаривание определений арбитражных судов о принятии обеспечительных мер, невозможности истребования от компетентного суда общей юрисдикции предварительных обеспечительных

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона "О государственной регистрации недвижимости" в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 42. Ст. 7596; Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2024 № 826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 20 статьи 44 Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Доступ из СПС «Консультант Плюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.04.2024 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Ю. Колосова» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 18. Ст. 2512; Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2024 № 1218-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части третьей статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

мер, недостаточной урегулированности порядка выполнения компетентными судами функций содействия третейскому разбирательству, неприменении процедуры контрэкзекватуры для декларативных решений, принятых в арбитраже внутренних споров.

Обозначенные аспекты подтверждают актуальность выбранной темы и потребность их глубокого теоретического осмысления.

Степень научной разработанности темы исследования. В отечественной процессуальной литературе третейское разбирательство неоднократно становилось предметом специальных диссертационных и монографических исследований. В частности, неоспоримо высокий вклад в развитие современной доктрины арбитража внесли работы Т. Е. Абовой, И. М. Зайцева, С. А. Курочкина, С. Н. Лебедева, В. А. Мусина, М. Ю. Савранского, Г. В. Севастьянова, О. Ю. Скворцова, посвященные фундаментальным проблемам определения правовой природы третейского разбирательства, процедуры арбитража, взаимодействию государственных и третейских судов. Проблемы арбитрабельности исследованы в монографии В. Н. Анурова, а также в диссертациях В. В. Еремина, А. И. Мининой, В. Д. Туктамышева, вопросы инвестиционного арбитража раскрыты в диссертационной работе А. И. Бессоновой, признанию и исполнению третейского решения посвящены диссертации Д. Г. Гольского, Ю. Б. Каламовой, А. Н. Петрунёвой. Проблематике природы, действительности и исполнимости арбитражного соглашения посвящена монография С. В. Николукина и диссертации А. И. Коломиец, А. Г. Котельникова, К. В. Петровой. Правовая природа онлайн-урегулирования споров в сети Интернет, связанных с приобретением товаров и услуг раскрыта в диссертационном исследовании В. Д. Мельник. Отдельные практические и доктринальные вопросы третейского разбирательства, содействия и контроля в отношении арбитража со стороны компетентных судов, процедур онлайн-разрешения споров, блокчейн-арбитража стали предметом научных исследований Т. К. Андреевой, Д. А. Андреева, А. В. Асоскова, А. В. Габова, М. Л. Гальперина, С. Л. Дегтярева, Е. П. Ермаковой, А. И. Зайцева, О. Ф. Засемковой, П. А. Ильичева, Е. В. Кудрявцевой, В. В. Молчанова, М. Э. Морозова,

А. И. Муранова, Е. И. Носыревой, М. А. Рожковой, Е. П. Русаковой, С. Ж. Соловых, Е. Г. Стрельцовой, Л. А. Тереховой, Е. С. Трезубова, Е. Е. Фроловой, В. В. Яркова и других авторов. В то же время отметим, что проблемы существования пореформенного арбитража в России в диссертационных исследованиях и монографических публикациях не раскрыты исчерпывающим образом. В отечественной процессуальной литературе не учтены последние позиции Конституционного Суда РФ относительно противоречия третейского разбирательства публичному порядку Российской Федерации и арбитрабельности отдельных категорий споров, включая споры о правах на недвижимое имущество, споры из договора потребительского кредита (займа). Отсутствует в отечественной цивилистической доктрине и комплексное исследование таких явлений, как скрытое администрирование арбитража, «псевдоарбитраж *ad hoc*», особенностей исполнения компетентными судами запроса третейского суда о содействии в получении доказательств, рассмотрения заявления стороны третейского разбирательства о принятии обеспечительных мер, рассмотрения заявления о контрэкзекватуре в отношении третейского решения, не требующего принудительного исполнения. В этой связи можно утверждать, что степень разработанности избранной тематики в науке отечественного цивилистического процесса предполагает возможность проведения самостоятельного исследования и формулирования положений, обладающих качествами новизны и научной обоснованности.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении, постановке и разрешении доктринальных и практических проблем реализации консервативной модели функционирования институциональных третейских центров, деятельности ситуационных арбитражей как создаваемых на конвенционных началах форумов по разрешению частноправовых споров, обеспечения юрисдикционной деятельности третейских судов в рамках выполнения компетентными судами Российской Федерации функций содействия и контроля по отношению к третейскому разбирательству.

Для достижения цели диссертационного исследования поставлены следующие *задачи*:

1. Раскрыть правовую природу третейского разбирательства как процедуры разрешения частноправовых споров, обосновать допустимость и пределы внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта в третейскую процессуальную форму. Соотнести арбитраж, онлайн-арбитраж, блокчейн-арбитраж и ODR-способы разрешения и урегулирования споров, оценить допустимость отождествления качеств юридической силы решений, принимаемых в таких процедурах.

2. Охарактеризовать порядок образования институциональных третейских центров в соответствии с действующим законодательством России, оценить достижение цели реформы третейского законодательства 2015 – 2017 годов в части закрепления разрешительной модели создания постоянно действующих арбитражных учреждений.

3. Раскрыть особенности образования ситуационного арбитража, детерминировать проблемы скрытого администрирования третейского разбирательства и существования арбитражей *ad hoc* на постоянной основе, предложить варианты пресечения недобросовестной практики рассмотрения споров в изолированном арбитраже на постоянной основе.

4. Идентифицировать объективные и субъективные критерии арбитрабельности частноправовых споров, определить природу арбитражного соглашения, раскрыть допустимость компетенции третейских судов по разрешению споров о правах на недвижимое имущество и споров в сфере конкурентной закупки.

5. Определить правовую природу и исследовать особенности процедуры выполнения компетентными судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, детерминировать понятие и сущность исключающих соглашений в арбитраже, оценить целесообразность и допустимость их заключения.

6. Выявить и разрешить доктринальные и практические проблемы оказания компетентными судами содействия третейскому разбирательству в вопросах формирования состава арбитров, истребования доказательств на основании запроса третейского суда, принятия обеспечительных мер по заявлению стороны арбитражного соглашения.

7. Раскрыть объем процессуальных средств защиты стороны арбитражного разбирательства против признания решений третейских судов, не требующих принудительного исполнения, рассмотреть особенности процедуры контрэкзекватуры в отношении третейского решения и возможность реализации функций контроля со стороны компетентного суда в условиях заключения сторонами спора исключающего соглашения.

8. Определить критерии противоречия решения третейского суда публичному порядку Российской Федерации как фундаментального нарушения, являющегося основанием для отмены арбитражного решения, отказа в его признании и приведении в исполнение.

Объектом исследования выступили отношения, складывающиеся при создании институционального третейского центра (постоянно действующего арбитражного учреждения) в Российской Федерации, при разрешении третейскими судами споров, а также процессуальные отношения при рассмотрении компетентными судами Российской Федерации заявлений о выполнении функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства.

Предметом исследования являются положения международно-правовых договоров и нормы отечественного законодательства, регламентирующие порядок учреждения институционального третейского центра, арбитрабельность, процедуру арбитража и особенности оказания компетентными судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, правоприменительная практика государственных судов Российской Федерации, арбитражные регламенты, научные концепции в этой области.

Методологическая основа диссертационного исследования. В ходе исследования автор руководствовался диалектическим пониманием процесса развития частных и публичных процессуальных правоотношений, основанном на признании обусловленности, закономерности происходящих трансформаций законодательства. Диалектический подход в оценке соотношения общего и особенного в процессе реформирования третейского разбирательства в России дал возможность выявить причины и цели избрания консервативной (разрешительной) модели институционального

арбитража внутренних споров, специфические характеристики данного института в его современном состоянии, сущностные черты форм взаимодействия третейского суда и компетентных судов при выполнении последними функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, предложить способы ограничения недобросовестной практики «псевдоарбитражей» *ad hoc*.

Важнейшим методологическим основанием работы является применение функционального подхода, позволяющего через призму понимания цели разрешения частноправового спора, восстановления нарушенных прав и защиты законных интересов, раскрыть критерии арбитрабельности, особенности реализации юрисдикционных полномочий третейских судов, динамику взаимоотношений компетентных органов Российской Федерации и арбитражных центров, арбитров *ad hoc*, а также сторон арбитражного соглашения. Третейское разбирательство как альтернативная форма разрешения споров рассматривается в качестве наднационального и автономного способа разрешения частноправового конфликта, имеющего универсальную процессуальную форму, дублирующую государственный цивилистический процесс, но обеспечивающую учет интересов сторон арбитражного соглашения, заинтересованных в защите своих прав, сохранении конфиденциальности, обеспечении высокого качества акта юрисдикционного органа.

В процессе исследования, помимо общенаучных методов (анализа и синтеза, индукции и дедукции, восхождений от абстрактного к конкретному, моделирования), применялся сравнительно-правовой метод в сочетании с формально-юридическим для анализа норм национального и международного права, регулирующих арбитраж и порядок выполнения компетентными судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства.

В исследовании также применен историко-правовой метод при выявлении общих закономерностей и особенностей развития арбитража в дореформенный и современный периоды развития отечественного права.

Системно-структурный метод использовался при анализе альтернативных форм разрешения споров, определении сущностных

характеристик общественных юрисдикционных органов, к которым с учетом особенностей формирования состава арбитров автор относит и третейские суды, выявлении конституирующих характеристик арбитража, позволивших обособить его от блокчейн-арбитража и ODR-процедур разрешения споров.

Особое значение в рамках диссертационного исследования уделяется методу функционального анализа. При этом автор исходил из того, что третейское разбирательство и иные смежные с ним альтернативные способы разрешения споров внедряются в правоприменительную систему с конкретной экономической целью, игнорировать которую недопустимо.

В процессе исследования автор руководствовался принципами достоверности и научной объективности, которые использовались в качестве критериев оценки доктринальных исследований, материалов правоприменительной практики.

Нормативной базой исследования выступили международно-правовые договоры, акты национального материального и процессуального права.

Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, арбитражных судов и судов общей юрисдикции, решения и отчеты о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства при Министерстве юстиции РФ, проекты нормативных правовых актов.

Теоретико-концептуальную основу исследования составили труды российских ученых, посвятивших свои исследования проблематике альтернативных форм разрешения споров в целом, и третейского разбирательства в частности, – Т. К. Андреевой, В. Н. Анурова, А. В. Асоскова, С. Ф. Афанасьева, А. И. Бессоновой, А. В. Габова, Е. П. Ермаковой, А. И. Зайцева, О. Ф. Засемковой, Е. В. Кудрявцевой, С. А. Курочкина, В. В. Молчанова, М. Э. Морозова, А. И. Муранова, В. А. Мусина, Е. И. Носыревой, М. А. Рожковой, Е. П. Русаковой, М. Ю. Савранского, Г. В. Севастьянова, О. Ю. Скворцова, С. Ж. Соловых, Е. Г. Стрельцовой, Л. А. Тереховой, Е. С. Трезубова, Е. Е. Фроловой, В. В. Яркова и других ученых.

Научная новизна исследования заключается в формировании целостного научного представления о механизме создания третейских центров и арбитражей *ad hoc* в России, о выполнении отечественными компетентными судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства.

В диссертации обоснованы пределы цифровой трансформации арбитража и недопустимость замены арбитра технологиями искусственного интеллекта. Выявленная проблема скрытого администрирования и существования «псевдоарбитражей *ad hoc*» позволила предложить ограничение компетенции по рассмотрению в ситуационном арбитраже споров с участием граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, а также споров, решения по которым будут предполагать необходимость внесения сведений в публичные реестры Российской Федерации. Анализ критериев арбитрабельности позволил сделать вывод об отсутствии компетенции третейских судов по разрешению споров в отношении объектов недвижимости, права на которые не учтены в ЕГРН в установленном порядке.

В настоящей диссертации предложены научно обоснованные пути совершенствования процессуального законодательства и законодательства об арбитраже, регулирующего порядок рассмотрения дел о содействии и контроле в отношении третейского разбирательства. В частности, предложено передать из судебной компетенции функции по рассмотрению заявлений сторон арбитражного соглашения о формировании состава арбитров и об исполнении запросов третейского суда о содействии в получении доказательств в компетенцию постоянно действующих арбитражных учреждений, получивших право на администрирование арбитража. Обоснована необходимость унификации процессуальных правил рассмотрения заявлений стороны арбитражного соглашения о принятии обеспечительных мер в части закрепления права заявителя на подачу заявления о принятии предварительных обеспечительных мер и оспаривание определения компетентного суда о принятии обеспечительных мер вне зависимости от того, каким судом выполняются соответствующие функции содействия – арбитражным или судом общей юрисдикции. Диссертантом

доказана необходимость закрепления процедуры контрэкзекватуры как дополнительного механизма контроля компетентного суда в отношении третейского решения, не требующего принудительного исполнения, а также обоснована целесообразность ограничения возможности заключения соглашений, исключающих возможность подачи заявлений об отмене окончательных третейских решений в арбитраже внутренних споров.

Научная новизна исследования нашла свое отражение в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Доказано, что третейское разбирательство отличает консерватизм и универсальность процессуальных правил, транспарентность процедуры рассмотрения дела и решения, автономный (наднациональный) характер юрисдикционной деятельности, что исключает возможность внедрения технологий искусственного интеллекта взамен арбитров. Потенциал цифровизации арбитража заключается лишь во внедрении технологий, assisting арбитрам при рассмотрении спора.

2. Аргументировано сущностное отличие блокчейн-арбитража и ODR-процедур от третейского разбирательства. Обосновано, что решения, принимаемые в ходе блокчейн-арбитража и ODR-процедур, не требуют официального признания и принудительного исполнения компетентными судами или иными органами, поскольку должны исполняться исключительно за счет ресурсов сторон спора в распределенном реестре или на платформе маркетплейса соответственно.

3. В связи с масштабностью явления «псевдоарбитража ad hoc», но значимостью сохранения ситуационного арбитража как института, основанного на идеях автономии воли, равноправия, имущественной самостоятельности сторон спора, обоснована целесообразность ограничения компетенции третейского суда ad hoc по разрешению споров с участием граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, а также споров, решения по которым предполагают необходимость внесения сведений в публичные реестры.

4. Аргументируется, что арбитрабельными следует признавать лишь такие частноправовые споры о правах на недвижимое имущество, сведения о котором уже имеются в ЕГРН, предполагающие последующее

внесение сведений в публичный реестр исключительно о правообладателе, и не связанные с изменением параметров самого объекта недвижимости, вида его разрешенного использования, назначения, определением ранее не установленных границ.

5. Доказана целесообразность исключения из компетенции государственных судов рассмотрения запросов третейского суда о содействии в получении доказательств и заявлений сторон арбитража по вопросам формирования состава арбитров (назначения третейских судей, их отвода и прекращения полномочий). В указанных категориях дел о содействии в отношении третейского разбирательства предполагается высокая степень дискреции компетентного суда, а также не допускается возможность обжалования судебных определений заинтересованными лицами, что снижает эффективность соответствующей процедуры. В связи с этим аргументируется целесообразность передачи данных функций исключительно постоянно действующим арбитражным учреждениям (ПДАУ), в том числе, если с заявлением о содействии обращается сторона арбитража *ad hoc* в отсутствие заключенного соглашения о выполнении отдельных функций по администрированию разбирательства. В таком случае администрирование арбитража *ad hoc* как форма содействия должно осуществляться в заявительном порядке.

6. Предложены направления совершенствования порядка выполнения компетентными судами функций по рассмотрению заявления стороны арбитражного соглашения о принятии обеспечительных мер. Во-первых, стороны арбитражного соглашения должны обладать правом обращаться с заявлением о принятии предварительных обеспечительных мер как в арбитражные суды, так и в суды общей юрисдикции. Во-вторых, стороны арбитража вне зависимости от компетенции государственного суда, оказывающего содействие, должны обладать возможностью обжалования определения о принятии обеспечительных мер в инстанционном порядке.

7. Обоснована необходимость закрепления механизма принесения возражений против признания решений третейского суда, вынесенных на территории Российской Федерации по искам о признании или преобразовании, не требующих принудительного исполнения, с целью

обеспечения защиты прав и законных интересов сторон третейского разбирательства и иных лиц. Также доказана целесообразность установления запрета на заключение исключающих право обжалования окончательных решений соглашений в арбитраже внутренних споров.

8. Рекомендовано для целей выполнения компетентными судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства рассматривать противоречие арбитражного решения публичному порядку через призму правовой определенности, заключающейся в единообразии применения и толкования правовых норм. Решение третейского суда тогда будет соответствовать публичному порядку Российской Федерации, когда процедура его принятия будет отвечать стандартам государственного состязательного цивилистического процесса, а законность и обоснованность третейского решения будет в полной мере отвечать требованиям, предъявляемым к решениям государственных судов.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность выводов и положений диссертационного исследования подтверждается анализом нормативных правовых актов, иных сведений (обзоры, доклады, правоприменительная, в том числе судебная, практика и др.), изучением и критическим осмыслением трудов процессуалистов и иных ученых, в которых освещены вопросы применения альтернативных форм разрешения частноправового спора, включая третейское разбирательство, выполнения компетентными судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что сформулированные в диссертации положения и выводы способствуют совершенствованию научных представлений об особенностях создания и функционирования институциональных третейских центров (постоянно действующих арбитражных учреждений) и ситуационных третейских судов, арбитрабельности споров, порядке выполнения компетентными судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе

законотворческой деятельности, при совершенствовании арбитражного законодательства, а также в правоприменительной практике – при рассмотрении компетентными судами дел о содействии и контроле в отношении третейского разбирательства. Предложения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы участниками гражданского оборота (в первую очередь, при выборе наиболее эффективных механизмов юрисдикционного разрешения споров) для целей оценки и управления процессуальными рисками и обеспечения действительного восстановления нарушенного права. Также предложения, сформулированные в диссертации, могут стать основой в процессе реформирования процессуального законодательства и совершенствования правоприменительной практики.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре трудового, экологического права и гражданского процесса Кемеровского государственного университета, где проведено её рецензирование и обсуждение. Основные результаты настоящего диссертационного исследования отражены в 16 научных публикациях, 7 из которых опубликованы в ведущих юридических журналах, включенных в Перечень рецензируемых изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Основные теоретические выводы и научно-практические предложения диссертационного исследования стали предметом обсуждения на 15 научных и научно-практических конференциях различного уровня.

Основные теоретические выводы и научно-практические предложения диссертационного исследования стали предметом обсуждения на научных, научно-практических конференциях различного уровня: Международная научно-практическая конференция V Прокопьевские чтения. Публично-правовые аспекты юридической компаративистики. Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград, 17 – 18 декабря 2021 г.; Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием VI Прокопьевские чтения. Публичные институты в теоретико-

историческом и конституционном измерении. Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, 16 – 17 декабря 2022 г.; V Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Тенденции развития юридической науки на современном этапе. Публичная власть и правовое обеспечение стратегий регионального и муниципального развития», Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, 20 – 21 мая 2022 г.; Международный научный юридический форум памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д.ю.н., профессора В. К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире», Российский университет дружбы народов, г. Москва, 14 октября 2022 г.; Международная научная конференция «Современные правовые и международно-правовые вопросы культурно-исторических типов (к 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского), Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, 14 – 15 октября 2022 г.; Международная научно-практическая конференция «Правовые проблемы укрепления Российской государственности» к 145-летию со дня основания Томского государственного университета и 125-летию юридического образования в Сибири, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, 26 – 28 января 2023 г.; Международная научно-практическая конференция «Правоприменение в публичном и частном праве», Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, 24 марта 2023 г.; VI Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Тенденции развития юридической науки на современном этапе», Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, 12 – 13 мая 2023 г.; Международный научный юридический форум памяти В. К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире», Российский университет дружбы народов, г. Москва, 13 октября 2023 г.; Международный форум, посвященный 30-летию Конституции РФ «Будущее национального права: традиционные идеи и перспективные модели», панельная дискуссия «Системы искусственного интеллекта общего назначения и нормативное

регулирование», Тюменский государственный университет, г. Тюмень, 19 – 21 октября 2023 г.; Всероссийская научно-практическая конференция «Применение Конституции Российской Федерации в судебной деятельности: проблемы теории и практики», посвященная 30-летию Конституции Российской Федерации, 80-летию образования Кемеровского областного суда. Кемеровский областной суд, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, 16 ноября 2023 г.; Всероссийская (национальная) научно-практическая конференция «Конституция Российской Федерации как правовая основа стабильного развития общества и государства», посвященная 30-летию Конституции Российской Федерации, Алтайский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Барнаул, 12 декабря 2023 г.; Международная научная конференция «Правоприменение в публичном и частном праве», круглый стол «Актуальные проблемы гражданского, административного и арбитражного судопроизводства», Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, 29 марта 2024 г.; VII Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Тенденции развития юридической науки на современном этапе», Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, 24 – 25 мая 2024 г.; VII Всероссийский форум альтернативного разрешения споров «Развитие проарбитражного подхода и культуры примирения в Российской Федерации. Актуальные вопросы инвестиционного, международного коммерческого и внутреннего арбитража», посвященный 85-летию со дня рождения профессора В. А. Мусина и 25-летию журнала «Третейский суд», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, 18 октября 2024 г.

Результаты диссертационного исследования используются при чтении лекций и проведении практических занятий по учебным дисциплинам «Актуальные вопросы гражданского процесса», «Альтернативные формы разрешения споров», «Арбитражный процесс», «Гражданский процесс», преподаваемых в Юридическом институте Кемеровского государственного университета.

Структура диссертационного исследования обусловлена его целью и сформулированными автором задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих в себя в общей сложности восемь параграфов, один из которых разделен на три подпараграфа, а также заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. ТРЕТЕЙСКИЕ СУДЫ КАК ЮРИСДИКЦИОННЫЕ ОРГАНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. СУЩНОСТЬ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА, ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Третейское разбирательство (арбитраж) является одной из классических альтернативных форм разрешения споров, применяемых во всем современном мире. Это институт негосударственного разрешения юридических дел, в основе которого лежат конвенционные начала, вариативность процессуальной формы и конфиденциальность, а сама процедура арбитража должна быть принципиально соответствующей требованиям справедливого разбирательства, обеспечивать восстановление нарушенных прав и защиты охраняемых законом интересов⁵. Порядок разрешения спора третейским судом выражен в третейской процессуальной форме, отличающейся от государственного гражданского процесса большими диспозитивными началами и отсутствием требования детальной урегулированности: именно в силу арбитражного соглашения стороны передают свой частноправовой спор на разрешение третейского суда, обязуются добровольно исполнить решение арбитров, а также своим прямым соглашением определяют процедуру рассмотрения дела, присоединяясь к существующим регламентам, меняя их содержание под свои потребности, или определяя процедуру самостоятельно. Как отметил Конституционный Суд РФ, компетенция третейского суда проистекает из свободы договора и автономии воли участников гражданского оборота⁶. Принцип добровольности также предопределяет обязанность сторон исполнить арбитражное решение самостоятельно, не прибегая к механизмам принудительного исполнения, хотя соответствующие процедуры

⁵ Бенедская О. А. Конституционно-правовые основы института третейского суда в Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук – М., 2020. С. 12 - 13.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", статьи 28 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.

предусмотрены как национальным законодательством, так и международными договорами.

Третейское разбирательство является общественным юрисдикционным механизмом разрешения частноправовых споров на договорной основе⁷. Законодательство Российской Федерации допускает передачу в арбитраж не только экономических споров субъектов предпринимательской деятельности, но и иных категорий споров с участием граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя. Главным условием, которое определяет полномочия третейского суда, является соглашение сторон спорного правоотношения о передаче дела на рассмотрение конкретного третейского суда. Эта договорённость оформляется в виде арбитражной оговорки или отдельного третейского (арбитражного) соглашения, заключаемого в письменной форме⁸.

Юрисдикционная деятельность третейского суда преследует ту же магистральную цель, что и процедура рассмотрения дела судом общей юрисдикции и арбитражным судом – защита и восстановление нарушенных прав и охраняемых законом интересов⁹. Несомненно, третейские суды не тождественны государственным судам, и не осуществляют правосудие¹⁰, но это совершенно не означает, что арбитраж не преследует те же цели, что и разрешение споров в государственном суде (т.е. защиту прав, законных интересов граждан и организаций). Задачами арбитража является соответствующее закону разрешение частноправового спора в рамках справедливого разбирательства в разумный срок независимым и беспристрастным составом арбитров¹¹. Для третейского разбирательства и государственного цивилистического процесса характерна общность признаков функционирования, процессуальных институтов, порядка

⁷ Разрешение финансовых споров в странах АТР / Под общ. ред. Е.Е. Фроловой, Е.П. Ермаковой – М.: Инфотропик Медиа, 2019. С. 208

⁸ История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект: монография / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. – М.: Проспект, 2019. С. 283.

⁹ Туманов Д. А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2024. С. 123.

¹⁰ Белов В. А. Юридическая природа третейского (арбитражного) соглашения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 6. С. 44.

¹¹ Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж: монография – М.: Статут, 2021. С. 30

производства, процессуальных принципов¹². Не являясь органом правосудия, т.е. не входя в систему органов судебной власти, третейские суды все же реализуют официальные функции правоприменения, а юридическая сила третейских решений, обязательных для сторон арбитражного соглашения, дополнительно обеспечивается механизмом государственного контроля¹³ – процедурами экзекутуры, контрэкзекутуры, оспаривания в компетентном суде. Необходимость взаимодействия третейских и государственных судов продиктована правовой природой арбитража и местом данного института как общепризнанного во всех правопорядках юрисдикционного института. Третейское разбирательство, таким образом, немыслимо без сочетания частноправовых и публично-правовых механизмов, способствующих эффективному разрешению спора. Указанное понимание сущности арбитража основано на доктрине *sui generis* (смешанной, или гибридной природы данного института), разделяемой большинством представителей отечественной доктрины и в судебной практике¹⁴. Смешанная доктрина правовой природы третейского разбирательства, сочетающая в себе особенности договорной и процессуальной теорий, в действительности, объясняет сочетание частных и публичных начал в данной форме юрисдикционного процесса, однако не в полной мере способствует уяснению сущности международного коммерческого арбитража как явления, не ограничиваемого территорией определенного государства. Для уяснения правовой природы международного коммерческого арбитража в зарубежной доктрине разработаны концепции автономной природы третейского разбирательства, не зависящего от национального правопорядка, а также более сложные концепции транснационального арбитражного правопорядка Эммануэля Гайара и трехмерная модель (модель трех измерений) Яна Поллсона¹⁵. Все указанные доктрины правовой природы международного коммерческого арбитража учитывают необходимость, словами Н. Эндрюса,

¹² Зайцев А. И. Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты): автореферат дис. ... канд. юрид. наук – Саратов, 2004. С. 8.

¹³ Стрельцова Е. Г. Законная сила судебных постановлений и правовая сила АРС-соглашений: допустима ли унификация? // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 164.

¹⁴ Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж: монография – М.: Статут, 2021. С. 40.

¹⁵ Там же. С. 41- 44.

«транснационального менталитета»¹⁶, т.е. сочетания правового регулирования национальных правопорядков (в зависимости от места арбитража и применимого к спорным правоотношениям права), международного правового регулирования, а также собственно актов, регулирующих арбитражную процессуальную форму (регламентов разбирательства и соглашений сторон). Третейское разбирательство, являясь общепризнанным правовым институтом разрешения споров, должно быть в достаточной степени универсальным механизмом, обеспечивающим справедливое и надлежащее рассмотрение дела, что предопределяет консервативность процессуальной формы арбитража, а также вынужденное сопоставление данного порядка с судопроизводством в компетентном суде с целью обоснования надлежащего объема средств защиты и процессуальных гарантий сторон в спорном правоотношении.

Процедура арбитража определяется в соответствии с законодательством об арбитраже, регламентом третейского разбирательства и соглашениями сторон. Между тем, в доктрине отмечается, что сущностным преимуществом арбитража является известная гибкость процессуальной формы, отсутствие ее детальной урегулированности¹⁷, характерной для цивилистического процесса континентальных правопорядков.

М. Ю. Савранский выделил следующую иерархию источников третейского разбирательства:

1. Императивные правила законодательства об арбитраже;
2. Обязательные правила арбитража и регламентов постоянно действующих арбитражных учреждений;
3. Непосредственно согласованные сторонами в письменной форме правила арбитража, в том числе включенные в третейское соглашение;
4. Диспозитивные нормы правил арбитража;
5. Правила, закрепленные в диспозитивных нормах применимого арбитражного закона;

¹⁶ Andrews N. Arbitration and Contract Law. Common Law Perspectives - Springer International Publishing Switzerland, 2016. P. 13.

¹⁷ Носырева Е.И. Новые аспекты примирения сторон в арбитраже (третейском разбирательстве) // Вестник гражданского процесса. 2024. № 1. С. 82.

6. Правила, определенные третейским судом с учетом мнения сторон¹⁸.

Как отмечается, арбитры обладают значительными полномочиями по определению правил рассмотрения дела, и при этом должны ориентироваться на так называемые источники мягкого арбитражного права, или на *парарегулирующие тексты*, подготовленные авторитетными арбитражными центрами, корпорациями юристов, общественными организациями¹⁹. Такие источники имеют рекомендательный характер, являясь квинтэссенцией обобщения практики рассмотрения дел третейскими судами, учитывают сформировавшиеся подходы и позиции в правоприменительной практике, более гибко по сравнению с императивными нормами национального и международного права предлагают осуществлять процесс рассмотрения дела. Между тем, такие парарегулирующие тексты, созданные различными центрами, могут противоречить один другому, поэтому составу третейского суда невозможно произвольно ссылаться на какой-либо источник. Здесь важно учитывать специфику юрисдикции спора и места приведения третейского решения к исполнению. Особо остро эта проблема будет ощущаться в случае принципиального различия основных институтов процессуального законодательства отдельных стран, и даже правовых систем. Например, как отмечает М.Ю. Савранский и Ю.А. Ловренецкая, Правила Международной ассоциации юристов по получению доказательств в международном арбитраже, широко применяемые крупнейшими третейскими форумами, базируются на фундаментальных подходах предварительного раскрытия доказательств, характерных для стран общего права, а Парижские правила (Правила эффективной организации процесса в международном арбитраже) ограничивают право сторон по широкому представлению доказательств в электронном виде²⁰. Такие проблемы неизбежно могут касаться применения цифровых средств удаленного участия, обмена документами сторонами арбитража и арбитрами, внедрения технологий искусственного интеллекта в юрисдикционную деятельность. Поэтому принципиально важно использовать такие рекомендательные

¹⁸ Савранский М. Ю. Процессуальные средства и иерархия уровней регулирования арбитража по новому российскому законодательству // Третейский суд. 2016. № 4/5(106/107). С. 21-34.

¹⁹ Савранский М. Ю., Ловренецкая Ю. А. Роль источников мягкого процессуального права в регулировании международного арбитража // Закон. 2023. № 6. С. 148-150.

²⁰ Там же. С. 158.

источники при согласии сторон арбитража (что делает соответствующие регламенты частью арбитражного соглашения), и с обеспечением реальных гарантий эффективного рассмотрения дела третейским судом, в противном случае велика вероятность признания третейского разбирательства противоречащим публичному порядку страны места исполнения или признания арбитражного решения.

Состав арбитров, в соответствии с положениями ст. 19 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже»²¹ (далее – Закон о МКА) и ст. 19 Федерального закона № 382-ФЗ от 29.12.2015 г. «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»²² (далее – ФЗ об арбитраже, Закон об арбитраже), опираясь на соглашение сторон о процедуре арбитража, вправе осуществлять арбитраж таким образом, какой он сочтет надлежащим. Третейский суд вправе с учетом позиции сторон разбирательства предпринимать вопросы допустимости, относимости и значения любого доказательства. Например, в арбитражной практике распространенным является исключение возможности допроса свидетелей и установление презумпции достоверности скан-образов письменных материалов, что способствует ускорению и упрощению процедуры рассмотрения дела. Такая гибкая формулировка о полномочиях арбитров по определению процедуры арбитража характерна и для существующих регламентов российских третейских центров, а также признанных зарубежных институциональных арбитражей.

Арбитраж должен выступать одним из значимых публично-правовых институтов саморегулирования гражданского общества²³. Между тем, в полной мере саморегулируемым и автономным этот институт в России не является, что стало результатом вступления в силу Закона об арбитраже, принятого взамен Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 г.²⁴. Современное отечественное правовое регулирование свидетельствует об избрании разрешительной модели

²¹ Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. ст. 1240.

²² Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

²³ Севастьянов Г.В. Теория частного процессуального права vs «судоизация и материализация арбитража» // Закон. 2017. № 9. С. 44.

²⁴ Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

институционального арбитража в России, или, как эту модель назвал О.Ю. Скворцов, - консервативной²⁵.

Принятие нового Закона об арбитраже имело своей целью устранение острого дефицита доверия государственной судебной системы и бизнес-сообщества к третейским судам²⁶. Модель свободного создания и функционирования третейских судов по желанию хозяйствующих субъектов, без каких-либо форм контроля со стороны государства (т.н. «либеральная модель»), предусмотренная ФЗ о третейских судах 2002 года, характерна для большинства зарубежных правовых порядков, признающих ценность альтернативных форм разрешения споров²⁷, но она оказалась для российской действительности преждевременной. Органы государственной власти не могли выработать единые правила запрещения деятельности корпоративных третейских судов, а также пресечь недобросовестную практику имитации третейского разбирательства, создания видимости частноправового спора²⁸. Минимизировать системные проблемы организации и функционирования арбитража должно было формирование единой регуляторной среды для третейских центров²⁹, закрепление разрешительной модели создания третейских центров стало закономерной реакцией государства³⁰. В результате реформы арбитраж должен начать восприниматься профессиональным сообществом как самостоятельный и значимый институт альтернативного разрешения спора в правовом государстве.

В мировой арбитражной практике не существует примеров создания третейских центров на основе разрешений, выдаваемых органами публичной власти. Все общепризнанные международные центры арбитража существуют как независимые в вопросах своего создания и функционирования от органов государственной власти³¹, что подтверждает справедливость автономной теории правовой природы третейского разбирательства. Как представляется,

²⁵ Скворцов О.Ю. О консервативной модели арбитража // Закон. 2017. № 9. С. 61.

²⁶ См.: Гальперин М.Л. Третейские итоги // Закон. 2017. № 9. С. 36; Рузаков А. Б. Новеллы российского законодательства о третейских судах // Экономика. Право. Общество. 2016. № 2(6). С. 16.

²⁷ Способы разрешения споров в разнотипных правовых порядках / Ю.А. Артемьева, Е.А. Борисова, Е.П. Ермакова и др. - М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 27.

²⁸ Морозов М.Э. Ограничения полномочий арбитра ad hoc // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 201.

²⁹ Курочкин С. А. Эффективность нового российского законодательства об арбитраже // Третейский суд. 2018. № 1/2(113/114). С. 49.

³⁰ Скворцов О.Ю. О консервативной модели арбитража // Закон. 2017. № 9. С. 64.

³¹ Бенедская О.А. Администрирование третейского разбирательства: конституционное измерение // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 70.

реформа арбитража в России в 2015-2017 гг. затронула арбитраж внутренних споров именно в связи с таким диссонансом: в случае исполнения решения международного коммерческого арбитража на территории России должен учитываться примат международных договоров (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), обеспечивающих унифицированные подходы к функционированию третейских центров (в первую очередь, Нью-Йоркская конвенция 1958 г.³²). Ограничение свободы хозяйствующих субъектов в части администрирования арбитража внутренних споров, наоборот, может объясняться государственным суверенитетом, поскольку ценность соответствующих третейских решений проявляется именно в границах государства – исполнение решения, принятого в арбитраже внутренних споров, за рубежом не предполагается.

В условиях активного внедрения цифровых технологий во все сферы общественных отношений модернизируются существующие и появляются новые механизмы разрешения споров, производные от третейского разбирательства. Речь идет о таких правовых явлениях, как онлайн-арбитраж, разрешение и урегулирование споров онлайн (ODR/ODS-процедуры), блокчейн-арбитраж и т.д. Третейское разбирательство является классической формой альтернативного разрешения споров, поэтому любые иные негосударственные формы альтернативного разрешения споров базируются на общих с арбитражем конструкциях. Однако отождествление арбитража и арбитраже подобных (или производных от арбитража) форм недопустимо в силу самой природы третейского разбирательства.

В последнее время юристы активно занимаются определением критериев, которые позволяют понять, допустимо ли применять искусственный интеллект в общегражданском процессе. В юридический оборот вошли категории «электронное судопроизводство» и «электронное правосудие», которые принято разграничивать как внешнее и внутреннее содержание деятельности суда, основанной на использовании современных технологий³³. Возможность внедрения цифровых технологий в судебную

³² Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заклучена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.

³³ Трезубов Е. С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 5. С. 207.

деятельность рассматривается в двух ключевых направлениях: 1) в помощь участникам процессуальных отношений (документооборот, делопроизводство, удаленное участие в заседании, конструктор типовых документов и т.д.), а также 2) вместо судьи или иного юрисдикционного органа (разрешение дела по существу, принятие окончательного решения по спору)³⁴.

Внедрение цифровых инструментов для анализа доказательств, составления текстов решений, быстрого обмена информацией и прогнозирования результатов дела считается важным способом повышения эффективности судопроизводства³⁵. Однако ни в доктрине, ни на нормативном уровне не раскрывается правовая природа искусственного интеллекта³⁶, это явление не вполне понятно юристам, в связи с чем замена судьи на такие технологии оценивается как преждевременная и даже нежелательная в этическом смысле. Значимым является и то, что на текущий момент технологии искусственного интеллекта не являются правосубъектными, что исключает возможность придания им статуса участника процессуальных правоотношений³⁷. Поэтому внедрение технологий искусственного интеллекта осуществляется с целью оказания содействия судье-человеку, для оптимизации рутинных процедур, при этом «святая святых», принятие окончательного решения, остается за судьей, а не за машиной. В мире пока лишь встречаются единичные примеры внедрения технологий искусственного интеллекта в процесс разрешения спора по существу.

Исследователи убеждены, что уже на текущий момент технологии искусственного интеллекта, позволяют значительно быстрее, дешевле и качественнее разрешать споры, анализировать большие массивы данных и практически не допускать ошибок при принятии решения. И это касается так

³⁴ Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы/ М.В. Самсонова [и др.], отв. ред. Стрельцова Е. Г. – М.: Ифотропик Медиа, 2022. С. 216.

³⁵ См.: Курочкин С. А. Цифровые технологии и эффективность правосудия // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 10. С. 160; Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: монография / под ред. Е.П. Русаковой – М.: РУДН, 2022. С. 5 – 7.

³⁶ Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам / Под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. – М.: Статут, 2022. С. 278 – 279.

³⁷ Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 23.

называемого «слабого искусственного интеллекта», основанного на прописанных разработчиками алгоритмах действий. Те же технологии, которые способны действовать автономно, самостоятельно развиваться и, по сути, выполнять когнитивные функции, свойственные человеческому разуму, т.н. технологии «сильного искусственного интеллекта» должны быть способны принимать гибкие решения с учетом большего числа не включенных в алгоритм переменных данных. Считается, что таких «сильных» технологий на текущий момент еще не существует.

Наиболее перспективным внедрение технологий искусственного интеллекта в процесс разрешения спора по существу видится в альтернативных формах разрешения споров, что предопределено этическими стандартами, конвенциональностью и диспозитивностью соответствующих процедур. В них стороны обычно могут самостоятельно принимать решения о прекращении конфликта на согласованных условиях, имеют равные права, а результаты процедуры можно подвергнуть контролю в государственном суде³⁸.

Третейское разбирательство, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, является одним из общепризнанных в любом современном правовом обществе способов разрешения частноправовых споров, проистекающих из свободы договора и автономии воли участников правоотношений³⁹. Исходя из масштаба данного явления и его правовой природы необходимо определить допустимость и пределы внедрения цифровых технологий в арбитраж. Так, И. Н. Спицин указывает, что в силу частноправовых начал третейского разбирательства стороны арбитража могут вместо «осмысленного правоприменения» арбитром отдать свои предпочтения автоматизированному разрешению спора⁴⁰. Между тем, возможность сторон самостоятельно определять процедуру рассмотрения спора в третейском суде не безгранична, что предопределено, например,

³⁸ Трезубов Е. С. Цифровые технологии в альтернативных способах разрешения споров // Право цифровой среды: Монография / Под редакцией Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громоной. – М.: ООО "Проспект", 2022. С. 665-666.

³⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона "О государственной регистрации недвижимости" в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 42. Ст. 7596.

⁴⁰ Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам / Под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. – М.: Статут, 2022. С. 284

необходимостью установления соответствия арбитража публичному порядку⁴¹ и основным чертам процессуальной формы, закрепленным в международных договорах и нормах национального права. Г. В. Севастьянов справедливо указывает, что третейская процессуальная форма, сохраняя базовые принципы арбитража (законность, объективность, независимость и беспристрастность арбитров, конфиденциальность, равноправие сторон арбитража и т.д.) может быть изменена по соглашению сторон и по воле состава третейского суда⁴². При этом в соответствии со стандартами верховенства права порядок разрешения спора третейским судом должен тяготеть к устойчивым конструкциям цивилистического процесса⁴³.

В настоящее время особую популярность получает *онлайн-арбитраж*, соответствующие правила предусмотрены регламентами большинства арбитражных учреждений. Онлайн-арбитраж представляет собой процедуру разрешения споров с использованием электронных средств передачи, обработки и хранения информации, уведомления сторон⁴⁴. При этом арбитраж-человек не заменяется на машину⁴⁵.

Онлайн-арбитраж — это всего лишь способ дистанционного рассмотрения споров в третейском суде, который позволяет использовать цифровые технологии для помощи участникам процесса. Благодаря цифровым сервисам стороны могут сэкономить на транспортных расходах и других затратах, связанных с посещением места рассмотрения спора, а также привлечь арбитров из любого региона. При этом онлайн-арбитраж не влияет на суть третейского разбирательства⁴⁶. В этом смысле название «онлайн-арбитраж» звучит излишне претенциозно, подобные сервисы активно

⁴¹ Международный коммерческий арбитраж: учебник / под ред. В.А. Мусина, О.Ю. Скворцова. — СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 326 - 330

⁴² Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) — СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2015. С. 72-73.

⁴³ Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / Под ред. проф. О.Ю. Скворцова и проф. М.Ю. Савранского — М.: Статут, 2016. С. 135.

⁴⁴ Соловых С. Ж., Волков А. В. Цифровизация коммерческого арбитража: зарубежный опыт и современное состояние в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 172.

⁴⁵ Курочкин С. А. Цифровые технологии и арбитраж // Третейский суд. 2022. № 2/3(130/131). С. 79.

⁴⁶ Савранский М. Ю., Попова М. Ю. Арбитражное слушание с дистанционным участием: необходимые инновации, необратимо меняющие традиции // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 12(181). С. 139-140.

применяются в российском арбитражном процессе, но мы не называем соответствующий порядок «онлайн-правосудием»!

Третейские центры используют частные децентрализованные системы аутентификации, удаленного взаимодействия и веб-конференции⁴⁷, что обеспечивает соблюдение конфиденциальности процедуры, но в то же время возлагает на администрирующее арбитраж учреждение дополнительные существенные издержки на поддержание цифровой инфраструктуры. В этой связи в литературе высказывается мнение о целесообразности присоединения третейских судов к цифровым сервисам, применяемым отечественными арбитражными судами и судами общей юрисдикции⁴⁸, между тем, интеграция частных и публичных сервисов видится нам неприемлемой как с организационной, так и с концептуальной позиций. Применение в российском третейском разбирательстве сервисов на основе портала Госуслуг затруднит участие иностранных субъектов, не имеющих подтвержденной учетной записи, а кроме того, противоречит частноправовой природе арбитража, предполагающей выполнение всех функций по администрированию процедуры избраным сторонами третейским центром или составом третейского суда (в арбитраже *ad hoc*). С политико-правовой позиции едва ли допустимо будет предоставлять ПДАУ и арбитрам права оператора данных Единой системы идентификации и аутентификации или иных государственных сервисов. В инфраструктурной части третейское разбирательство должно быть обособлено от государственных судов.

Возможность сторон третейского разбирательства самостоятельно определять правила арбитража⁴⁹, известная свобода самих арбитров в установлении процессуальной формы является имманентной характеристикой рассматриваемой процедуры и ее существенным

⁴⁷ В зарубежной литературе высказывается мнение о нежелательности использования общегражданских, бытовых сервисов видеоконференций, облачных хранилищ и электронной почты, т.к. это может привести к нарушению принципа конфиденциальности в третейском разбирательстве и утечки данных о сторонах и споре, в связи с чем арбитражным учреждениям целесообразнее использовать собственные программные решения, более защищенные и закрытые. См.: Teramura N., Trakman L. Confidentiality and privacy of arbitration in the digital era: pies in the sky? // *Arbitration International*. 2024. Vol. 40, Issue 3. P. 302-303.

⁴⁸ Маколкин Н. Н. Потенциал цифровой трансформации третейского разбирательства // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2023. № 4. С. 29.

⁴⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража», абз. 5 п. 1 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2020. № 3.

преимуществом⁵⁰. Между тем, будет ли приемлемо по соглашению сторон, или в силу регламента институционального арбитража предусмотреть использование технологий искусственного интеллекта с целью разрешения спора, оценки доказательств, ведения хода процесса?

Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ⁵¹ не содержит положений, позволяющих использовать технологии искусственного интеллекта при разрешении споров третейским судом, закреплены лишь возможности использования сервисов видеосвязи и электронных средств коммуникации подачи документов и извещений сторон. Такой консерватизм предопределен наднациональной природой арбитражного решения и гарантиями его исполнения вне зависимости от места арбитража, закрепленными в ст. 3 Нью-Йоркской Конвенции 1958 г.⁵² Такие гарантии одновременно выступают ограничением, поскольку требуют соблюдения понятной состязательной процедуры разрешения спора, обеспечивающей реальную защиту прав сторон спорного правоотношения. К. Л. Брановицкий обоснованно указывает, что основными причинами существенного отставания международного гражданского процесса от национального, применительно к цифровым технологиям и допустимости их применения, является объективное устаревание основных международных договоров и сложность их изменения в виду существующей разницы принципиальных подходов различных государств в вопросах допустимости внедрения цифровых технологий в правоприменительную деятельность⁵³. Поэтому при необходимости обеспечения возможности повсеместного признания и приведения в исполнение арбитражных решений необходимо обеспечивать достаточную универсальность процессуальной формы⁵⁴ третейского

⁵⁰ Савранский М.Ю., Ловенецкая Ю.А. Роль источников мягкого процессуального права в регулировании международного арбитража // Закон. 2023. № 6. С. 147

⁵¹ Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ 2021 // Доступ из сети Интернет: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/21-07998_ebook_r.pdf (дата обращения 13.08.2024 г.)

⁵² Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.

⁵³ Брановицкий К.Л. Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 44.

⁵⁴ Под процессуальной формой понимается урегулированный порядок (правила процедуры) осуществления процессуальной деятельности по рассмотрению и разрешению юридических дел. Процессуальная форма регламентирует процессуальное поведение юрисдикционного органа и участников процесса с точки зрения содержания этого поведения, а также с точки зрения логической последовательности процессуальных действий и бездействия, а также с точки зрения места и времени их

разбирательства, прозрачность и понятность процедуры, основанной на состязательности и равноправии, что, в конечном счете, рассматривается компетентными судами через критерий соответствия публичному порядку третейского решения *ex officio*⁵⁵.

Одна из ключевых проблем онлайн-арбитража заключается в определении места третейского разбирательства, поскольку цифровые технологии дистанционного участия предполагают не только нахождение сторон и арбитров в значительном удалении друг от друга, но и изменение их фактического местонахождения из заседания в заседание. Единственное, что необходимо для участия в онлайн-арбитраже – компьютер с доступом к сети Интернет, поэтому место разбирательства по общему правилу устанавливается по адресу нахождения институционального центра, администрирующего разбирательство и предоставляющего цифровую инфраструктуру. Но от этого места зависит компетенция государственного суда, уполномоченного на оказание функций содействия и контроля, а также вывод о действительности и заключённости третейского соглашения в соответствии с правом, которому оно подчинено, или правом места арбитража.

Чтобы исключить риск отмены арбитражного решения или отказа в его принудительном исполнении, процессуальная форма третейского разбирательства должна быть универсальной и понятной для любого правопорядка. Это является препятствием для внедрения цифровых технологий, особенно в международный коммерческий арбитраж. На сегодняшний день передача функций арбитра искусственному интеллекту

совершения и несовершения. См. например: Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 105-106.

Процессуальной форме свойственен определенный порядок, predetermined и обеспечиваемый системой гарантий прав субъектов процессуальных отношений (принципов процессуального права, общеправовых и наднациональных гарантий юрисдикционной защиты). См.: Кулакова В. Ю. Единство и дифференциация процессуальной формы // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 3(160). С. 113.

Процессуальная форма не тождественна процессуальному законодательству, а представляет собой базовые (основополагающие) правила рассмотрения дела, остающиеся в достаточной степени стабильными даже при изменении законодательства. См.: Гражданское процессуальное право России. В. 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата / С. Ф. Афанасьев [и др.]; под ред. С. Ф. Афанасьева – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 43 – 44.

⁵⁵ См.: Долова М.О., Сеницын С.А. Пределы проверки решения третейского суда на предмет его противоречия публичному порядку Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 58 – 59; Молчанов В. В. Противоречие публичному порядку Российской Федерации как основание для отмены решения третейского суда и отказа в выдаче исполнительного листа // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 5. С. 151.

невозможна, поскольку технологии не признаются субъектами права, а арбитраж — это процедура, которая предполагает вынесение обязательного для сторон спора решения нейтральным лицом⁵⁶.

Наднациональная (автономная) природа арбитража выступает ограничивающим фактором активного применения технологий искусственного интеллекта в третейском разбирательстве. Важным условием будет прозрачность и понятность применимых цифровых сервисов, одинаковое отношение к ним как в месте арбитража, так и в месте признания и исполнения арбитражного решения. Даже при использовании цифровых технологий для ассистирования арбитру в оценке доказательств, аналитике больших данных, использования различных сервисов для проверки обоснованности позиции сторон разбирательства, в арбитражном решении весьма подробно должен быть прописан алгоритм действия применяемых технологий и указаны критерии безусловной достоверности выводов, сделанных третейским судом. Здесь контроль человека над машиной должен быть выражен не только в формальной процедуре верификации выводов, но и в их объяснении в тексте решения. Отсутствие должной мотивировки достоверности результатов использования цифровых технологий будет свидетельствовать о необоснованности третейского решения, ограничении принципа состязательности и справедливости юрисдикционной защиты, а значит, с высокой вероятностью приведет к отмене или отказу в исполнении третейского решения. Даже в случае совпадения места рассмотрения дела третейским судом и места выполнения компетентными судами функций контроля на описание алгоритмов примененных цифровых технологий потребуется тратить время, т.к. арбитрами используется частная, а не государственная цифровая экосистема разрешения спора.

Как следствие, полномасштабная цифровизация арбитража в его классическом виде способна привести к удорожанию процедуры, что не будет способствовать его популяризации. В таких условиях о перспективах разгрузки судебной системы говорить не приходится.

⁵⁶ Курносов А. А. Пределы внедрения технологий искусственного интеллекта в третейское разбирательство // Применение Конституции Российской Федерации в судебной деятельности: проблемы теории и практики : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Кемерово, 16 ноября 2023 года. – М.: РГ-Пресс, 2024. – С. 40.

Цифровые технологии в первую очередь проникают в сферу материальных правоотношений, существенно меняя их суть, влияя на появление новых объектов гражданских прав, особенности реализации прав и обязанностей, а значит, влияют на способы и формы защиты этого права. Одним из принципиально новых правовых явлений в материальном праве стали *смарт-контракты*, заключаемые и исполняемые в децентрализованном (распределенном) реестре (блокчейн). Споры из смарт-контрактов имеют специфику с учетом сложности понимания самой правовой конструкции смарт-контракта, отсутствия единообразного правового регулирования этого института. Разрешение таких споров может осуществляться как в рамках традиционных судебных процедур или в третейском разбирательстве⁵⁷, так и посредством *блокчейн-арбитража*, являющегося, по сути, новым правовым явлением⁵⁸. Процедуры блокчейн-арбитража предусматривают применение технологий распределенного реестра для выбора арбитров, оценки доказательств, оплаты сборов и вознаграждений арбитров, а также механизмов самоисполнения принятого решения за счет цифровых активов проигравшей стороны (криптовалюты)⁵⁹. В отличие от разрешения споров в третейском или государственном суде, блокчейн-арбитраж функционирует в том же распределенном реестре, в котором исполняется смарт-контракт, а арбитрами чаще всего выступают оракулы (майнеры, пользователи) этого же реестра, имеющие доступ к хэшам смарт-контракта и применяемым криптографическим средствам изнутри. Арбитры в блокчейн-арбитраже способны идентифицировать стороны по их учетной записи, видят полную хэшированную информацию без каких-либо посредников, что предопределено консенсуальной основой функционирования технологий распределенного реестра. Классические

⁵⁷ Например, в Арбитражном центре при Российском союзе промышленников и предпринимателей сформирована Коллегия по спорам в сфере цифровой экономики, специализирующаяся на разрешении споров, возникающих из сделок, предполагающих автоматическое исполнение, в том числе с использованием информационных систем на основе распределенного реестра (блокчейна); споров, возникающих при выпуске, учете и обращении цифровых прав, удостоверяющих имущественные требования, и споров по сделкам, совершенным с использованием и (или) в отношении цифровых финансовых активов // Доступ из сети Интернет: <https://arbitration-rspp.ru/about/structure/boards/digital-disputes/> (дата обращения: 8.09.2024 г.)

⁵⁸ Курносов А. А. Применение технологий искусственного интеллекта в разрешении споров в сфере электронной коммерции // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2024. № 22. С. 59.

⁵⁹ Засемкова О. Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 4(161). С. 12-17.

третейские и государственные суды непосредственного доступа к хэшам не имеют, т.к. не являются участниками реестра, и исследуют информацию о смарт-контрактах опосредованно, в том числе с помощью экспертов или специалистов. Здесь приходится констатировать, что из-за недостаточной нормативной регламентации самой технологии блокчейна и ее транснациональной природы существует множество проблем. Так, при рассмотрении спора может потребоваться не только исследовать саму запись блокчейна об исполненном смарт-контракте, но и подпись блокчейна, след блокчейна, временную метку блока, реестр транзакций и т.д., свидетельствующие о ходе согласования условий обязательств и их исполнении⁶⁰. При этом доступ ко всей необходимой информации может быть ограничен в силу множества факторов, например, если смарт-контракт заключен не в публичном, а частном (консорциумном) блокчейне, если стороны обязательства авторизованы в распределенном реестре под вымышленными именами и проч.

На текущий момент позитивное право все еще не приспособлено к технологиям распределенного реестра на необходимом уровне, что существенно ограничивает (если не исключает) эффективное разрешение споров из смарт-контрактов классическими способами на системной основе, именно поэтому появляются и функционируют специализированные платформы блокчейн-арбитража. Наиболее известными форумами являются французский сервис децентрализованного разрешения споров “Kleros”, работающий на платформе «Эфириум»⁶¹, швейцарская “Aragon” или американская SAMBA (The Smart Arbitration & Mediation Blockchain Application, созданная Miami Blockchain Group). Правила рассмотрения споров такими форумами во многом основаны на Арбитражном регламенте ЮНСИТРАЛ, что предопределяет главенствующую роль арбитра-человека в большинстве случаев. Между тем, такие формы разрешения споров все еще не регламентированы в достаточной степени детально на уровне закона или международных договоров, поэтому исследователями отмечается условность

⁶⁰ Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам / Под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. – М.: Статут, 2022. С. 258.

⁶¹ Русакова Е. П. Суд KLEROS: революция ли процесса разрешения споров? // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 5. С. 279.

термина «арбитраж» к данному правовому явлению, и существенные проблемы исполнения решений блокчейн-арбитража по правилам Нью-Йоркской конвенции 1958 г. вне распределенного реестра⁶². Среди проблем, препятствующих процедуре экзекватуры таких решений, обычно выделяется несоблюдение формы арбитражного соглашения, анонимность транзакций и сторон правоотношений⁶³, непрозрачность процедуры разрешения спора, отсутствие квалификационных требований к арбитру, выбор применимого права без коллизионных привязок, отсутствие решения арбитров в классической письменной форме⁶⁴.

Все известные форумы блокчейн-арбитража на текущий момент используют в основе своей деятельности различные цифровые алгоритмы, работающие в распределенном реестре, в том числе алгоритмы установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, но решение по спору принимается авторизованными пользователями (их может быть несколько десятков, поскольку требуется обеспечить проверку достоверности хэшей во всех значимых блоках в распределенном реестре), зачастую не обращающими внимание на конкретные правовые нормы, а разрешающими спор по справедливости большинством голосов (применяя правило «мудрости толпы»). К арбитрам в блокчейн-арбитраже, таким образом, зачастую не предъявляется квалификационное требование, в том числе требование о возрасте или об образовании. Говорить о масштабном применении технологий искусственного интеллекта взамен «судей» в этих процедурах пока не приходится. Цифровые технологии здесь применяются как ассистенты, позволяющие оптимизировать процедуру разрешения споров, в том числе установить существенные для дела обстоятельства. Хотя при должном уровне развития технологий искусственного интеллекта мы не усматриваем препятствий наделяния его функциями по разрешению споров из смарт-контрактов, поскольку процедура заключения и исполнения обязательства осуществляется в закрытой системе, а решение блокчейн-

⁶² Засемкова О. Ф. Разрешение споров с помощью технологии блокчейн // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4(101). С. 165.

⁶³ Ermakova E. P. Blockchain, metaverses and NFT in civil procedure and arbitration in Russia, China and USA // RUDN Journal of Law. 2023. Vol. 27, No. 1. pp. 153, 156.

⁶⁴ Галковская Н. Г., Вутын В. Е. Онлайн-арбитраж как средство разрешения трансграничных экономических споров. Проблемы принудительного исполнения онлайн-арбитражных решений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 135.

арбитража должно быть автоматически исполнено за счет криптовалюты в соответствующем распределенном реестре⁶⁵.

Убеждены, что ценности в стремлении создать блокчейн-арбитраж особым видом третейского разбирательства и подчинять его международным договорам, регламентирующим особенности арбитража и исполнения арбитражных решений, нет, с этим со временем при должной правовой регламентации справятся классические третейские центры за счет специализации арбитров. Блокчейн-арбитраж, будучи *особой альтернативной формой разрешения споров*, должен учитывать специфику технологий распределенного реестра, являться децентрализованным механизмом, не предполагающим государственного вмешательства, обеспечивать реализацию принципа самоисполнения смарт-контрактов. Принципы работы технологий распределенного реестра предполагают работу алгоритмов по последовательной проверке информации в цепочке блоков и подтверждении истинности (неизменности) хэша каждого блока. Проверка достоверности осуществляется за счет алгоритма работы системы, и от конкретного пользователя, по сути, не зависит. Соответственно, цифровые технологии, алгоритмы и технологии искусственного интеллекта (в т.ч. сильного) могут и даже должны применяться в блокчейн-арбитраже с целью действительно правильного разрешения спора и применения правил, которым стороны подчинили свой смарт-контракт⁶⁶.

В связи с развитием электронной торговли в последние годы получили свое развитие и *онлайн-платформы разрешения споров*, которые зачастую именуются арбитражем (или необязательным арбитражем)⁶⁷. 24.03.2016 г. были утверждены в новой редакции Рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития о защите потребителей в

⁶⁵ Курносов А. А. Применение технологий искусственного интеллекта в разрешении споров в сфере электронной коммерции // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2024. № 22. С. 60.

⁶⁶ Курносов А.А. Перспективы применения искусственного интеллекта в арбитраже и основанных на нем альтернативных формах разрешения споров // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 5. С. 194-197.

⁶⁷ См. например: Галковская Н. Г., Вутын В. Е. Онлайн-арбитраж как средство разрешения трансграничных экономических споров. Проблемы принудительного исполнения онлайн-арбитражных решений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 135; Рожкова М. А. Об автоматизации онлайн-арбитража и онлайн-урегулирования коммерческих и потребительских споров // Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): Сборник статей / Руководитель авторского коллектива и отв. редактор М.А. Рожкова. – М.: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2019. С. 218; Ермакова Е. П. Что входит в понятие онлайн-арбитража в КНР? // Российское правосудие. 2022. № 10. С. 61.

электронной коммерции⁶⁸, в соответствии с п. 43 которых потребителям должны гарантироваться простые, понятные, эффективные механизмы своевременного разрешения местных и трансграничных споров в сфере электронной коммерции, не предполагающие необходимость несения излишних расходов. В Рекомендациях речь идет о механизмах онлайн урегулирования споров и альтернативных формах разрешения споров.

В 2016 году рабочая группа Комиссии ООН по праву международной торговли разработала технические комментарии по урегулированию споров в режиме онлайн (приняты на 33-й сессии Рабочей группы III (Урегулирование споров в режиме «онлайн») ЮНСИТРАЛ (Нью-Йорк, 27 июня - 15 июля 2016 г.)), носящие рекомендательный характер, и провозглашающие принципы справедливости, прозрачности, надлежащей правовой процедуры и подотчетности⁶⁹. В соответствии с указанными Техническими комментариями механизмы урегулирования споров онлайн (УСО, или в оригинале – ODR⁷⁰) могут внедряться в гражданский оборот с целью урегулирования или разрешения споров из трансграничных сделок, заключаемых в режиме онлайн, посредством создания администратором платформы (технологической базы) УСО соответствующих условий. В соответствии с п. 22 Технических комментариев процедура УСО может быть особенно полезной в отношении споров, возникающих из небольших по стоимости трансграничных сделок в сфере электронной торговли. В ст. 2 Технических комментариев в качестве примера указывается на возможность использования различных форм альтернативного разрешения или урегулирования споров: как классических переговоров, посредничества и арбитража, так и гибридных – рассмотрение спора омбудсменом или комиссией по рассмотрению жалоб и проч. Выбор тех или иных форм урегулирования или разрешения споров предопределяется спецификой спора и возможностями используемой ODR-платформы.

⁶⁸ Доступ из сети Интернет: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0422> (дата обращения 20.10.2024 г.)

⁶⁹ Технические комментарии ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров в режиме онлайн 2016 г. // Доступ из сети Интернет: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/17-00384_r_ebook_technical_notes_on_odr.pdf (дата обращения 8.09.2024 г.)

⁷⁰ Аббревиатура на английском Online Dispute Resolution – дословный перевод с английского – онлайн-разрешение споров.

Соответствующие ODR механизмы уже являются широко распространенными (например, система “Taobao ODR” компании “Alibaba Group” в КНР, сервисы на платформах eBay и Amazon в США, отечественные сервисы экосистем Сбер, Яндекс, маркетплейсов Ozon или Wildberries). Эти и подобные им сервисы используют в своей основе цифровые технологии, позволяющие анализировать транзакции, обрабатывать требования потребителей и ответы продавцов, принимать решения на основе заложенных в программный код алгоритмов и предусматривают механизмы самоисполнения вынесенных решений по спору⁷¹. Расширение сферы применения платформ онлайн-разрешения споров предопределено уровнем развития информационно-коммуникационных технологий в соответствующих странах и выступает гарантией расширения доступности защиты прав и законных интересов⁷². На текущий момент в России отсутствует должное нормативно-правовое регулирование функционирования онлайн-платформ разрешения споров в сфере электронной коммерции, поэтому соответствующие процедуры можно охарактеризовать как частные модели альтернативных форм урегулирования / разрешения споров гибридного типа. В ODR-механизмы начинают внедряться и технологии искусственного интеллекта, использующего машинное обучение и аналитику больших данных. Как было указано выше, нередко ODR-сервисы именуются формами арбитража (или онлайн-арбитража). Между тем, такая терминологическая путаница и отождествление ODR-технологий для разрешения споров внутри цифровой экосистемы с арбитражной процедурой недопустима⁷³. Как и в случае с блокчейн-арбитражем, перед нами существенно новое явление, по своей правовой природе не тождественное третейскому разбирательству⁷⁴. В. Д. Мельник также идентифицирует ODR-процедуры как самостоятельный

⁷¹ См.: Габов А. В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 1. С. 213-220; Рожкова М. А. Перспективы правового регулирования онлайн-разбирательств потребительских споров // Закон. 2022. № 9. С. 147-151.

⁷² Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: Дисс. ... д-ра юрид. наук, 2021. - М.: РУДН. С. 184.

⁷³ Курносов А.А. Перспективы применения искусственного интеллекта в арбитраже и основанных на нем альтернативных формах разрешения споров // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 5. С. 197-198.

⁷⁴ Rusakova E. P., Frolova E. E. Digital disputes in the new legal reality // RUDN Journal of Law. 2022. Vol. 26, No. 3. P. 702.

гибридный вид альтернативных форм разрешения споров, в основе которого лежит и специфика спора, и обязательное участие в процедуре администратора платформы онлайн-урегулирования спора⁷⁵.

ODR-платформы позволяют бесплатно, быстро и эффективно разрешить спор. Как было сказано, решения, принимаемые в таких процедурах, зачастую являются самоисполняемыми, т.е. обязанность должника исполняется за счет внутренних ресурсов платформы (например, онлайн-кошельков пользователя, принудительной блокировки магазина продавца до исполнения решения платформы и т.д.). Онлайн-форумы разрешения споров в сфере электронной коммерции характеризует также существенная особенность применимого права. Несмотря на то что такие споры могут иметь транснациональный характер, процедура обычно не предполагает отыскание коллизионных привязок и необходимость применения права того или иного государства. Правила рассмотрения спора и даже применимые способы защиты и условия их реализации в большинстве своем predeterminedены пользовательскими соглашениями, разрабатываемыми владельцами цифровой платформы, что свидетельствует о появлении такого явления как «платформенное право»⁷⁶. Саморегулирование сферы взаимоотношений маркетплейсов, продавцов и потребителей, с одной стороны, является залогом успешного развития сферы онлайн-торговли, эффективности, простоты и оперативности процессов, но с другой стороны, отсутствие правового регулирования со стороны государства приводит к возникновению значительного числа споров и нарушению прав. На текущий момент в России лишь разрабатывается соответствующее правовое регулирование⁷⁷, и все еще отсутствует единство в понимании фундаментальных основ функционирования отечественных ODR-сервисов⁷⁸.

⁷⁵ Мельник В. Д. Онлайн-урегулирование интернет-споров, связанных с приобретением товаров и услуг: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2024. С. 97.

⁷⁶ Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 2(147). С. 111.

⁷⁷ См.: Проект Федерального закона № 1138398-7 "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей" и Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров" // Доступ из сети Интернет: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1138398-7> (дата обращения 20.10.2024)

⁷⁸ Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 2(30). С. 236-238.

В условиях участия в отношениях в сфере электронной торговли субъектов, принадлежащих к разным правовым порядкам, правила маркетплейса начинают играть роль наднационального регулятора, игнорируя какие бы то ни было коллизионные привязки, не основываясь на национальном законодательстве места исполнения договора, праве продавца или покупателя. Применение «платформенного права» выступит существенным ограничением в вопросах признания и принудительного исполнения решений, принимаемых в ODR-процедурах. Стороны при применении механизма экзекватуры неизбежно столкнутся бы и с иными непреодолимыми сложностями: определением места разбирательства, с проблемой независимости и беспристрастности посредников, с установлением факта заключения соглашения о передаче спора на разрешение посредством начала диспута и/или регистрации личного кабинета на платформе агрегатора и т.д. Поэтому в случае несогласия с вынесенным ODR-платформой решением не нужно рассматривать его как аналог третейского решения и прибегать к механизмам контроля со стороны государственного суда - стороны спора могут игнорировать результат состоявшейся процедуры и требовать защиты права в судебном порядке, как и в большинстве гибридных форм альтернативного разрешения спора. Примером подобного нормативного регулирования может быть решение финансового уполномоченного, при несогласии с которым как потребитель финансовых услуг, так и финансовая организация могут обращаться в суд с иском о присуждении или о признании отсутствия обязанности соответственно (статьи 25-26 Федерального закона № 123-ФЗ от 4.06.2018 г.⁷⁹).

Придание решению ODR-платформы качеств исполнительного документа, как это предусмотрено ст. 23 вышеуказанного закона для решений финансового уполномоченного, представляется также недопустимым по причине децентрализованного и частного характера деятельности маркетплейсов и онлайн-платформ урегулирования споров (повторимся, достаточно, если такие решения будут исполняться за счет внутренних средств сторон спора, размещенных на платформе электронной

⁷⁹ Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

коммерции). В литературе высказывается мнение, что решение, выносимое администратором платформы ODR и не исполненное добровольно, должно принудительно исполняться посредством совершения исполнительной надписи нотариуса или вынесения судебного приказа⁸⁰. Данное предложение, сформулированное В. Д. Мельник, как представляется, не отвечает критериям процессуальной экономии и вступает в противоречие с характеристикой бесспорности требований, лежащих в основе исполнительной надписи нотариуса и судебного приказа. Совершение исполнительной надписи может оказаться и финансово более затратным, нежели обращение в суд общей юрисдикции, поскольку налоговое законодательство и Основы законодательства о нотариате предусматривают ограниченный перечень оснований для получения финансовых льгот при обращении за совершением нотариальных действий (ст. 333.38 НК РФ). В то же время, в силу пп. 4 п. 2 ст. 333.36 НК РФ истцы, обращающиеся в суд с требованием о защите прав потребителей, освобождены от оплаты государственной пошлины при заявлении ими требований на сумму до 1 млн. рублей. Учитывая также правила альтернативной подсудности, установленные п. 2 ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей»⁸¹ и ч. 7 ст. 29 ГПК РФ, гражданин-потребитель в России не испытывает каких-либо сложностей с доступом к защите в судебном порядке своих прав (кроме случаев, когда ответчик является иностранной организацией или гражданином, и не имеет имущества на территории РФ). Специфика споров, связанных с приобретением на маркетплейсах товаров и услуг, предполагает сложности в установлении фактов пассивной легитимации, а также фактов поводов к иску. Иными словами, потребитель зачастую будет испытывать сложности в идентификации ответчика, идентификации заказанного товара, подтверждении совершенных им транзакций. Поэтому решение, вынесенное в рамках ODR-процедур, должно, во-первых, отвечать критериям мотивированности и подробно раскрывать информацию о фактах, которые будут включены в предмет доказывания по иску потребителя, а во-вторых,

⁸⁰ Мельник В. Д. Онлайн-урегулирование интернет-споров, связанных с приобретением товаров и услуг: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2024. С. 170

⁸¹ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

при рассмотрении соответствующего требования в суде должно иметь доказательственное значение.

Исходя из указанных сущностных особенностей ODR-процедур мы также не усматриваем принципиальных препятствий применения технологий искусственного интеллекта, в том числе и для целей разрешения спора по существу. Здесь прописать алгоритм рассмотрения обращения и исполнения решения будет возможно за счет универсальных правил работы маркетплейса и внутренней инфраструктуры исполнения акта по итогам спора.

Как было обосновано ранее, правила третейского разбирательства в высокой степени консервативны, поскольку имеют своей целью быть универсальным вненациональным механизмом защиты прав и законных интересов сторон арбитражного соглашения. Обозначенный консерватизм предопределен тем обстоятельством, что ключевые международные акты, регламентирующие третейское разбирательство (Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г.) и вопросы исполнения арбитражных решений (Нью-Йоркская конвенция 1958 г., Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже 1961 г.⁸²), отражают достигнутый во всемирном масштабе консенсус по ключевым аспектам практики международного арбитража. Точечный пересмотр международных актов, применяемых большинством стран мира, будет предполагать значительный по времени и явно неоднородный процесс ратификации и имплементации соответствующих положений государствами⁸³.

Третейская процессуальная форма в любом случае должна строиться на началах состязательности, обеспечивать равный объем средств защиты прав и законных интересов участникам спора, гарантировать объективность, беспристрастность и независимость состава арбитров. Порядок представления, исследования и оценки доказательств должен быть понятен как для сторон, так и для выполняющих контрольные функции компетентных судов. Понятность третейского решения и процедуры его принятия выступает залогом возможности приведения арбитражного решения

⁸² Европейская Конвенция о внешнеторговом арбитраже (Заключена в г. Женеве 21.04.1961) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 10.

⁸³ Дардыкина А.В. Принудительное исполнение определения о наложении обеспечительных мер в поддержку арбитражного разбирательства по Нью-Йоркской конвенции 1958 г. // Закон. 2012. № 5. С. 207.

буквально повсеместно. Учитывая, что юрисдикция третейского суда должна быть признаваема во всем мире, правила арбитража могут быть даже более консервативными, чем правила национального юрисдикционного процесса, должны учитывать общемировые стандарты допущения искусственного интеллекта в юрисдикционный процесс. Поэтому третейское разбирательство нельзя признать приемлемой почвой для апробации возможностей искусственного интеллекта в разрешении спора, потенциал цифровизации арбитража заключается лишь во внедрении технологий, ассистирующих арбитрам при рассмотрении спора. Окончательное арбитражное решение по спору в обозримом будущем должен принимать человек, а не машина.

В то же время блокчейн-арбитраж и ODR-платформы разрешения споров в сфере электронной коммерции, основанные на идеях децентрализации, автономности реестров данных, собственных правилах взаимодействия сторон, механизмах самостоятельного исполнения решений за счет внутренних ресурсов, могут выступить почвой для внедрения технологий искусственного интеллекта в процесс принятия решения. Здесь будет обеспечена возможность игнорирования решения, и полноценное разрешение спора в государственном суде в случае, если решение, принятое платформой или в ходе блокчейн-арбитража, не устроит сторону конфликта⁸⁴.

⁸⁴ Курносов А.А. Перспективы применения искусственного интеллекта в арбитраже и основанных на нем альтернативных формах разрешения споров // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 5. С. 199-200.

§ 2. ПОРЯДОК УЧРЕЖДЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ТРЕТЕЙСКОГО ЦЕНТРА

В соответствии с действующим Законом об арбитраже допускается создание и функционирование постоянно действующих и «разовых» третейских форумов. При этом законом различаются категории «третейский суд», «третейское разбирательство» («арбитраж») и «постоянно действующее арбитражное учреждение». Согласно п. 16 ст. 2 Закона об арбитраже, третейский суд представляет собой состав арбитров (единоличный или коллегиальный), рассматривающих дело. Поэтому в соответствии с действующим законодательством не совсем корректно употреблять традиционную для зарубежной арбитражной доктрины формулировку «постоянно действующий третейский суд» - мы будем использовать категории «третейский центр», «институциональный арбитражный центр» или «постоянно действующее арбитражное учреждение» (ПДАУ). В соответствии со ст. 2 Закона об арбитраже ПДАУ являются подразделениями некоммерческой организации, уполномоченными осуществлять функции по администрированию арбитража на постоянной основе, т.е. являются институциональным третейским центром.

Законом об арбитраже исключена возможность создания ПДАУ при коммерческих организациях, что допускалось прежним Законом о третейских судах 2002 года, т.к. коммерческие организации чаще выступают участниками спора. Как мы указывали, именно за распространенную практику учреждения третейских центров при сторонах спора (за т.н. явление «карманных», «корпоративных», или «кэптивных» третейских судов) институт дореформенного третейского разбирательства критиковался наиболее яростно. М. Л. Гальперин отмечает, что корпоративные арбитражные учреждения при коммерческих организациях были уникальным российским явлением, не встречавшемся в развитых арбитражных правопорядках, в связи с чем появление концепции объективной беспристрастности (отсутствии связи арбитражного центра со стороной спора) стало неизбежной реакцией государства⁸⁵. Действующее законодательство не рассматривает арбитраж как вид предпринимательской

⁸⁵ Гальперин М. Л. Нужна ли третейскому суду объективная беспристрастность? // Вестник экономического правосудия. 2023. № 3. С. 6.

деятельности, направленной на систематическое извлечение прибыли, доходы ПДАУ должны расходоваться на уставные цели по организации разрешения частноправовых споров и развитие института третейского разбирательства, этим и объясняется невозможность учреждения ПДАУ коммерческими организациями. Согласно ч. 2 ст. 44 Закона об арбитраже запрещено создание третейских центров одновременно при нескольких некоммерческих организациях⁸⁶. Открытым остается вопрос допустимости учреждения ПДАУ некоммерческими организациями, созданными органами публичной власти и функционирующими при них, реализующими отдельные полномочия. В литературе отмечается, что такой пробел является явным упущением со стороны законодателя⁸⁷, однако такое молчание, думается, является квалифицированным. Положениями ч. 8 ст. 13 Федерального закона № 409-ФЗ от 29.12.2015 г.⁸⁸ предполагается право законодателя определить институциональный арбитражный центр, уполномоченный рассматривать споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в связи с чем не исключено учреждение соответствующей НКО именно уполномоченным органом публичной власти (Федеральной антимонопольной службой или Минэкономразвития, например). Развитие процедур разрешения споров в сфере контрактной системы будет свидетельствовать о попытке создания квази-судебного органа, сосредотачивающего в себе административные и судебные полномочия разрешения споров. Такая модель отдалена от частноправовой природы арбитража, но может быть реализована в рамках действующего правового регулирования.

⁸⁶ Кроме того, не допускается создание ПДАУ государственными и муниципальными учреждениями, государственными корпорациями, государственными компаниями, политическими партиями и религиозными организациями, адвокатскими образованиями, адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации и Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации, нотариальными палатами и Федеральной нотариальной палатой. Этот же запрет распространяется и на федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

⁸⁷ Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / Под ред. Проф. О. Ю. Скворцова и проф. М. Ю. Саранского – М.: Статут, 2016. С. 260.

⁸⁸ Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона "О саморегулируемых организациях" в связи с принятием Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 29.

Кроме того, в Законе об арбитраже закреплена разрешительная, а не заявительная модель, предполагающая особую и не в полной мере прогнозируемую деятельность Министерства юстиции и Правительства РФ⁸⁹. Данные контролирующие органы в своей деятельности опираются на оценочные категории репутации арбитражных центров и вправе не только наделять организации «лицензией» на арбитраж, но и инициировать обращение в суд с целью прекращения деятельности ПДАУ⁹⁰. Такой бюрократический механизм обычно критикуется в отечественной доктрине и рассматривается как принципиальное препятствие для третейского разбирательства⁹¹, влекущее монополизацию, централизацию и бюрократизацию третейской сферы⁹². Правительство РФ реализовывало свои контрольно-разрешительные полномочия до 29.03.2019 г., начиная с указанной даты вопросы предоставления права учреждения при некоммерческой организации ПДАУ в полном объеме переданы Министерству юстиции⁹³. При этом ключевая роль в разрешительной процедуре отведена Совету по совершенствованию третейского разбирательства, созданному при Минюсте на паритетных началах (в его состав включены как должностные лица указанного федерального органа исполнительной власти, так и представители юридического и бизнес-сообществ, а также ученые-юристы), и рассматривающему заявления о предоставлении права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, а также занимающемуся систематизацией и обобщением практики третейского разбирательства, выработкой государственной политики в сфере арбитража. Совет не является органом государственной власти и не входит в штатную структуру Министерства, не правосубъектен в гражданских правоотношениях, и действует как особое

⁸⁹ История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект: монография / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. – М.: Проспект, 2019. С. 286-287.

⁹⁰ Скворцов О. Ю. О консервативной модели арбитража // Закон. 2017. № 7. С. 62.

⁹¹ См. например: Дегтярев С.Л., Горелов М.В. Задачи арбитражей (третейских судов) ad hoc в России // Российский судья. 2018. № 11. С. 6

⁹² Бенедская О. А. Конституционно-правовые основы института третейского суда в Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук – М., 2020. С. 15.

⁹³ Федеральный закон от 27.12.2018 № 531-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" и Федеральный закон "О рекламе"» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8457.

общественное образование, члены которого осуществляют свою деятельность на общественных началах⁹⁴.

Рекомендация Совета по совершенствованию третейского разбирательства предопределяет решение, принимаемое Минюстом по итогам рассмотрения ходатайства НКО или иностранного арбитражного учреждения. Минюст, как следует из положений ч. 10 и ч. 11 ст. 44 Закона об арбитраже, не обладает возможностью предоставить НКО право на осуществление деятельности ПДАУ в случае отрицательной рекомендации Совета, и наоборот. Это и не удивительно, поскольку возглавляет Совет Министр юстиции Российской Федерации, а сама процедура рассмотрения документов соискателя является частью административной процедуры, предусмотренной Законом об арбитраже и Положением о деятельности Совета⁹⁵. Совет по совершенствованию третейского разбирательства не является органом публичной власти, поэтому лица, чьи права нарушены решением Минюста о предоставлении права на осуществление ПДАУ, могут оспорить в судебном порядке соответствующее решение (имеющее ненормативный характер⁹⁶) Министерства (такое дело будет относиться к компетенции районного (городского) суда и рассматриваться по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ⁹⁷, поскольку лежащие в основе учреждения ПДАУ правоотношения по своей природе не являются предпринимательскими, и не призваны создавать организационные условия для систематического извлечения прибыли⁹⁸). Между тем, в судебной практике встречаются случаи предъявления административных исков об

⁹⁴ Актуальное положение о Совете по совершенствованию третейского разбирательства, порядке его создания и деятельности утверждено Приказом Минюста России от 20.03.2019 № 45, которым признано утратившее силу предыдущее Положение (утвержденное Приказом Минюста России от 13.07.2016 № 165): Приказ Минюста России от 20.03.2019 № 45 «Об утверждении Положения о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 28.03.2019.

⁹⁵ Приказ Минюста России от 20.03.2019 № 45 «Об утверждении Положения о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

⁹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», абз. 3 п. 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

⁹⁷ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции», п. 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 3.

оспаривании как рекомендаций (действий) Совета по совершенствованию третейского разбирательства, так и распоряжений Министерства юстиции⁹⁹. Как представляется, разделение актов Совета и актов Министерства при рассмотрении ходатайства о предоставлении права осуществления функций ПДАУ является неправильным, поскольку объектом оспаривания должен выступать итоговый акт индивидуального правоприменения, которым нарушаются права и законные интересы административного истца или на него возложены дополнительные обязанности (п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2022 № 21), а таким актом выступает именно распоряжение Минюста России. Более того, поскольку Совет создан на паритетных началах, в его составе осуществляют свою деятельность видные ученые, представители бизнеса и юридического сообщества, принимаемое решение является по своей сути демократическим, какие-либо политические или личностные мотивы в значительной степени снижены. С учетом специфики процедуры рассмотрения ходатайства на предоставление права по осуществлению функций ПДАУ, необходимо констатировать, что единственным основанием для признания в судебном порядке распоряжения Минюста об отказе в предоставлении заявителю такого права незаконным будет являться процедурное нарушение. Вторгаться в оценочные категории, которыми апеллирует Совет и Министерство, суд не вправе.

На текущий момент в Российской Федерации свое право на учреждение ПДАУ получили пять некоммерческих организаций, кроме того, два арбитражных центра сохранили свой статус в силу прямой нормы закона - Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МАК при ТПП РФ) и Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ). Также четыре иностранных арбитражных учреждения на основании решений Правительства РФ и Минюста РФ признаны ПДАУ¹⁰⁰. Ни один региональный третейский центр,

⁹⁹ См. например: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2021 по делу № 88а-272/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 11.05.2022 по делу № 33а-2327/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁰ Перечень иностранных арбитражных учреждений, признаваемых постоянно действующими арбитражными учреждениями // Доступ из сети Интернет: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/perecheninostrannyharbitrazhnyhuchrezhdennyvmac_nnPiCwp.docx (дата обращения: 14.08.2024 г.)

зарекомендовавший себя в дореформенный период с положительной стороны, так и не смог получить искомого разрешения, что отмечается как существенное ограничение доступности третейского разбирательства.

В первое время после принятия Закона об арбитраже претендовали на получение права многие некоммерческие организации. Очевидно, что рынок юридических услуг не был готов отказаться от такой ценной опции, как разрешение спора в максимально удобной процедуре с гарантированным результатом. Так, с марта по декабрь 2017 года в Совет поступило 88 заявлений от порядка 50 российских некоммерческих организаций, большинство заявлений были возвращены без рассмотрения по техническим причинам и допущенным нарушениям. На рассмотрение Совета передано всего шесть заявлений, по двум из которых было принято решение о выдаче рекомендации о предоставлении права на осуществление функций ПДАУ¹⁰¹. Однако в дальнейшем из-за последовательной деятельности Министерства юстиции РФ попыток получить разрешение на администрирование арбитража стало меньше. Ниже в табличной форме приведены обобщенные и обезличенные данные из публичных отчетов о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства за период с 2016 по 2024 годы, иллюстрирующие соотношение количества рассмотренных по существу заявлений и заявлений, по которым Советом даны положительные рекомендации Правительству РФ, а с 2019 года – Минюсту РФ. В отдельных случаях заявления поступали в ведомство в одном календарном году, а рассматривались уже в следующем (например, поступившие от двух российских некоммерческих организаций и одного иностранного учреждения в 2016 году заявления были рассмотрены уже в 2017 году – на заседании 21.03.2017 г.), поэтому значения призваны, скорее подтвердить справедливость тезиса о высоких требованиях к институциональным арбитражным центрам.

¹⁰¹ Публичный отчет о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства за период с марта по декабрь 2017 г. // Доступ из сети Интернет: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/publicnyyotchetsoveta2017god.docx> (Дата обращения 15.08.2024 г.)

Таблица 1. Результативность рассмотрения заявлений о предоставлении права на администрирование арбитража¹⁰²

Кол-во заявлений, всего (от российских НКО/от иностранных арбитражных учреждений)	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Передано для рассмотрения по существу	3 (2/1)	6	14	6	1	8 (7/1)	3 (2/1)	-	-
Даны положительные рекомендации	-	2	0	3 (1/2)	0	4 (2/2)	0	-	-

Совет по совершенствованию третейского разбирательства последовательно весь период своей деятельности предъявлял высокие профессиональные и этические требования как к списку арбитров, так и к самим некоммерческим организациям и их учредителям, стремясь обеспечить достижение цели реформы третейского разбирательства в России, этим и объясняются основные причины отказа в выдаче положительных рекомендаций: «репутация некоммерческих организаций, масштаб и характер их деятельности с учетом состава учредителей (участников) не позволяют обеспечить высокий уровень организации деятельности ПДАУ, в том числе в части финансового обеспечения создания и деятельности соответствующих учреждений, отсутствие у иностранного арбитражного учреждения широко признанной международной репутации».

В перечне требований к соискателям на получение права администрирования арбитража Законом предусмотрены репутация некоммерческой организации, масштаб и характер ее деятельности, ориентиром для оценки которых выступают такие критерии, как способность обеспечить высокий уровень организации деятельности постоянно действующего арбитражного учреждения, в том числе в части финансового обеспечения создания и деятельности соответствующего учреждения, а

¹⁰² По материалам, представленным в публичных отчетах о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства за 2016 – 2024 годы // Доступ из сети интернет: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/otchety-o-deyatelnosti-soveta-po-sovershenstvovaniyu-tretejskogo-razbiratelstva/> (дата обращения: 12.04.2025 г.)

также осуществление указанной организацией деятельности, направленной на развитие арбитража в России. Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал¹⁰³, что эти требования направлены на признание права на осуществление функций ПДАУ только за организациями, объективно способными к созданию и обеспечению деятельности таких арбитражных учреждений, которые будут выступать реальной альтернативной государственным судам во исполнение гарантий, закрепленных ч. 2 ст. 45 и ст. 46 Конституции РФ.

Противники консервативной (разрешительной) модели арбитража в России убеждены, что положения ст. 44 Закона об арбитраже и деятельность Совета по совершенствованию третейского разбирательства приводят к принятию произвольных решений по вопросу предоставления права на осуществление функций ПДАУ, поскольку указанная норма содержит чрезмерно высокие требования неопределенного характера, необоснованно ограничивающие допуск широкого круга некоммерческих организаций к администрированию арбитража в России. Однако соответствующие положения Закона об арбитраже продиктованы политико-правовой целью реформы, о которой мы говорили ранее.

Понятия «арбитраж» и «администрирование арбитража» не являются тождественными и различаются ФЗ об арбитраже. Так, **администрирование арбитража** – это выполнение ПДАУ функций по организационному обеспечению арбитража, в том числе по обеспечению процедур выбора, назначения или отвода арбитров, ведению делопроизводства, организации сбора и распределения арбитражных сборов, за исключением непосредственно функций третейского суда по разрешению спора. **Арбитраж (третейское разбирательство)** - процесс разрешения спора третейским судом и принятия арбитражного решения. Само дело

¹⁰³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2021 № 2362-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы автономной некоммерческой организации "Центр арбитражного разбирательства" на нарушение ее конституционных прав частями 4 и 6, пунктом 4 части 8, частями 9 и 10 статьи 44 Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2024 № 826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 20 статьи 44 Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

рассматривается арбитрами/третейскими судьями, а не арбитражным учреждением в целом.

Исходя из положений п. 3 ст. 50 ГК РФ, наиболее приемлемы для создания ПДАУ такие организационно-правовые формы некоммерческих организаций как ассоциации (союзы) и автономные НКО. В уставе НКО-соискателя должно быть предусмотрено, что данная организация ставит перед собой цель способствования урегулированию конфликтов в сфере гражданско-правового (коммерческого) оборота, для чего создает в своем составе ПДАУ¹⁰⁴.

Зарубежный постоянно действующий третейский центр вправе обратиться в Министерство юстиции РФ с ходатайством о предоставлении ему права администрировать третейское разбирательство на территории России, в случае удовлетворения заявления иностранное арбитражное учреждение создает на территории России филиал, имеющий статус ПДАУ и может осуществлять деятельность в соответствии с требованиями Закона об арбитраже. Администрирование арбитража таким ПДАУ обеспечивается его учредителем - иностранным арбитражным учреждением¹⁰⁵.

Ходатайствуя о предоставлении ей права на осуществление функций ПДАУ, НКО должна представить: устав НКО, сведения о ее учредителях (участниках), подготовленные правила арбитража, рекомендованный список арбитров (третейских судей), положение о ПДАУ, которое создается при данной НКО. Также должно быть представлено информационное сообщение (справка) об истории создания НКО, о ее деятельности за истекший период, о достигнутых результатах, дальнейших планах и т.п. (ст. 44 Закона об арбитраже). По сведениям о деятельности и достигнутых результатах оценивается сформировавшаяся профессиональная репутация НКО¹⁰⁶. В соответствии с ч. 8 ст. 44 Закона об арбитраже члены Совета по

¹⁰⁴Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / Под ред. проф. О. Ю. Скворцова и проф. М. Ю. Саранского – М.: Статут, 2016. С. 259

¹⁰⁵ Критерии наличия у иностранного арбитражного учреждения широко признанной международной репутации были выработаны Советом по совершенствованию третейского разбирательства (решение от 27.12.2018 г. (протокол № 5/18)) и включены в п. 49 Положения о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства (утв. Приказом Минюста России от 20.03.2019 № 45).

¹⁰⁶ История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект: монография / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. – М.: Проспект, 2019. С. 288 – 289.

совершенствованию третейского разбирательства при рассмотрении заявления соискателя для положительной рекомендации должны придти к следующим выводам:

- репутация НКО, при которой создается ПДАУ, масштаб и характер ее деятельности с учетом состава ее учредителей (участников) позволят обеспечить высокий уровень организации деятельности ПДАУ, в том числе в части финансового обеспечения создания и деятельности соответствующего учреждения;
- деятельность организации направлена на развитие арбитража в Российской Федерации;
- представленная информация о НКО, при которой создано ПДАУ, и ее учредителях (участниках) является достоверной;
- правила ПДАУ соответствуют требованиям Закона об арбитраже;
- рекомендованный список арбитров соответствует требованиям Закона об арбитраже.

Согласно ч. 3 ст. 47 Закона об арбитраже, в каждом рекомендованном списке арбитров ПДАУ общее количество третейских судей должно быть не менее тридцати, при этом как минимум 1/3 арбитров должны иметь ученую степень, присужденную на территории Российской Федерации по научной специальности, входящей в перечень, утвержденный Минюстом РФ¹⁰⁷, а также, не менее половины арбитров должны обладать опытом разрешения гражданско-правовых споров в качестве третейских судей и (или) в качестве

¹⁰⁷ Приказ Минюста России от 14.10.2016 г. № 236 «Об утверждении перечня научных специальностей, ученые степени по которым должны иметь не менее одной трети арбитров, включенных в рекомендованный список арбитров постоянно действующего арбитражного учреждения» // Российская газета. 2016. № 242.

Данный перечень не приведен в соответствие с актуальной номенклатурой научных специальностей, утвержденной Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 24.02.2021 г. № 118. Последняя актуализация Минюстом приведена применительно к Приказу Минобрнауки РФ от 25.02.2009 г. № 59. Арбитр применительно к предыдущему перечню научных специальностей должен иметь ученую степень кандидата или доктора юридических наук по следующим специальностям: 12.00.03. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.07. Корпоративное право; энергетическое право; 12.00.15. Гражданский процесс; арбитражный процесс. Наличие ученой степени в иной области знаний не влияет на вывод о соответствии списка арбитров требованиям о квалификации.

С учетом правил сопряжения научных специальностей применительно к действующей номенклатуре речь идет исключительно о специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки. См.: Рекомендация Президиума ВАК Минобрнауки России от 10.12.2021 № 32/1-НС «О сопряжении научных специальностей номенклатуры, утвержденной приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118, научных специальностей номенклатуры, утвержденной приказом Минобрнауки России от 23 октября 2017 г. № 1027» // Официальные документы в образовании. 2022. № 7.

судей государственных федеральных судов или судов субъектов, в том числе в качестве мировых судей, в течение не менее десяти лет, предшествующих дате включения в рекомендованный список арбитров. Одно лицо не может входить в рекомендованные списки арбитров более трех ПДАУ. Очевидно, что подобные квалификационные требования к арбитрам являются дополнительным препятствием для лиц, которые не намерены осуществлять реальную деятельность в сфере третейского разбирательства¹⁰⁸. Судя по публичным отчетам о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства, соискатели справляются с тем, чтобы сформировать необходимый список арбитров (хотя для многих региональных НКО и это условие невыполнимо), но большинство из них не могут подтвердить свою репутацию и готовность к функционированию как института гражданского общества и правового государства. Совет делает особый упор на опыт деятельности НКО, ее участников и учредителей, арбитров из рекомендованного списка в общественной и образовательной сфере, который способствовал бы развитию и популяризации арбитража как эффективной альтернативной формы разрешения споров.

ПДАУ осуществляют свою деятельность в соответствии с правилами администрирования арбитража, а также **правилами арбитража**, утвержденными соответствующей НКО, которые размещаются на официальном интернет-сайте такого учреждения, и депонируются в Минюсте России¹⁰⁹. Одновременно может существовать несколько утвержденных и депонированных правил арбитража для одного ПДАУ (например, правила международного коммерческого арбитража, правила арбитража внутренних споров, правила ускоренного арбитража, правила арбитража корпоративных споров и т.д.). Сведения, которые должны быть отражены в правилах арбитража, предусмотрены в ст. 45 Закона об арбитраже.

ПДАУ уполномочены на 1) администрирование международного коммерческого арбитража; 2) администрирование арбитража внутренних споров; 3) с 25.06.2017 г.¹¹⁰ ПДАУ выполняют отдельные функции по

¹⁰⁸ История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект: монография / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. – М.: Проспект, 2019. С. 289.

¹⁰⁹ <http://minjust.ru/ru/deyatelnost-v-sfere-treteyskogo-razbiratelstva/deponirovannye-pravila-arbitrazha>

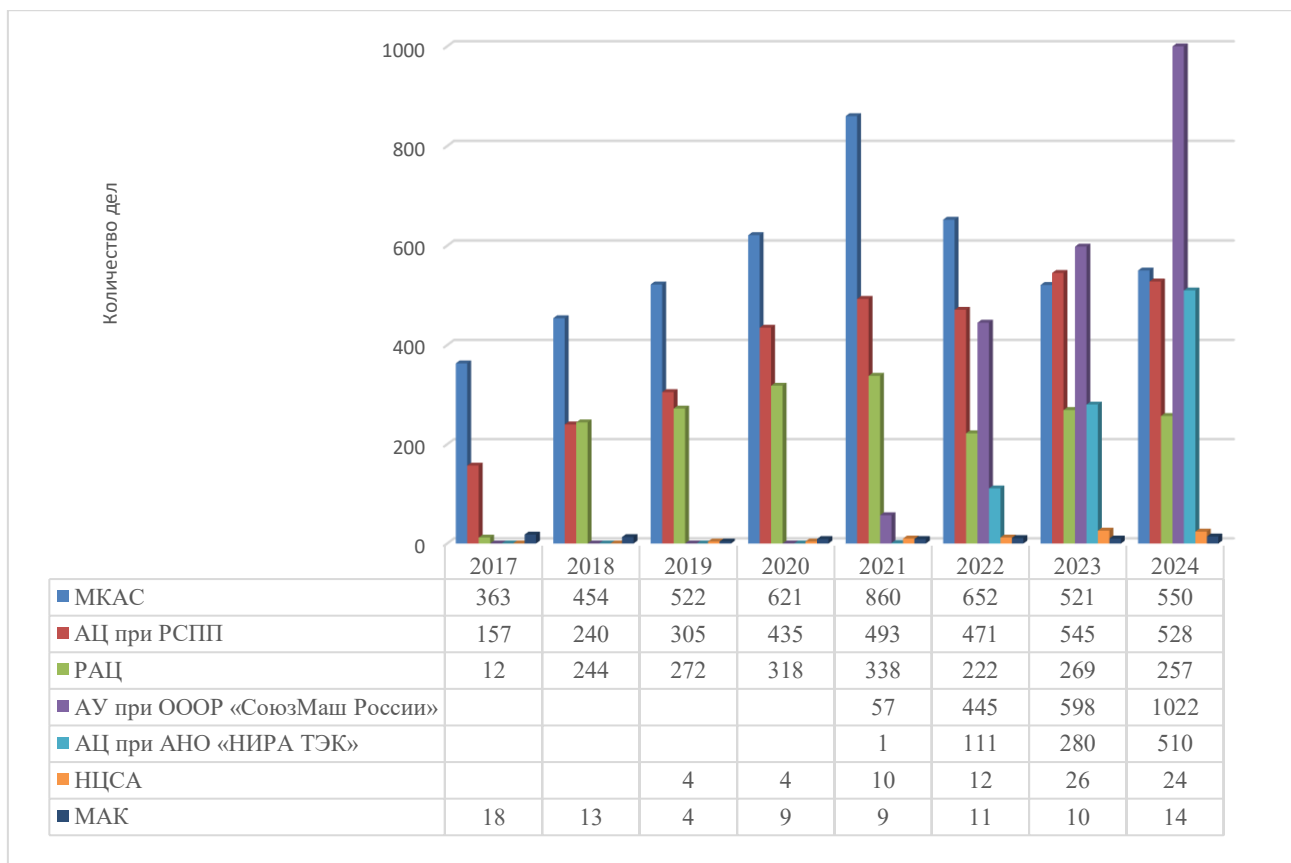
¹¹⁰ Спустя год после принятия Постановления Правительства РФ от 25.06.2016 года № 577

администрированию арбитража *ad hoc* (в том числе функции по назначению арбитров, разрешению вопросов об отводах и о прекращении полномочий арбитров без общего администрирования спора).

В условиях значительного объема критики в сторону процедуры учреждения ПДАУ необходимо дать собственную оценку целесообразности избрания консервативной модели создания институционального арбитража в России. В действительности, Совет по совершенствованию третейского разбирательства в своей деятельности руководствуется оценочными категориями, вне формализованных критериев соответствия. Оценивая репутацию того или иного соискателя, велика вероятность быть излишне субъективным. Между тем, риск субъективной оценки кандидатуры заявителя сокращается за счет паритетных начал формирования состава Совета, а также за счет процедур самоотвода члена Совета при голосовании по конкретным вопросам, предусмотренным положением о деятельности совета.

Как показывает статистика, интерес к институциональному арбитражу в России растет, и, несмотря на геополитические условия и значительный объем экономических санкций против субъектов бизнеса и государства в целом, количество рассматриваемых отечественными третейскими центрами дел увеличивается – эта динамика касается как арбитража внутренних споров, так и международного коммерческого арбитража, что отражается в публичных отчетах о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства. Ниже на схеме приведены численные показатели деятельности институциональных арбитражных центров по рассмотрению исков. Разумеется, такое количество дел несопоставимо с нагрузкой даже одного среднесоставного федерального суда, однако сегодня в России нет объективных экономических условий для экстенсивного развития арбитража, причина тому – быстрое, относительно доступное и в целом эффективное (с позиции официальных статистических данных, сроков рассмотрения дел, доли обжалуемых актов и т.д.) правосудие¹¹¹.

¹¹¹ Курочкин С. А. Эффективность гражданского и арбитражного судопроизводства: Монография. – М.: ИД «Городец», 2024. С. 295.

Схема 1. Количество исков, поступивших в ПДАУ¹¹²

Даже в условиях существенного повышения государственной пошлины за обращение в суд в 2024 году (речь идет об изменениях, внесенных в ст. 333.19 и ст. 333.21 НК РФ Федеральным законом от 8.08.2024 г. № 259-ФЗ¹¹³, вступивших в силу с 8.09.2024 г.) экономических стимулов для обращения в арбитраж недостаточно¹¹⁴. Хотя необходимо отметить, что чем выше цена иска, тем выгоднее в части затрат на обращение в юрисдикционный орган становится третейское разбирательство. Например, при обращении в арбитражный суд с имущественным требованием, оцениваемым в 1 млрд. руб., придется оплатить госпошлину в сумме 5,475

¹¹² Схема взята из Публичного отчета о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства за 2024 год // Доступ из сети Интернет: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/publicnyijotchetodeyatelnostisovetaza2024-final.pdf> (дата обращения: 12.04.2025 г.)

¹¹³ Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4955.

¹¹⁴ Например, при подаче иска, содержащего имущественные требования, подлежащие оценке, в 1 млн. руб., в соответствии с правилами ст. 333.21 НК РФ за обращение в арбитражный суд истец оплатит госпошлину в 55 тыс. рублей, а при обращении с таким же требованием в рамках арбитража внутренних споров в Арбитражный центр при РСПП и единоличном рассмотрении иска – 70 тыс. руб. (при коллегиальном – 85 тыс. руб.). См. Калькулятор сборов Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей // Доступ из сети Интернет: <https://arbitration-rspp.ru/fees-and-costs/costs-calculator/> (дата обращения: 24.08.2024 г.)

млн. руб., в а Российский арбитражный центр при институте современного арбитража – 4,180 млн. руб.¹¹⁵ Подобная ситуация подтверждается положениями об арбитражных сборах всех институциональных третейских центров России. Кроме того, стороны арбитражного разбирательства должны учитывать риски неисполнения третейского решения должником добровольно – процедура экзекутуры не только увеличит срок реального восстановления прав и интересов кредиторов, но и потребует оплаты значительной государственной пошлины, которая теперь определяется динамическим образом, а не является фиксированной (пп. 10 п. 1 ст. 333.19 НК РФ, пп. 13 п. 1 ст. 333.21 НК РФ). Преимуществами отечественного третейского разбирательства, в особенности арбитража внутренних споров, все еще является возможность выбора наиболее квалифицированного состава арбитров, специализирующегося на конкретной категории споров или правоотношениях. В условиях перегруженности судебной системы глубокая специализация судей государственных судов – явление практически недостижимое. Также отечественный цивилистический процесс характеризует превалирование упрощенных форм рассмотрения частноправовых требований (приказное судопроизводство и упрощенное производство). Как показывает статистика, институциональными арбитражными центрами в упрощенном порядке рассматривается незначительный объем дел, поскольку для сторон важнее качество, а не скорость рассмотрения дела третейским судом, за это стороны готовы платить существенные третейские сборы и гонорары арбитрам. Неоспоримыми преимуществами третейского разбирательства являются профессионализм арбитров (с учетом субъективных представлений сторон спора, избравших такого арбитра), справедливость арбитражного решения и конфиденциальность процедуры¹¹⁶. Третейское разбирательство далеко не всегда может обеспечивать достижение критериев процессуальной экономии,

¹¹⁵ Обзор изменений НК РФ. Сравнение госпошлин в судах и арбитражных сборов РАЦ // Доступ из сети Интернет: https://modernarbitration.ru/shopuploads/1/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80_%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%9D%D0%9A_%D0%A0%D0%A4.pdf (дата обращения 1.10.2024 г.)

¹¹⁶ Иншакова А. О. Реформа правовых основ деятельности международного коммерческого арбитража в Российской Федерации: предпосылки, обусловленность, перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 5-6.

а длительность рассмотрения дела третейским судом может быть многократно больше сроков рассмотрения дел государственным судом, установленных в процессуальных кодексах¹¹⁷. Здесь необходимо оговориться, что в большинстве правил арбитража отечественных третейских центров и крупнейших зарубежных институциональных учреждений срок разбирательства в ординарной процедуре определен в шесть месяцев, этот срок не является пресекательным, а состав арбитров предпринимает усилия к максимально оперативному разрешению спора. Такой срок соответствует нормативно установленному сроку рассмотрения дела арбитражным судом (ст. 152 АПК РФ), но превышает сроки рассмотрения дела судом общей юрисдикции (ст. 154 ГПК РФ). В то же время, если обращаться к реальным срокам рассмотрения дел российскими судами, учитывать, кроме того, возможность обжалования судебных решений, не вступивших в законную силу, в апелляционном порядке, преимущество в скорости рассмотрения споров по правилам АПК РФ или ГПК РФ уже не выглядит столь безусловным.

Третейское разбирательство не представляет собой разрешение споров конвейерным способом, оно учитывает потребности и интересы сторон и обеспечивает эффективность процедуры с учетом уникальных запросов участников арбитражного соглашения.

Поднимаемая в литературе и СМИ проблема региональной недоступности третейского разбирательства, отсутствия у нестоличного бизнеса возможности решать свои споры в институциональном арбитраже частично решается за счет создания региональных отделений ПДАУ, которые получили в установленном порядке разрешения на администрирование арбитража. Законом об арбитраже не предъявляются какие-либо специальные требования к таким структурным подразделениям, что позволяет некоторым третейским центрам иметь обширную сеть, охватывающую всю территорию страны. По справедливым замечаниям Г. В. Севастьянова, малому и среднему бизнесу, до реформы привыкшему обращаться в региональные институциональные третейские центры для

¹¹⁷ Носырева Е.И. Сроки третейского разбирательства: преимущество или недостаток арбитража? // *Modus vivendi: арбитраж и частное право: Сборник статей в честь 60-летия О.Ю. Скворцова* / Сост. и науч. ред. Г.В. Севастьянов, В.В. Еремин. – СПб.: АНО "Редакция журнала "Третейский суд", 2022. С. 207-208.

разрешения своих споров (в пример цитируемым автором приводится Сибирский третейский суд в Новосибирске), просто не по карману обращаться в отделения «арбитражных бутиков»¹¹⁸, что способствует росту нагрузки судебной системы. Согласимся, региональные отделения ПДАУ проблему доступности третейского разбирательства не способны решить кардинальным образом, прирост числа рассмотренных институциональными третейскими центрами дел наблюдается, он последовательный, но не существенный. Однако само по себе это не плохо и не хорошо, поскольку ценность арбитража не в массовом разрешении споров, с этим справляется государственная судебная система.

Представляется, российский правопорядок не создает достаточных условий для повсеместного распространения третейского разбирательства – арбитражные центры не могут и не должны обеспечить больший баланс в соотношении «быстро – дешево – качественно» при рассмотрении дела, нежели государственная судебная система. Этот тезис, как минимум, следует из принципа доступности правосудия (доступности защиты нарушенного права и охраняемого интереса), гарантированного статьями 45 – 47 Конституции РФ. В этой связи следует признать, что цель реформы арбитража – создание качественных форумов для разрешения сложных споров, способных со временем быть арбитражными центрами с общепризнанной репутацией – вполне достижима. Но итоговые выводы относительно эффективности современной модели арбитража пока делать преждевременно: по справедливому утверждению С. А. Курочкина, об эффективности реформы третейского разбирательства можно будет говорить тогда, когда в первую очередь цель реформы будет воспринята субъектами соответствующих отношений – арбитрами, сторонами, компетентными судами, выполняющими функции содействия и контроля в отношении третейского разбирательства¹¹⁹.

Тем важнее, учитывая высокие требования в процедуре учреждения ПДАУ, предоставить последним больший объем автономии и

¹¹⁸ Севастьянов Г. В. В России не будет регионального арбитража // Доступ из сети Интернет: https://zakon.ru/blog/2019/4/4/v_rossii_ne_budet_regionalnogo_arbitrazha (дата обращения: 27.08.2024 г.)

¹¹⁹ См.: Курочкин С. А. Эффективность нового российского законодательства об арбитраже // Третейский суд. 2018. № 1/2(113/114). С. 53; *Он же*. Реформа арбитража в России: общие подходы к оценке эффективности нового законодательства // Закон. 2017. № 9. С. 75.

дискреционных полномочий. В рамках второй главы настоящей работы будут раскрыты процессуальные особенности рассмотрения компетентными судами дел о содействии третейскому разбирательству. Будут продемонстрированы риски и несовершенства процессуальной формы рассмотрения запросов третейского суда о содействии в истребовании доказательств, дел по заявлениям стороны арбитража о формировании состава арбитров. В этих категориях дел слишком высока степень дискреции компетентного суда, а его определения являются окончательными и не подлежат обжалованию, слишком высоки риски сторон арбитража столкнуться с проблемой невозможности рассмотрения дела третейским судом по существу. Коль скоро ПДАУ прошли громоздкие административные процедуры, их репутация у Совета по совершенствованию третейского разбирательства и Министерства юстиции РФ не вызвала сомнений, следует наделить ПДАУ компетенцией по самостоятельному истребованию доказательств у лиц, не являющихся сторонами арбитражного соглашения, а также полномочиями по императивному формированию состава арбитров в администрируемом арбитраже. Российскому правопорядку известны примеры придания обязательной силы запросов о предоставлении доказательственной информации частных субъектов правозащитной деятельности – адвокатов (ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹²⁰) и нотариусов (ст. 15 Основ законодательства РФ о нотариате¹²¹), - поэтому наделение ПДАУ аналогичным правом по рассмотрению запроса третейского суда или заявления стороны арбитража будет соответствовать как целям администрирования арбитража, так и способствовать эффективности третейского разбирательства.

¹²⁰ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

¹²¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

§ 3. СОЗДАНИЕ СИТУАЦИОННОГО АРБИТРАЖА И ЕГО АДМИНИСТРИРОВАНИЕ

Как было указано в предыдущем параграфе, в результате реформы третейского разбирательства в 2015 – 2017 годах в России произошло колоссальное сокращение числа институциональных третейских центров: если на момент принятия Закона об арбитраже насчитывалось порядка 1500 – 2500 единиц¹²² (а в отдельных источниках указывалась и цифра в 4000), то на текущий момент соответствующее разрешение получили 7 российских некоммерческих организаций. Сокращение институциональных арбитражных центров в результате реформы третейского разбирательства, в том числе региональных центров с признанной репутацией¹²³, послужило стимулом для укрепления позиций изолированного арбитража (*ad hoc*, создаваемого сторонами материальных правоотношений для разрешения конкретного спора), поскольку именно в этой модели сосредоточены частноправовые начала такой юрисдикционной процедуры, отсутствие жестких разрешительных мер, характерных для институционального арбитража, а также меньшая формализация процедуры¹²⁴. С учетом всех административных барьеров при создании ПДАУ, только третейские суды для рассмотрения конкретного спора остались в вопросах своей юрисдикции подчинены свободе договорного регулирования¹²⁵. В итоге, организации, которые не могли или не смогли получить разрешение на учреждение ПДАУ, нашли выход по разрешению споров, по сути, на системной основе, но формально – в качестве третейского суда *ad hoc*¹²⁶. Такова, видимо, отечественная правовая традиция – искать варианты обхода строгого, нежелательного, неприемлемого по форме или содержанию правила. И появление новых форумов для разрешения споров было неизбежно.

¹²² Чубаров В. В. Реформа показала, что в России пока не так много третейских судов, готовых работать на высоком уровне // Закон. 2017. № 9. С. 6-18.

¹²³ Засемкова О. Ф. Международный коммерческий арбитраж в России: итоги реформы // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 8(177). С.12

¹²⁴ Севастьянов Г.В. Институционализация арбитража *ad hoc* в России. "Институциональные" третейские суды (арбитры). Проблемы и задачи развития арбитража в России // Третейский суд. 2021. № 1. С. 12.

¹²⁵ Герасименко Ю.В., Терехова Л.А. О новой процедуре создания арбитражного учреждения (вступительная статья к обзору) // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 2. С. 209.

¹²⁶ См. например: Ильичев П.А. О целесообразности реформирования системы арбитража *ad hoc* в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7. С. 14; Гераков Р.В. О некоторых проблемах, связанных с правовым регулированием третейских судов *ad hoc* // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 12. С. 17.

Арбитраж *ad hoc*, в отличие от институционального арбитража, создается для разрешения единственного спора. Арбитраж в таком случае осуществляется при отсутствии общего администрирования со стороны постоянно действующего арбитражного учреждения¹²⁷, хотя стороны могут согласовать отдельные полномочия по администрированию третейского разбирательства со стороны ПДАУ (в п. 3 ч. 18 ст. 44 Закона об арбитраже неисчерпывающим образом определены возможные виды деятельности по администрированию изолированного арбитража: выполнение функций по назначению арбитров, разрешению вопросов об отводах и о прекращении полномочий арбитров). В литературе отмечается, что в мировой практике благодаря принципу конфиденциальности в арбитраже *ad hoc* рассматривается значительное количество споров, данный институт популярен в спорах по морскому праву и спорах, связанных с иностранными инвестициями¹²⁸.

Регулирование статуса изолированных третейских судов и особенностей рассмотрения ими споров в ходе реформы третейского разбирательства 2015 – 2017 гг. осталось, по сути, неизменным. В литературе отмечалось, что реформирование третейского разбирательства не коснулось «разового» арбитража лишь по той причине, что он не представлял угрозы для публичных интересов – если стороны спорного правоотношения в состоянии прописать правила рассмотрения их спора, значит их правосознание настолько развито, что едва ли они, выбирая договорную негосударственную юрисдикцию, желают действовать недобросовестно. Арбитраж *ad hoc* должен быть уместен только в высокоорганизованных отношениях хозяйствующих субъектов, которые смогут выбрать авторитетного арбитра, согласовать процедуру рассмотрения спора и без возражений исполнять решение в добровольном порядке, т.к. в противном случае шансы заключить исполнимое третейское соглашение стремятся к нулю¹²⁹. Практика арбитража *ad hoc* в дореформенный период не была

¹²⁷ Еременко В.И. Новая система третейского разбирательства в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2017. № 2. С. 33-44.

¹²⁸ См.: Зайцева А.Г. Эволюция и новеллы арбитража *ad hoc* в России // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 31. С. 87; Stryniak-Puza M. Institutional arbitration or *ad hoc* arbitration? Not such an obvious choice // Roczniki Administracji i Prawa. 2024. Vol. 3, No. XXIV. P. 96.

¹²⁹ История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. - М.: Проспект, 2019. С. 292.

массовой и не порождала какого-либо резонанса, что позволило в ходе обсуждения концепции реформы третейского разбирательства представителям процессуальной доктрины и арбитражного сообщества отстоять идею сохранения ситуационного арбитража как института в действительности автономного разрешения частноправовых споров, существование которого не должно предопределять решение органа государственной власти.

В итоге, создание новой разрешительной модели институционального арбитража в России, как прогнозировалось, приводит к массовому переходу на ситуационный арбитраж¹³⁰, доля которого на 2019 г. в судебной статистике составила более 30%¹³¹ и продолжает увеличиваться¹³².

Процессуальная форма третейского разбирательства *ad hoc*, хотя и должна быть достаточно проста и удобна, все же не является универсальной, т.к. соглашением сторон она может быть подвержена трансформации с учетом содержания базовых принципов¹³³. Третейским соглашением о передаче спора в ситуационный арбитраж стороны предусматривают:

1. порядок назначения арбитра или состава арбитров (согласно ч. 19 ст. 44 ФЗ об арбитраже функции по назначению арбитров, разрешению вопросов об отводах и о прекращении полномочий арбитров могут быть по соглашению стороны переданы ПДАУ, депонировавшему правила по администрированию третейского разбирательства *ad hoc*; если состав арбитров не будет сформирован сторонами, соответствующий вопрос может быть разрешен компетентным судом в порядке выполнения функций по содействию в отношении третейского разбирательства (ч. 3 ст. 11 ФЗ об арбитраже));

¹³⁰ Морозов М. Э. Третейский суд умер, да здравствует *ad hoc*! // Третейский суд. 2017. № 4(112). С. 50.

¹³¹ Морозов М. Э. Эволюция российской судебной практики по арбитражу *ad hoc* // Третейский суд. 2021. № 1(125). С. 71.

¹³² Курносов А. А. Риски "карманного" арбитража *ad hoc*: промежуточные итоги реформы третейского разбирательства в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 334 – 335.

¹³³ Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. - М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 437-438; Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). – СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2015. С. 72; Bantekas I. Equal Treatment of Parties in International Commercial // International and Comparative Law Quarterly. 2020. Vol. 69. Issue 4. P. 1010.

2. место арбитража (в отсутствие соглашения в силу ст. 22 ФЗ об арбитраже место разбирательства определяется третейским судом с учетом обстоятельств дела и удобства сторон, в том числе по месту проведения совещания между арбитрами, заслушивания свидетелей, экспертов или сторон либо для осмотра вещественных доказательств).
3. размер гонорара арбитра (при отсутствии соглашения сторон размер гонорара определяется третейским судом с учетом цены иска, сложности спора, времени, затраченного арбитрами на ведение арбитража, и любых других относящихся к делу обстоятельств (ч. 4 ст. 22 ФЗ об арбитраже)).
4. процедуру рассмотрения спора (в отсутствие соглашения в силу ч. 2 ст. 19 ФЗ об арбитраже третейский суд вправе осуществлять арбитраж таким образом, какой он посчитает надлежащим, в том числе в отношении определения допустимости, относимости и значения любого доказательства), в том числе:
 - язык разбирательства;
 - необходимость проведения слушания по делу с извещением сторон спора;
 - возможность проведения заседания с использованием видео-конференц-связи;
 - протоколирование хода судебного заседания;
 - последствия неявки сторон и их представителей в судебное заседание, последствия непредставления документов и иных материалов;
 - возможность квалификации непредставления ответчиком отзыва в установленный срок как признание иска (ч. 2 ст. 28 ФЗ об арбитраже);
 - возможность назначения экспертизы и порядок ее назначения;
 - и т.д.

Несмотря на то что законом предусмотрена возможность восполнить все вышеперечисленные правила, на практике отсутствие заранее согласованного регламента рассмотрения спора и критериев выбора состава арбитров приведет если не к неисполнимости третейского соглашения, то к чрезмерному затягиванию и удорожанию юрисдикционного процесса. Поэтому как добросовестные, так и заведомо злоупотребляющие своими

правами стороны спора базовые правила арбитража и назначения арбитров предусматривают.

В то же время Закон не содержит запрета по формированию условий посредством присоединения к правилам, утвержденным третьими лицами, и понятным сторонам (иными словами, сторонам не запрещено подчинить арбитраж *ad hoc* депонированным правилам институционального арбитража и уже не разрабатывать специальные процедурные нормы)¹³⁴. В такой ситуации важно, что стороны опираются на уже разработанные правила как на базу, адаптируя ее под свои потребности. Если же правила арбитража *ad hoc* депонированы на внешнем доступном для неопределенного круга лиц ресурсе (например, интернет-сайте коммерческой организации), рассчитаны на неоднократное применение в процедуре ситуационного арбитража, велика вероятность квалифицировать такое процессуальное нарушение как скрытое администрирование или как признак системного характера деятельности¹³⁵, что приводит к отмене третейских решений или к отказу в принудительном исполнении таких актов по причине нарушения процедуры или противоречия публичному порядку соответственно¹³⁶. Как отмечается в литературе, в международной практике стороны арбитражного соглашения *ad hoc* нередко для выбора процедуры рассмотрения и порядка назначения арбитров делают ссылку на применимый регламент, в том числе Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ, или утвержденные списки арбитров¹³⁷.

Резкое увеличение числа споров, разрешенных в ситуационном третейском разбирательстве, привело к появлению в доктрине такого

¹³⁴ История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. - М.: Проспект, 2019. С. 291.

¹³⁵ Морозов М.Э. Ограничения полномочий арбитра *ad hoc* // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 203.

¹³⁶ Курносов А. А. Риски "карманного" арбитража *ad hoc*: промежуточные итоги реформы третейского разбирательства в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 335 – 336.

¹³⁷ См.: Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж: монография, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2021. С. 111; Демирчян В. В., Новикова Т. В. Институциональные и изолированные международные коммерческие арбитражи: обзор практики и сравнительная характеристика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 294; Мусин В.А. Избранное. – СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2014. С. 116; Зыков Р.О. Международный арбитраж в Швеции: право и практика. – М.: Статут, 2014. С. 75.

понятия как «псевдоарбитраж ad hoc»¹³⁸ или «институциональный арбитраж ad hoc»¹³⁹.

После 2017 г. в отечественной судебной практике появилось множество примеров рассмотрения дел по заявлениям о принудительном исполнении третейских решений, вынесенных единоличным арбитром (или коллегией арбитров) ad hoc с явными признаками обхода запрета на администрирование арбитража лицами, не получившими право на учреждение ПДАУ, среди которых: искусственное определение спора как осложненного иностранным элементом, администрирование арбитража учреждением, которое не имеет статус ПДАУ, использование регламентов третейских судов, не получивших разрешение на осуществление деятельности¹⁴⁰. Существенное изменение в регламентации запрета на скрытое администрирование произошло в связи с принятием Федерального закона № 531-ФЗ от 27.12.2018 г, изменившего ч. 20 ст. 44 ФЗ об арбитраже, содержащую запреты на любое администрирование арбитража, образованного сторонами для рассмотрения конкретных споров, а также на рекламирование и публичное предложение по осуществлению третейского разбирательства любыми лицами, не имеющими статус ПДАУ¹⁴¹.

В соответствии с ч. 20 ст. 44 ФЗ об арбитраже лицам, не получившим в установленном порядке право на учреждение ПДАУ, запрещается выполнение отдельных функций по администрированию арбитража, в том числе функций по назначению арбитров, разрешению вопросов об отводах и о прекращении полномочий арбитров, а также иных действий, связанных с проведением третейского разбирательства при осуществлении арбитража третейским судом ad hoc (получение арбитражных расходов и сборов, регулярное предоставление помещений для устных слушаний и совещаний и другие). В случае выявления указанных признаков скрытого

¹³⁸ Костицын А. В. Бормотов А. В. Псевдоарбитражи ad hoc // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2018. № 2(46). С. 110

¹³⁹ Севастьянов Г. В. Институционализация арбитража ad hoc в России. "Институциональные" третейские суды (арбитры). Проблемы и задачи развития арбитража в России // Третейский суд. 2021. № 1. С. 8 - 9

¹⁴⁰ Морозов М. Э. Эволюция российской судебной практики по арбитражу ad hoc // Третейский суд. 2021. № 1(125). С. 71-74

¹⁴¹ Муранов А. И. О «третейских новеллах» в двух законах РФ, принятых в декабре 2018 г.: неизящная стилистика ограничений и расширения дискреции власти // Вестник международного коммерческого арбитража. 2018. № 2(17). С. 150.

администрирования решение третейского суда считается принятым с нарушением процедуры арбитража, что является самостоятельным основанием к отмене третейского решения или к отказу в его принудительном исполнении (п. 4 ч. 3 ст. 233, п. 5 ч. 3 ст. 239 АПК РФ, п. 4 ч. 3 ст. 421, п. 5 ч. 3 ст. 426 ГПК РФ). Согласимся с Г. В. Севастьяновым, что приведенная выше норма ФЗ об арбитраже сформулирована не лучшим образом, поскольку право администрировать ситуационный арбитраж есть только у ПДАУ, получивших соответствующее разрешение в установленном порядке, иные, в том числе и дореформенные третейские центры, которые должны были прекратить свое существование в 2017 г., такого права не имеют¹⁴². Однако норма создает правовые условия для борьбы с недобросовестной практикой разрешения споров.

Как отмечает Д. В. Новак, приведенный нормативный запрет направлен на пресечение противоправной деятельности организаций, не имеющих права на осуществление функций ПДАУ, и любых физических лиц по администрированию арбитража на регулярной основе в обход установленных законом правил под видом арбитража *ad hoc*¹⁴³. Очевидно, что сама норма направлена на ограничение вмешательства любого рода в администрирование третейского разбирательства – процедурой целиком руководит состав арбитров *ad hoc*, и лишь по ограниченному кругу вопросов привлечены могут быть институциональные арбитражные учреждения¹⁴⁴.

Положения ч. 20 ст. 44 ФЗ об арбитраже раскрыты в позиции, сформулированной в п. 50 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г.¹⁴⁵, в соответствии с которой о скрытом администрировании (нарушении процедуры третейского разбирательства) свидетельствуют ситуации, при которых формально третейский суд образуется для

¹⁴² Севастьянов Г. В. "Экосистема российского арбитража" и новая арбитражная реальность // Третейский суд. 2021. № 3/4(127/128). С. 24-25

¹⁴³ Новак Д. В. О последних новеллах в сфере третейского разбирательства // Правовые итоги 2018 г. // Доступ из сети Интернет: https://zakon.ru/blog/2019/01/25/o_poslednih_novellah_v_sfere_tretejskogo_razbiratelstva__pravovye_itogi_2018_g (дата обращения: 1.09.2024)

¹⁴⁴ Курнос А. А. Риски "карманного" арбитража *ad hoc*: промежуточные итоги реформы третейского разбирательства в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 336.

¹⁴⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

разрешения конкретного спора, однако в действительности он имеет признаки, свойственные институциональному арбитражу (например, объединение арбитров в коллегии или списки, формулирование собственных правил арбитража, выполнение одним и тем же лицом функций по содействию проведения третейских разбирательств с участием разных арбитров). Указанная позиция обобщена Арбитражным судом города Москвы, который в деле № А40-132695/2020¹⁴⁶ выявил признак, не позволяющий признавать компетенцию арбитража ad hoc – если формально третейский суд образуется для разрешения конкретного спора, однако в действительности он имеет признаки, свойственные институциональному арбитражу. Однако указанная позиция не позволяет решить проблему «псевдоарбитража ad hoc», о чем будет сказано далее.

Таким образом, по совокупности признаков можно считать, что в случае арбитража ad hoc стороны должны четко и определенно согласовать кандидатуру арбитра самостоятельно, не прибегая к иным способам определения кандидатуры арбитра (кроме ПДАУ и компетентного суда в рамках процедуры содействия)¹⁴⁷. Иные процедуры, в том числе определение кандидатуры арбитра другими лицами или с помощью общедоступного сайта в сети Интернет, будут означать наличие признаков скрытого администрирования или имитации разбирательства ad hoc¹⁴⁸, в то время как изолированный арбитраж может предполагать выполнение функций по администрированию лишь в отдельных вопросах¹⁴⁹ (п. 17 ст. 2, ч. 19 ст. 44 ФЗ об арбитраже). Конституционный Суд РФ в Определении № 826-О от 9.04.2024 г. отметил, что третейский суд ad hoc самостоятельно осуществляет отдельные необходимые мероприятия, сопровождающие процесс разрешения им спора и принятия арбитражного решения (обмен документами, подбор помещения для проведения слушаний и т.п.), при условии, что они носят

¹⁴⁶ Определение Арбитражного суда города Москвы от 8.12.2020 г. по делу № А40-132695/20-3-985 // Доступ из сети Интернет: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f4511a4f-423c-4470-95b1-30c3ad86ddda/9c85c6be-996a-4543-9630-bf7c47216be7/A40-132695-2020_20201208_Opreделение.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 1.09.2024 г.)

¹⁴⁷ Курносов А. А. Риски "карманного" арбитража ad hoc: промежуточные итоги реформы третейского разбирательства в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 336-337.

¹⁴⁸ Морозов М. Э. Эволюция российской судебной практики по арбитражу ad hoc // Третейский суд. 2021. № 1. С. 75

¹⁴⁹ Ануров В. Н. Компетенция третейского суда: монография: в 3 т. Т. 1: Допустимость иска – М.: Проспект, 2021. С. 40

разовый характер и направлены исключительно на проведение третейского разбирательства в отношении конкретного спора, для разрешения которого сторонами и был образован этот третейский суд¹⁵⁰.

Анализируя тенденции правоприменительной практики о квалификации скрытого администрирования применительно к арбитражу ad hoc, М. Э. Морозов выделил четыре признака, которым должен отвечать ситуационный арбитраж:

- Отсутствие какой-либо инфраструктурной связи, в том числе адресов, телефонов, электронной почты и правил арбитража, использованных в деятельности дореформенных постоянно действующих третейских судов.
- Личное администрирование спора арбитром ad hoc. Важным для арбитража ad hoc является необходимость личного участия арбитра в совершении всех значимых процессуальных действий, во взаимодействии со сторонами спора: он самостоятельно принимает иск к производству, получает третейский сбор, извещает стороны, рассматривает дело, подписывает третейское решение и т.д. Третейские расходы и вознаграждение арбитра не могут перечисляться сторонами кому-либо, кроме как самому арбитру.
- Арбитр ad hoc должен быть назначен прямым соглашением сторон, без отсылок к каким-либо спискам, реестрам и иным ресурсам.
- Запрет рекламы или иного продвижения лица как арбитра ad hoc¹⁵¹.

В Определении от 30.05.2024 г. № 1218-О¹⁵² Конституционный Суд РФ указал, что проводимые третейским судом ad hoc необходимые мероприятия, сопровождающие процесс разрешения спора и принятия решения (такие как обмен документами, подбор помещения для проведения слушаний и т.п.) должны носить допустимый разовый характер и быть направлены

¹⁵⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2024 № 826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 20 статьи 44 Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵¹ Морозов М. Э. Эволюция российской судебной практики по арбитражу ad hoc // Третейский суд. 2021. № 1. С. 76

¹⁵² Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2024 № 1218-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части третьей статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

исключительно на рассмотрение конкретного спора, для разрешения которого сторонами был образован соответствующий третейский суд.

Фактически, старые, дореформенные третейские центры все еще продолжают свою попытку мимикрировать под арбитраж *ad hoc*, не являясь таковым по существу¹⁵³, сохраняя свою деятельность, приносящую определенный доход. На текущий момент в Едином государственном реестре юридических лиц содержатся сведения более чем о 240 организациях, в названии которых используется слово «арбитраж». Далеко не всегда это организации, сохранившиеся после реформы, существенная часть из указанных организаций начали свою деятельность после принятия Закона об арбитраже. Созданные с целью систематического извлечения прибыли, имея ОКВЭД «Деятельность в области права», это коммерческие организации, не способные *de jure* учреждать и администрировать арбитраж, но *de facto* осуществляющие такого рода деятельность (разумеется, с разной степенью успешности)¹⁵⁴.

Основная сложность непосредственного применения нормы ч. 20 ст. 44 Закона об арбитраже и правовой позиции, сформулированной в п. 50 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г., заключается в том, что скрытое администрирование рассматривается Верховным Судом РФ как процедурное нарушение – арбитражные решения считаются принятыми с нарушением процедуры, предусмотренной федеральным законом. Т.е. при выполнении компетентными судами функций контроля в отношении таких решений отменить третейское решение или отказать в экзекватуре возможно только по заявлению стороны третейского разбирательства (п. 4 ч. 3 ст. 233 АПК РФ, п. 5 ч. 3 ст. 239 АПК РФ, п. 4 ч. 3 ст. 421 ГПК РФ, п. 5 ч. 3 ст. 426 ГПК РФ). Очевидно, что цель третейской реформы, заключающаяся в избавлении отечественного правопорядка от такого явления, как «карманный третейский суд», не может быть достигнута, если последствия установления скрытого администрирования арбитража *ad hoc* всецело зависят от позиций

¹⁵³ Костицын А. В., Бормотов А. В. Псевдоарбитражи *ad hoc* // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2018. № 2(46). С. 111; Засемкова О. Ф. Международный коммерческий арбитраж в России: итоги реформы // *Lex russica* (Русский закон). 2021. Т. 74. № 8(177). С. 14-15.

¹⁵⁴ Курносов А. А. Риски "карманного" арбитража *ad hoc*: промежуточные итоги реформы третейского разбирательства в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 337.

сторон третейского разбирательства, заинтересованных в карманной процедуре. Поскольку соответствующее полномочие компетентный суд ex officio применять не может (хотя как будет показано далее, в отдельных случаях применяет), необходимо предложить иные способы решения обозначенной дилеммы.

На проблему «псевдоарбитража» обращает внимание Совет по совершенствованию третейского разбирательства в публичных отчетах о своей деятельности начиная с 2021 года, констатируя, что положения Закона об арбитраже «не способны ограничить деятельность арбитражей ad hoc, которые в отсутствие права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения фактически осуществляют функции по систематическому разрешению споров вопреки положениям законодательства об арбитраже в Российской Федерации»¹⁵⁵. В отчете о деятельности Совета за 2023 год указано, что по итогам XI Петербургского международного юридического форума Минюсту России были даны рекомендации по проработке законотворческих инициатив, направленных на ограничение сферы применения института арбитража ad hoc, что способствовало созданию постоянно действующей рабочей группы при Совете. Однако на текущий момент какого-либо законопроекта в указанной части Минюстом не представлено.

Также *вопросы скрытого администрирования и «псевдоарбитража ad hoc» затронуты и в актах Конституционного Суда РФ*. В 2023 – 2024 гг. четыре акта Суда¹⁵⁶ были приняты в связи с рассмотрением в

¹⁵⁵ Публичный отчет о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства за период с 1.04.2020 по 31.03.2021 г., п. 4 // Доступ из сети Интернет: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/otchet-o-deyatelnosti-soveta-2020-2021dpp.doc> (дата обращения: 26.08.2024).

¹⁵⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона "О государственной регистрации недвижимости" в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 42. Ст. 7596; Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2024 № 826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 20 статьи 44 Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Доступ из СПС «Консультант Плюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.04.2024 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Ю. Колосова» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 18. Ст. 2512; Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2024 № 1218-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части третьей статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ситуационном арбитраже споров. В Определениях № 826-О от 9.04.2024 г. и № 1218-О от 30.05.2024 г. (заявителем в обоих случаях выступает одно лицо) непосредственно обозначается ситуация рассмотрения спора арбитром *ad hoc* с признаками скрытого администрирования – правила арбитража депонированы у нотариуса и размещены в сети Интернет, что было квалифицировано в исходных делах об экзекватуре как нарушение публичного порядка Российской Федерации. Отказывая в принятии к рассмотрению жалобы гражданина П. П. Каркачева, Конституционный Суд в Определении от 9.04.2024 г. отметил, что федеральный законодатель вправе внести изменения в законодательство об арбитраже, касающиеся уточнения критериев, позволяющих с большей определенностью отграничивать действия, осуществление которых допускается самостоятельно ситуационным третейским судом, от действий, которые могут совершаться исключительно ПДАУ. А в Определении от 30.05.2024 г., уже понимая, что один и тот же арбитр *ad hoc* рассмотрел два иска одного истца к разным ответчикам, «намекнул» на необходимость оценки системного характера деятельности «разового» арбитра через призму принципа добросовестности как составной части публичного порядка Российской Федерации.

В Постановлении КС РФ № 46-П от 3.10.2023 г. и Постановлении № 18-П от 16.04.2024 г. на первое место вынесена проблема арбитрабельности споров о праве на недвижимое имущество и противоречия третейского решения публичному порядку Российской Федерации, но при глубоком анализе текста данных актов становится понятным, что явление институционализации изолированного арбитража стало слишком заметным, чтобы его игнорировать. Заявителями жалоб в Конституционный Суд в обоих случаях являются стороны арбитража, образованного для рассмотрения конкретного спора, у которого имеется наименование «Экономический арбитраж Северо-Кавказского округа», а у дел заявителей имеется номер – Б-7/2021 у Колосова И.Ю. (Постановление КС РФ № 18-П от 16.04.2024 г.) и Б-7/2022 у Солодовниковой Т.В. (Постановление КС РФ № 46-П от 3.10.2023 г.), что очевидно свидетельствует о системном характере деятельности арбитров, рассмотревших дела заявителей.

Еще более значимым и резонансным явлением стала ситуация **рассмотрения споров в сфере микрокредитования ситуационными арбитражами**. Без сомнения сфера потребительского кредитования, а тем более в случаях, когда кредитором выступает микрофинансовая организация, является чрезвычайно чувствительной, социально значимой, требующей применения патерналистских подходов. Институционализация арбитража ad hoc в этой сфере, к сожалению, также имеет место, при этом в спорах с участием потребителей компетентные суды общей юрисдикции все еще находятся лишь на пути формирования правоприменительных подходов.

В настоящее время получает свое распространение практика заключения соглашений о рассмотрении споров в сфере потребительских займов в ситуационном арбитраже. На интернет-сайте одной имеющей обширную федеральную сеть микрокредитной компании (далее, МКК) размещены публичные оферты о заключении арбитражных соглашений, адресованные заемщикам¹⁵⁷. Акцепт данной оферты совершается конклюдентными действиями после получения предложения о заключении соглашения (может быть направлено в виде смс-сообщения или электронного уведомления в личном кабинете заемщика на сайте МКК), фигура единоличного арбитра определена заранее в оферте, а все правила арбитража помещаются на полторы страницы текста 8 кеглем, что, разумеется, не обеспечивает ни транспарентность процедуры, ни удобство восприятия потребителем информации. В соответствии с указанной офертой стороны не оплачивают предварительно третейский сбор и вознаграждение арбитру (что противоречит деловым обыкновениям в арбитраже), а соответствующие суммы взыскиваются в фиксированном размере с проигравшего лица. Разумность некоторых «заранее достигнутых договоренностей» в такой оферте также вызывает сомнения – чего только стоит квалификация как заведомо не чрезмерной суммы издержек по составлению иска в 25 тыс. руб. и расходов по оплате услуг представителя в 100 тыс. руб. за одно дело! Нет никаких сомнений, что компетентный суд общей юрисдикции при разрешении иска МКК о взыскании задолженности по договору

¹⁵⁷ См.: <https://centrofinans.ru/upload/iblock/953/czxnktxpzpmr2x9d2bjaay5gztnt149z.pdf> (дата обращения: 29.08.2024); <https://centrofinans.ru/upload/iblock/5e1/jufnh7u6srtgzf5p1r5bajlt8gf7w173.pdf> (дата обращения: 29.08.2024)

потребительского займа такую сумму не сможет по правилам ст. 100 ГПК РФ квалифицировать как разумную, и потребует представить доказательства фактического несения соответствующих расходов.

Казалось бы, в этом примере публичной оферты сразу встретилось все то, с чем боролись авторы реформы третейского разбирательства в России – назначение арбитра (потенциально связанного с истцом и им же предложенным) стороной, имеющей более сильные переговорные позиции, рассмотрение спора в отсутствие детальных процедурных правил, «навязывание» арбитражной оговорки потребителю, нехарактерное для целей альтернативных форм разрешения спора придание правового значения молчанию как юридическому факту и т.д. Не говоря уже о том, что тот третейский суд, который должен был создаваться сторонами для разрешения конкретного спора, теперь становится «частным юрисдикционным конвейером», обозначенным в тексте оферты, направляемой кредитором заемщику посредством указания ссылки на Интернет-страницу. В этом примере юридического цинизма выпукло отразились все риски, так тщательно исключаемые радикальными разрешительными процедурами для учреждения институционального арбитража.

Что изменилось в такой ситуации по сравнению с публичной офертой о рассмотрении споров в дореформенном постоянно действующем третейском суде, учрежденном стороной спора? Совершенно ничего! Ссылка в типовой форме договора на интернет-сайт общего доступа, на котором сформулированы правила арбитража, свидетельствует о наличии признаков, свойственных институциональному арбитражу, что несовместимо с природой третейского разбирательства для разрешения конкретного спора (*ad hoc*)¹⁵⁸. Здесь налицо нарушение процедуры, о котором необходимо заявлять при рассмотрении компетентными судами дел о контроле в отношении третейского разбирательства.

Удивительно, что обнаруженная практика не просто существует в гражданском обороте. МКС, получив арбитражное решение в свою пользу, обращаются в компетентные суды с заявлениями о принудительном

¹⁵⁸ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.05.2020 № Ф09-845/20 по делу № А50-35344/2019 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

исполнении такого акта и получают исполнительные листы¹⁵⁹, а также с заявлениями о применении обеспечительных мер в рамках спора, рассматриваемого в арбитраже¹⁶⁰. И таких дел, акты по которым опубликованы в справочных правовых системах, - сотни. В силу принципа компетенции-компетенции государственные суды должны вне зависимости от доводов лиц, участвующих в деле, проверять действительность третейского соглашения и арбитрабельность спора, но в абсолютном большинстве обнаруженных нами актах судов общей юрисдикции каких-либо сомнений в допустимости самой ситуации рассмотрения спора единоличным арбитром *ad hoc* не высказывалось¹⁶¹. Лишь в единичных случаях суды констатируют в соответствующих делах об экзекватуре нарушение публичного порядка, связанного с явно выраженным нарушением третейским судом фундаментальных принципов третейского разбирательства в части несоблюдения обязательного условия о независимости и беспристрастности третейских судей¹⁶².

Становится совершенно очевидным, что общий замысел авторов российской третейской реформы 2015-2017 гг., заключающийся в концентрации споров в рамках деятельности небольшого числа арбитражных центров, получивших соответствующее разрешение от Правительства РФ (а затем – Минюста РФ), до конца не реализован¹⁶³. Впрочем, неурегулированность статуса третейского суда *ad hoc* в ФЗ об арбитраже ученым сразу бросалась в глаза как пробел, способный нивелировать в

¹⁵⁹ См. например: Определение Новошахтинского районного суда Ростовской области от 3.03.2022 г. по делу № 2-555/2022 (УИД 61RS0020-01-2022-000438-79) // Доступ из СПС «Консультант Плюс»; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.02.2022 по делу № 88-4730/2022 // Доступ из СПС «Консультант Плюс»; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2022 № 88-2131/2022 // Доступ из СПС «Консультант Плюс»; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.02.2023 № 88-7318/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.11.2023 № 88-26285/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2024 № 88-11128/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

¹⁶⁰ См. например: Апелляционные определения Верховного суда Удмуртской Республики от 05.05.2021 по делам № 33-1489/2021, 33-1490/2021, 33-1491/2021, 33-1493/2021, 33-1494/2021, 33-1495/2021 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

¹⁶¹ Курносов А. А. Риски "карманного" арбитража *ad hoc*: промежуточные итоги реформы третейского разбирательства в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 337 – 339.

¹⁶² См. например: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.07.2024 № 88-21290/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶³ Курочкин С.А. Новый вектор развития арбитража в России: *actum ut supra* // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 88.

существенной степени эффект консервативной модели отечественного третейского разбирательства. Те представители юридического сообщества, которые использовали ранее третейское разбирательство как дополнительную услугу юридического бизнеса, без особых трудностей смогли продолжить эту деятельность именно за счет ситуационного арбитража¹⁶⁴.

Такое положение дел неизбежно ставит компетентный суд перед выбором при рассмотрении заявлений о выполнении функций содействия или контроля: скрупулезно проверять соблюдение процедуры арбитража или распространить презумпцию недоверия всем изолированным арбитражам? Резкое увеличение числа недобросовестных игроков на рынке изолированного арбитража в России приводит к общему отрицательному отношению к этому институту со стороны судебных органов¹⁶⁵. И, хотя, безусловно негативного отношения со стороны компетентного суда к ситуационному арбитражу не выявлено, без публично-правового вмешательства участь этого частноправового института будет та же, что и «карманных третейских судов». Приходится констатировать, что арбитры, осуществляющие свою деятельность на постоянной основе в рамках ситуационного арбитража, игнорируют цели прошедшей третейской реформы¹⁶⁶.

С учетом изложенного, спустя значительный период времени позволим себе не согласиться с оптимистичным тезисом М. Л. Гальперина и Н. В. Павловой, озвученном в 2019 году, о том, что третейская реформа не привела к значимому оттоку арбитражных споров в третейские суды *ad hoc*¹⁶⁷.

Отечественные специалисты в сфере арбитража настаивают на недопустимости разграничения правовых статусов институциональных

¹⁶⁴ Трезубов Е. С. Если арбитраж *ad hoc* осуществляется, значит – это кому-то нужно? // Третейский суд. 2023. № 3/4. С. 95.

¹⁶⁵ Муранов А. И. Комментарий к российским судебным актам об отрицании стандартной арбитражной оговорки ICC (дело Арбитражного суда г. Москвы № А40-176466/17-83-1232): особенности психотипа российских судей в восприятии арбитража (в компаративистском разрезе) // Вестник международного коммерческого арбитража. 2018. № 2(17). С. 315

¹⁶⁶ Курносов А. А. Риски "карманного" арбитража *ad hoc*: промежуточные итоги реформы третейского разбирательства в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 339.

¹⁶⁷ Гальперин М. Л., Павлова Н. В. Куда идет третейское разбирательство? // Закон. 2019. № 8. С. 129.

третейских центров и третейских судов *ad hoc*, справедливо утверждая о том, что оба этих института выполняют одну публично-значимую функцию разрешения частноправовых споров¹⁶⁸. Мы убеждены в недопустимости полного запрета изолированного арбитража (например, такой запрет был установлен в КНР, но в рамках актуальной реформы процессуального законодательства стало возможным рассмотрение дел в ситуационном арбитраже в Китае¹⁶⁹). Абсолютно прав О. Ю. Скворцов, утверждающий, что любые попытки разрушения института третейского разбирательства, в том числе и отдельных видов арбитража, не только приведут к разбалансировке частного и публичного права, но и сократят и без того незначительное число точек сопряжения России и глобальных тенденций единения мировых интересов¹⁷⁰. Тем не менее, приведенные в настоящем параграфе доводы убедительно доказывают, что арбитраж *ad hoc* стал в результате реформы третейского разбирательства в России слишком значимым явлением, не обращать на него внимания уже невозможно¹⁷¹, он не может оставаться институтом, регулируемым лишь частноправовыми методами. Например, в соответствии с правилами частей 2, 3, 4 ст. 225.1 АПК РФ, частями 3 и 4 ст. 22.1 ГПК РФ установлена арбитрабельность ряда корпоративных споров, но передать соответствующие требования для их разрешения можно исключительно в институциональный арбитражный центр. Индивидуальные трудовые споры спортсменов и тренеров в профессиональном спорте могут быть рассмотрены только в институциональном арбитраже в соответствии с нормами главы 5.1 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹⁷². Возможность передачи споров, возникающих из отношений, регулируемых законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и

¹⁶⁸ Морозов М. Э. Новые правовые позиции Конституционного Суда об арбитражном разбирательстве // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 122.

¹⁶⁹ См. например: Han W. Ad Hoc Arbitration Reform in China: A Step Forward // Asian International Arbitration Journal. 2022. Vol. 18, No. Issue 2. P. 143-166; Fu P. The Complex and Evolving Legal Status of Ad Hoc Arbitration in China // Journal of International Arbitration. 2023. Vol. 40, No. Issue 1. P. 45-68; Zuo, Zh. Study on the Selection System of Arbitrators for Ad Hoc Arbitration in China // Studies in Law and Justice. 2024. Vol. 3, No. 2. P. 49-50.

¹⁷⁰ Скворцов О. Ю. Конституционный Суд: идеология практики, касающейся третейских судов (постепенное продвижение либеральных идей, основанное на консервативном противостоянии радикализму судебной практики) // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 58.

¹⁷¹ Морозов М.Э. Ограничения полномочий арбитра *ad hoc* // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 201.

¹⁷² Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

муниципальных нужд, распространяется также только на компетенцию постоянно действующего третейского центра, который, к тому же, специально будет уполномочен на это в соответствии с отдельно принятым Федеральным законом (ч. 8 ст. 13 Федерального закона № 409-ФЗ¹⁷³). Полагаем, подобное ограничение может быть установлено и в отношении споров из кредитных договоров, кредитором в которых выступает микрофинансовая организация (по аналогии с запретом совершения по таким сделкам исполнительной надписи нотариуса (п. 2 ст. 90 Основ законодательства РФ о нотариате¹⁷⁴). Споры из отношений потребительского кредитования в настоящий период времени имеют принципиальную социальную значимость, что предопределяет применение патерналистских подходов, направленных на защиту прав и законных интересов заемщиков. Необходимость такого публично-правового ограничения компетенции ситуационного арбитража обусловлена выявленным системным обходом закона, имитацией рассмотрения спора, т.е. ужесточение правового регулирования должно стать санкцией за неразумное использование свободы во вред целям институтов альтернативного разрешения споров. В случае, если выявленная проблема приобретет системный характер и, например, к практике передачи споров на своих условиях в «псевдоарбитраж ad hoc» прибегнут кредитные или страховые организации, ограничение юрисдикции ситуационных третейских судов должно уже распространяться на все споры с участием потребителей¹⁷⁵. Однако такое ситуативное ограничение компетенции арбитражей ad hoc может оказаться не вполне эффективным, в связи с чем ниже будет сформулировано более обширное предложение. Применительно к спорам о взыскании кредитной задолженности в литературе высказано и иное, более перспективное и глобальное мнение – это необходимость внедрения отдельного сервиса по внесудебному

¹⁷³ Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона "О саморегулируемых организациях" в связи с принятием Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 29.

¹⁷⁴ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357

¹⁷⁵ Курносов А. А. Риски "карманного" арбитража ad hoc: промежуточные итоги реформы третейского разбирательства в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 339-340.

разрешению споров, основанного на использовании искусственного интеллекта и администрируемого Центробанком¹⁷⁶, для этого имеются необходимые технические и технологические предпосылки¹⁷⁷, может быть создано и необходимое позитивное правовое регулирование. Как представляется, такое предложение заслуживает поддержки, соответствующая процедура разрешения требований о взыскании кредитной задолженности, как мы указывали ранее в настоящей главе, не может быть признана третейским разбирательством.

Учитывая масштаб обозначенных проблем скрытого администрирования, рядом депутатов Государственной Думы разработан проект Федерального закона № 679381-8¹⁷⁸ (внесен в Госдуму 23.07.2024 г.). Законопроектом предлагается дополнить ч. 20 ст. 44 Закона об арбитраже абзацем следующего содержания: «Арбитраж (третейский суд), формально образованный для разрешения конкретного спора (ad hoc), но обладающий признаками, свойственными постоянно действующим арбитражным учреждением, считается созданным в нарушение требований настоящего Федерального закона. К числу признаков, свойственных таким арбитражам (третейским судам), относятся: наличие коллегии или списка арбитров (третейских судей), наличие правил (регламентов) ведения разбирательства, наличие лица, которое на постоянной основе оказывает содействие в проведении арбитражных (третейских) разбирательств с участием разных арбитров (третейских судей)». Авторы законопроекта указывают, что их законотворческая инициатива обусловлена необходимостью пресечения недобросовестной практики администрирования на территории Российской Федерации споров, вытекающих из внешнеторговых контрактов, арбитражами (третейскими судами), не получившими разрешения на это в установленном порядке.

¹⁷⁶ Трезубов Е. С. Исключение из судебной нагрузки «недостойных дел» за счет внедрения технологий искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14, № 2. С. 295-296.

¹⁷⁷ Малько А. В., Афанасьев С. Ф., Терехин В. А. Судебная реформа как инструмент повышения эффективности правовой защищенности личности // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 2. С. 24.

¹⁷⁸ Проект Федерального закона № 679381-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" и Закон Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже"» // Доступ из сети Интернет: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/679381-8> (дата обращения 15.08.2024)

На законопроект дано отрицательное заключение Правительства РФ¹⁷⁹, с которым стоит согласиться: нет никакой ценности дублировать правовую позицию Пленума ВС РФ, сформулированную в п. 50 Постановления № 53 от 10.12.2019 г., поскольку суды и так могут руководствоваться данным актом. Разрабатываемый же механизм ограничения недобросовестной практики должен быть в достаточной мере универсальным и, что самое главное – понятным, поскольку формирующаяся практика квалификации деятельности ситуационного арбитра на постоянной основе как противоречащая публичному порядку Российской Федерации не транспарентна, излишне субъективна, и не обеспечивает должную превенцию недобросовестной практики.

Одним из решений указанной проблемы в литературе предлагается разработка дополнительного механизма контроля за деятельностью третейских судов *ad hoc*, заключающегося в необходимости направления в Минюст России уведомления о назначении лица арбитром третейского суда, созданного сторонами для рассмотрения конкретного спора¹⁸⁰. Как представляется, такой заявительный порядок не способен ни к чему привести, поскольку Министерство юстиции как федеральный орган исполнительной власти не вправе вторгаться в сферу частного правоприменения, не сможет запретить соответствующую деятельность, поскольку арбитрам *ad hoc* не выдавалось какое-либо разрешение. Такое предложение может лишь способствовать формированию у Минюста списка недобросовестных арбитров, которые на системных началах осуществляют рассмотрение споров в изолированном арбитраже. Как представляется, Совет по совершенствованию третейского разбирательства при Минюсте России и без того такое «досье» имеет, т.к. вынужден оценивать репутацию арбитров из рекомендованного списка ПДАУ и учредителей НКО-заявителей.

В качестве возможных мер по совершенствованию арбитража *ad hoc* П. А. Ильичев предлагает закрепить специальные требования для арбитров: арбитр должен быть включен в рекомендованный список ПДАУ, а также

¹⁷⁹ Доступ из сети Интернет: <https://sozd.duma.gov.ru/download/c0563095-3d8e-40db-b5e6-59f30720fbac> (дата обращения 29.08.2024 г.).

¹⁸⁰ Гераков Р.В. О некоторых проблемах, связанных с правовым регулированием третейских судов *ad hoc* // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 12. С. 18

иметь ученую степень кандидата или доктора юридических наук или иметь профессиональный опыт не менее 10 лет по разрешению споров в качестве судьи государственного суда. По сути, П. А. Ильичев предлагает закрепить к арбитрам *ad hoc* такой же квалификационный ценз, как для арбитров, включаемых в рекомендованный список ПДАУ. Однако обращение при формировании состава третейского суда к рекомендованным спискам арбитров институциональных центров в отсутствие заключенного соглашения об администрировании арбитража по отдельным вопросам может быть квалифицировано как признак скрытого администрирования, т.е. являться процессуальным нарушением, устанавливаемым в процедурах контроля со стороны компетентного суда. Также цитируемый автор предлагает исключить возможность рассмотрения ситуационными третейскими судами споров о признании вещных прав на объекты недвижимого имущества и иных споров, предполагающих внесение изменений в юридически значимые реестры, споров с участием потребителей и споров по имущественным требованиям с ценой иска свыше 10 млн. рублей¹⁸¹. С. А. Курочкин предлагает куда как более радикальное решение проблемы институционализации арбитража *ad hoc* – закрепить за решением такого третейского суда исключительно рекомендательный характер: раз стороны добровольно выбирают этот форум, пусть добровольно и исполняют арбитражное решение¹⁸². С учетом действующего правового регулирования такое предложение исключает арбитрабельность споров, решения по которым предполагают внесение изменений в публичные реестры, которые невозможно исполнить добровольно, без процедуры экзекватуры. Но, как представляется, предложение С. А. Курочкина способно нивелировать принципиальную ценность третейского разбирательства как значимого общественного явления – без эффективного механизма государственного принуждения утрачивается сама сущность арбитража как признаваемой повсеместно формы альтернативного разрешения споров.

¹⁸¹ Ильичев П. А. О целесообразности реформирования системы арбитража *ad hoc* в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7. С. 16 - 17.

¹⁸² Курочкин С. А. Огосударствление арбитража: быть или не быть // Третейский суд. 2023. № 3/4. С. 76.

Полагаем, единственным возможным способом решения проблемы институционализации арбитража *ad hoc* является запрет компетенции таких форумов для наиболее значимых, требующих защиты интересов слабой стороны, категорий споров. Полагаем, соответствующий запрет должен касаться неэкономических частноправовых споров, субъектами которых выступают граждане, не имеющие статуса индивидуального предпринимателя, а также споры, решения по которым предполагают необходимость внесения сведений в публичные реестры. Арбитраж *ad hoc* не может быть признан эффективной формой разрешения частноправовых споров, в основе которых лежит массовый характер однотипных отношений (именно в таковых субъектами чаще выступают физические лица, а не коммерсанты). Это уникальный механизм, рассчитанный на разрешение уникального спора.

Поскольку процессуальная форма арбитража *ad hoc* предполагает высокую степень автономии воли, в отсутствие объективных экономических и организационных стимулов, участие в данной процедуре физических лиц, в особенности в качестве ответчиков, с высокой степенью вероятности заранее свидетельствует о попытке обхода закона. Поэтому генеральный запрет на рассмотрение неэкономических споров в арбитраже *ad hoc*, хоть и будет являться ограничением третейской юрисдикции, выступит логичным следствием массовой недобросовестной практики.

Запрет передавать в арбитраж *ad hoc* юридические дела, решения по которым предполагают внесение сведений в публичные реестры, обусловлен тем, что стороны спора не смогут исполнить такие решения добровольно и будут вынуждены обращаться в компетентный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа. Таким образом, преимущества разрешения таких споров в арбитраже в принципе не являются очевидными (за счет увеличения сроков и стоимости защиты права при сочетании разрешения спора третейским судом и экзекватуры компетентного суда), а в условиях выявленных массовых злоупотреблений, ограничение компетенции арбитров *ad hoc* является оправданным.

§ 4. АРБИТРАБЕЛЬНОСТЬ СПОРОВ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Арбитрабельностью признается относимость нуждающихся в разрешении юридических дел к ведению третейских судов, это один из видов подведомственности, применимый именно к арбитражу как институту альтернативного разрешения споров¹⁸³. В литературе можно встретить дискуссии относительно допустимости применения для определения компетенции третейского суда категории «подведомственность», поскольку последняя может предполагать отнесение соответствующих юридических дел к ведению той или иной системы государственных судебных органов. Г. В. Севастьянов особенно отмечает, что подведомственность применительно к третейскому разбирательству стоит применять лишь с целью определения структуры компетентных судов (судов общей юрисдикции или арбитражных судов), уполномоченных на выполнение функций содействия и контроля по отношению к третейскому разбирательству¹⁸⁴. Представляется, что содержание термина «подведомственность» нецелесообразно ограничивать лишь до вида компетенции государственных судов. Доктрина подведомственности была разработана в советский период в трудах процессуалистов, в первую очередь, Ю. К. Осипова¹⁸⁵, продолжает развиваться и в настоящее время. Подведомственность представляет собой, с одной стороны, свойство юридических дел, в силу которого они передаются на разрешение определенному органу или системе органов. С другой стороны, являясь межотраслевым и универсальным институтом права, выполняющим функции распределительного механизма, подведомственность является классическим для российского цивилистического процесса понятием. Посредством правил подведомственности, несмотря на состоявшуюся «процессуальную революцию» (Федеральный закон № 451-ФЗ от 28.11.2018 г.) и изменения в ст. 11 ГК РФ (замена термина «подведомственность» на термин

¹⁸³ Туктамышев В. Д. Арбитрабельность: содержание понятия // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 264

¹⁸⁴ Севастьянов Г. В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) – СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2015. С. 91, 94, 98.

¹⁸⁵ Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук-Свердловск, 1974. - 38 с.

«компетенция» в результате принятия Федерального закона № 177-ФЗ от 18.07.2019 г.), разграничиваются юрисдикционные полномочия различных органов по разрешению споров¹⁸⁶. Институт подведомственности традиционно разграничивал предметы ведения судов общей юрисдикции, арбитражных судов, третейских судов, иных органов общественной юрисдикции, несудебных государственных органов и т.д. Учитывая отсутствие доктринальных предпосылок к иному, арбитрабельность в настоящей работе рассматривается именно как вид подведомственности, предполагающий наличие компетенции третейского суда по разрешению спора. Отсутствие системы третейских судов как юрисдикционных органов и возможность передачи им спора на основании соглашения сторон, а не в силу нормативного предписания, полагаем, не исключает возможность применения к третейской процессуальной форме классических терминов.

Термин «арбитрабельность»¹⁸⁷ применяется не только в доктрине арбитража, но и укоренился в правоприменительной практике. Так, в Постановлении № 46-П от 3.10.2023 г. Конституционный Суд РФ называет арбитрабельностью споров «компетенцию третейского суда по разрешению споров, вытекающих из гражданских правоотношений».

Компетенция третейского суда, как указывает В. Д. Туктамышев, представляет собой сложный фактический состав, включающий в себя следующие юридические факты: факт арбитрабельности предмета спора, факт заключения арбитражного соглашения и факт формирования состава арбитров. Также в фактический состав, предопределяющий компетенцию арбитров, может быть включено решение предварительного характера о наличии компетенции и/или акт компетентного суда по результатам рассмотрения заявления стороны арбитража об отсутствии компетенции

¹⁸⁶ Ярков В. В. Изменение правил разграничения предметов ведения между судами: новые слова и/или новые решения? // Закон. 2019. № 4. С. 92 – 103

¹⁸⁷ В отечественной литературе, учитывая происхождение термина «арбитрабельность» от английского слова тождественного значения и перевода “*arbitrability*”, авторы часто используют написание «арбитрабельность». По меткому замечанию Г. В. Севастьянова, в Постановлении № 46-П от 3.10.2023 г. Конституционный Суд РФ закончил «затянувшуюся дискуссию о правильном написании термина». В тексте настоящей диссертации мы придерживаемся того же написания, что и Конституционный Суд, поскольку оно в большей степени соответствует правилам русского языка. См.: Севастьянов Г. В. Пределы арбитрабельности споров в сфере недвижимости и не только ... // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 9.

арбитров¹⁸⁸. Цитируемый автор, помимо классических объектного и субъектного критериев (объективной и субъективной арбитрабельности) выделяет функциональный критерий, основанный на наличии политического интереса, предопределяющего нормативный запрет на передачу в третейское разбирательство частноправовых споров, которые по своей сути должны признаваться относимыми к ведению третейского суда¹⁸⁹. Компетенция третейского суда предопределена совокупностью объективных и субъективных факторов, а также фактом заключения сторонами спора третейского (арбитражного) соглашения в письменной форме. Арбитражное соглашение заключается в виде отдельного договора или включается в виде оговорки в текст иного акта, в том числе сделки, регламента проведения спортивных соревнований, устава юридического лица корпоративного типа, правил клиринга, правил организованных торгов¹⁹⁰ и т. д.

Г. В. Севастьянов также указывает, что помимо объективного и субъективного критерия арбитрабельности следует учитывать специализацию (предметную компетенцию) соответствующего третейского центра, приводя в пример деятельность Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ как институционального арбитражного центра, разрешающего споры в области торгового мореплавания¹⁹¹. Специализированные третейские центры являются распространенным явлением как в общемировой практике (например, CAS – Спортивный арбитражный суд в Лозанне), так и в отечественном правовом порядке (например - Национальный Центр Спортивного Арбитража при автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата»). Оба приведенных арбитражных центра специализируются на арбитраже спортивных споров и иные дела в силу своих локальных актов не рассматривают.

Действующее правовое регулирование, формулируя правила объективной арбитрабельности, исходит из генеральной возможности

¹⁸⁸ Туктамышев В. Д. Арбитрабельность (подведомственность) споров: теоретические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук – Екатеринбург, 2024. С. 114.

¹⁸⁹ *Он же*. Арбитрабельность (подведомственность) споров: теоретические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук – Екатеринбург, 2024. С. 114 – 115.

¹⁹⁰ Балашова И. Н. Соглашение о третейском суде: правовая природа и практика применения арбитражного соглашения // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 4. С. 34

¹⁹¹ Севастьянов Г. В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) – СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2015. С. 89, 97.

передачи в третейский суд любых гражданско-правовых споров, кроме специально установленных запретов в процессуальных кодексах (ст. 33 АПК РФ и ст. 22.1 ГПК РФ) и иных федеральных законах (ч. 3 ст. 1 Закона об арбитраже). Такое нормативное решение, основанное на презумпции арбитрабельности частноправовых споров, поддержано и в процессуальной доктрине¹⁹². Как было разъяснено Конституционным Судом РФ в п. 3.1 Постановления № 10-П от 26.05.2011 г., в третейское разбирательство не допускается передача споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, а также дел, рассматриваемых в порядке особого производства. Арбитрабельными могут признаваться лишь споры из материальных правоотношений, основанных на признании равенства участников, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты¹⁹³. Таким образом, допустимо передавать на разрешение третейского суда не только гражданско-правовые споры, но большинство частноправовых, в том числе имущественных семейных, земельных, жилищных споров, в которых субъекты действуют самостоятельно, реализуя автономию воли, и не состоя в отношении власти и подчинения.

Третейское разбирательство имеет ценность как альтернативная форма разрешения частноправового спора между участниками арбитражного соглашения, поэтому не допускается передача в арбитраж споров, затрагивающих публичные интересы, в том числе нельзя передавать на разрешение третейского суда споры из гражданско-правовых договоров, предметом которых являются права на объекты публичной собственности¹⁹⁴. Сторонами арбитражного соглашения могут быть только граждане и

¹⁹² Минина А. И. Понятие и виды арбитрабельности в теории и практике международного коммерческого арбитража: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. С. 17

¹⁹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", статьи 28 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.

¹⁹⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.12.2017 № 310-ЭС17-12469 по делу № А64-906/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

юридические лица, не являющиеся органами власти или должностными лицами. Даже в случае наличия у публичного органа гражданской правосубъектности и статуса юридического лица, такое лицо не может быть стороной арбитражного соглашения, а спор не подлежит передаче в третейский суд, поскольку решение по такому делу будет рассматриваться как затрагивающее публичные интересы¹⁹⁵. Рассматриваемый третейским судом спор не может затрагивать права лиц, не являющихся сторонами арбитражного соглашения, что неизбежно порождает вопрос о допустимости участия третьих лиц третейском разбирательстве. Для целей обеспечения эффективного рассмотрения дела арбитрами в случаях, когда арбитражное решение может повлиять на права иных кроме сторон лиц, участие последних видится необходимым. Возможность вступления в арбитраж третьих лиц с правами лиц, участвующих в деле, предусмотрена, например, п. 5 ст. 17 Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ 2010 года¹⁹⁶ и не оспаривается в литературе¹⁹⁷. В правилах отечественных ПДАУ участие третьих лиц также предусмотрено: например, в § 26 Правил арбитража Внутренних споров МКАС при ТПП РФ¹⁹⁸, ст. 36 Правил Арбитражного учреждения при ОООР «СоюзМаш России»¹⁹⁹, ст. 44 Регламента Арбитражного центра при РСПП²⁰⁰ регламентировано участие третьих лиц на основании согласия сторон и письменного заявления третьего лица, что делает вступающих в дело лиц сторонами арбитражного соглашения. Возможность привлечения третьих лиц без согласия сторон, лишь по инициативе самого третьего лица, или по инициативе состава арбитров,

¹⁹⁵ История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. - М.: Проспект, 2019. С. 294.

¹⁹⁶ Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (пересмотрен в 2010 году) (Принят в г. Нью-Йорке 25.06.2010 на 43-ей сессии ЮНСИТРАЛ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

¹⁹⁷ См. например: Засовенко Г. В. Привлечение к арбитражу (третейскому разбирательству) третьих лиц // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3(178). С. 196-197.

¹⁹⁸ Правила арбитража внутренних споров. Приложение 3 к приказу ТПП РФ № 6 от 11.01.2017 г. // Доступ из сети Интернет: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/pravila-arbitrazha-vnutrennih-sporov.doc> (дата обращения: 15.09.2024 г.)

¹⁹⁹ Правила Арбитражного учреждения при Общероссийском отраслевом объединении работодателей «Союз машиностроителей России», утверждены решением Бюро Правления Общероссийского отраслевого объединения работодателей «Союз машиностроителей России» от 18.10.2023 г. // Доступ из сети Интернет: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/soyuzmash-pravila-2023.pdf> (дата обращения 15.09.2024 г.)

²⁰⁰ Регламент Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей, утвержден распоряжением Президента РСПП от 21.06.2018 г. № РП-5 // Доступ из сети Интернет: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reglament-arbitrazhnogo-tsentra-pri-rspp.pdf> (дата обращения 15.09.2024 г.)

исключается²⁰¹. Как отмечает Н. Г. Елисеев, более правильным было бы предоставить возможность составу третейского суда определять необходимость привлечения третьего лица к участию в деле с учетом доводов сторон третейского соглашения²⁰², но такое дискреционное полномочие вступало бы в противоречие с частноправовой природой третейского разбирательства и идеей автономии воли сторон, лежащей в основе факта заключения арбитражного соглашения.

Применительно к судебной цивилистической процессуальной форме России речь идет о конструкции третьих лиц второго вида, т.е. привлекаемых к участию в деле на стороне и не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора (хотя В. А. Мусин обосновывал допустимость и целесообразность более гибкого толкования подобных положений, как допускающих участие с согласия сторон и самого третьего лица вне зависимости от его вида - заявляющего или не заявляющего самостоятельных требований²⁰³). При анализе действующего отечественного законодательства о третейском разбирательстве и регламентов институциональных арбитражных центров Е. И. Носырева также утверждает о возможности участия в третейском разбирательстве третьих лиц обоих видов. Третьи лица первого вида, заявляющие требования относительно предмета спора, именуются в арбитраже как «дополнительная сторона», а третьи лица второго вида привлекаются в статусе «третьих лиц». Ученый приходит к выводу о существовании несистематизированной группы лиц, вступивших в начатое третейское разбирательство (дополнительная сторона, третьи лица, а также участники, присоединившиеся к арбитражу корпоративных споров), что предопределяет необходимость проработки института лиц, участвующих в третейском разбирательстве по аналогии с государственным цивилистическим процессом²⁰⁴.

Ограничения арбитрабельности, установленные в ст. 33 АПК РФ и ст. 22.1 ГПК РФ, основаны на нескольких факторах, и не допускают передачу

²⁰¹ Асосков А. В., Курзински-Сингер Е. Пределы действия судебных и третейских решений по кругу лиц // Вестник ВАС РФ. 2012. № 2. С. 30

²⁰² Елисеев Н. Г. Процессуальный договор. - М.: Статут, 2015. С. 176.

²⁰³ Мусин В. А. Избранное. – СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2014. С. 158.

²⁰⁴ Носырева Е. И. Участники третейского разбирательства: новое в законодательстве и практике через призму трудов В. А. Мусина // Третейский суд. 2017. № 2(110). С. 133-140.

в третейское разбирательство дел исключительной судебной компетенции (например, дела о несостоятельности, частично дела по корпоративным спорам, дела, отнесенные к подсудности Суда по интеллектуальным правам), дел, в которых высока вероятность нарушения прав непривлеченных лиц (например, дела группового производства, споры из наследственных правоотношений, семейные споры кроме дел о разделе совместно нажитого имущества супругов) и дел, в которых априорно усматривается публичный интерес и вероятность ограничения конституционно-правовых гарантий (например, споры о приватизации имущества, о возмещении экологического вреда, о выселении граждан из жилых помещений, о возмещении вреда жизни и здоровью). Поскольку генеральная идея арбитрабельности предполагает необходимость поддержания проарбитражного подхода и допускает передачу в третейский суд любого спора, на который не распространяется нормативный запрет, в правоприменительной практике и доктрине выделяется большое число казусов, что подтверждает отсутствие правовой определенности в столь фундаментальном вопросе объективной и субъективной арбитрабельности.

Так, в диссертационном исследовании В. Д. Туктамышева обосновывается арбитрабельность споров с участием наследственного фонда и должника, признанного банкротом, споров с криптовалютой, корпоративных споров, в том числе споров о прекращении полномочий единоличного исполнительного органа, о защите имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности²⁰⁵. Проблематика арбитрабельности инвестиционных споров раскрыта в монографическом исследовании А. И. Бессоновой²⁰⁶ и в трудах В. Н. Анурова²⁰⁷. Вопросы арбитрабельности споров с участием публичных субъектов в контексте проарбитражной политики права раскрыты в диссертационном исследовании В. В. Еремина²⁰⁸. Значительное количество публикаций посвящено

²⁰⁵ Туктамышев В. Д. Арбитрабельность (подведомственность) споров: теоретические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук – Екатеринбург, 2024. С. 139 – 193.

²⁰⁶ Бессонова А. И. Признание и исполнение решений международных инвестиционных арбитражей – М.: Статут, 2020. С. 15 – 46.

²⁰⁷ Ануров В. Н. Международный инвестиционный арбитраж: вопросы компетенции: учебное пособие для магистров. – М.: Проспект, 2020. 208 с.

²⁰⁸ Еремин В. В. Арбитрабельность споров с участием публичных субъектов: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2021. 664 с.

проблематике арбитрабельности корпоративных споров²⁰⁹ и споров в сфере профессионального спорта²¹⁰. Поскольку объектом настоящего диссертационного исследования выступают не исключительно проблемы арбитрабельности, а правоотношения в сфере защиты прав и интересов в третейском разбирательстве в целом, позволим себе остановиться лишь на отдельных проблемах арбитрабельности в российском праве.

Актуальным представляется вопрос арбитрабельности **споров в сфере закупок**. Принципиальная проблема арбитрабельности соответствующих категорий требований предопределена дуализмом правового регулирования соответствующих материальных отношений, чья регламентация осуществляется Федеральным законом № 44-ФЗ от 5.04.2013 г.²¹¹ и Федеральным законом № 223-ФЗ от 18.07.2011 г.²¹². Предметом регулирования Федерального закона № 44-ФЗ являются отношения по организации закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, а Федеральный закон № 223-ФЗ регулирует правоотношения, покупателями и заказчиками в которых являются государственные корпорации, хозяйственные общества, доля участия в которых публичных образований превышает 50% и т.д. Такое «государственное участие» в управлении юридическим лицом может вызвать вопрос о компетенции третейского суда, поскольку арбитражное решение может затронуть публичные интересы. В Постановлении Президиума ВАС РФ от 28.01.2014 г. № 11535/13 сформулирована правовая позиция, в соответствии с которой споры, возникающие из контрактов, заключенных на основании Закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ (регулировал соответствующие отношения до принятия Федерального закона № 44-ФЗ), являются неарбитрабельными, рассмотрение таких споров третейскими судами

²⁰⁹ См. например: Асосков А. В. Разрешение корпоративных споров в третейских судах: основные результаты законодательной реформы // Закон. 2017. № 5. С. 67 – 77; Алиев Т.Т., Соловых С.Ж. Некоторые вопросы арбитрабельности корпоративных споров по новому Закону об арбитраже (третейском разбирательстве) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 23 - 27.

²¹⁰ См. например: Юрлов С. А. Ключевые проблемы защиты прав спортсмена // Закон. 2020. № 8. С. 51-60; Буянова М. О. Спортивные споры в России и их правовое регулирование. – М.: ООО "Издательство "КноРус", 2022. 142 с.

²¹¹ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652

²¹² Федеральный закон от 18.07.2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.

нарушает основополагающие принципы российского права²¹³. Указанная позиция послужила также основанием для установления императивного запрета на передачу в третейское разбирательство споров, возникающих из отношений, регулируемых законодательством о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (п. 6 ч. 2 ст. 33 АПК РФ, п. 6 ч. 2 ст. 22.1 ГПК РФ). Указанный запрет может быть фактически отменен в случае принятия федерального закона, предусматривающего возможность учреждения специализированного институционального арбитражного центра в силу п. 8 ст. 13 Федерального закона № 409-ФЗ²¹⁴. Таким образом, недопустимость передачи в арбитраж споров в сфере закупок для публичных нужд, следуя терминологии В. Д. Туктамышева, имеет функциональную причину, т.е. на самом деле продиктован в большей степени политикой права, нежели объективными предпосылками. В закупочных процедурах публичные органы действуют как правосубъектные стороны гражданских правоотношений, имея статус юридического лица, что предопределяет частноправовую природу возникающих материальных правоотношений²¹⁵.

Учитывая специфику предметного регулирования Федерального закона № 223-ФЗ, Верховный Суд РФ в Определении № 305-ЭС17-7240²¹⁶ пришел к выводу о характеристике отношений по закупке соответствующих категорий юридических лиц как гражданско-правовых, поскольку, создавая такие организации или участвуя в их деятельности, государство реализует невластные полномочия, т.е. налицо частный интерес хозяйствующего субъекта, а не публичный - лица, его учредившего. Данная характеристика позволила Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ признать споры из закупок в рамках Закона № 223-ФЗ в целом арбитрабельными, пока не будет доказано привлечение в такие правоотношения бюджетных средств

²¹³ Постановление Президиума ВАС РФ от 28.01.2014 № 11535/13 по делу № А40-148581/12, А40-160147/12 // Вестник ВАС. 2014. № 6.

²¹⁴ Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона "О саморегулируемых организациях" в связи с принятием Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 29.

²¹⁵ Беляева О. А., Габов А. В. Арбитрабельность споров, возникающих в сфере закупок // Журнал российского права. 2017. № 5(245). С. 51.

²¹⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.07.2018 г. № 305-ЭС17-7240 по делу № А40-165680/2016 // Доступ СПС «КонсультантПлюс»

или иного публичного интереса²¹⁷. Иными словами, в случае финансирования закупки за счет внебюджетных средств стороны вправе заключать соглашение о передаче спора в третейское разбирательство. При формировании данной позиции, по всей видимости, ВС РФ рассчитывал опереться на позицию²¹⁸ Конституционного Суда РФ, в который был направлен запрос о выявлении конституционно-правового смысла подлежащих применению в данном деле норм, в том числе ставился вопрос об арбитрабельности споров. Тем не менее, Определением № 865-О от 12.04.2018 г.²¹⁹ Конституционный Суд признал запрос Верховного Суда не подлежащим рассмотрению и указал на возможность заявителя самостоятельно обеспечить правовую определенность в указанном вопросе (в 2019 году Конституционный Суд РФ также отказался принимать к рассмотрению жалобу, заявитель которой ссылаясь на отсутствие определенности в вопросе арбитрабельности споров в сфере конкурентной закупки²²⁰). Судебной коллегией по экономическим спорам в обозначенном Определении № 305-ЭС17-7240 от 11.07.2018 г., таким образом, был изменен подход, господствовавший в правоприменительной практике ранее, по сути, не различавший закупки в порядке Федерального закона № 44-ФЗ и закупки для нужд частных субъектов по правилам Федерального закона № 223-ФЗ. На текущий момент компетентные суды исходят из презумпции арбитрабельности споров, возникающих в сфере конкурентной закупки для

²¹⁷ См.: Муранов А. И. Определение ВС РФ от 11 июля 2018 г. № 305-ЭС17-7240 насчет арбитрабельности споров по Закону о закупках отдельными видами юридических лиц: обманчивая надежда // Вестник международного коммерческого арбитража. 2018. № 1(16). С. 215-220; История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. - М.: Проспект, 2019. С. 301.

²¹⁸ Муранов А. И. Четыре трактовки Определения КС РФ от 12 апреля 2018 г. № 865-О насчет арбитрабельности споров по Закону о закупках отдельными видами юридических лиц: юридико-техническая, евангельская, ленинская и футурологическая // Вестник международного коммерческого арбитража. 2018. № 1(16). С. 211.

²¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 12.04.2018 № 865-О "По запросу Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а также федеральных законов "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц", "О третейских судах в Российской Федерации" и "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Проектно-монтажная компания Сибири" на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 4 и 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации" и статьи 1 Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

нужд юридических лиц, опираясь на гражданско-правовую природу спорного правоотношения²²¹. Необходимо согласиться с В. В. Ереминым, утверждающим, что, рассматривая факт расходования бюджетных средств как публичный элемент, исключающий арбитрабельность спора, Верховный Суд оставляет возможность широкого усмотрения судов в конкретных делах²²².

Несмотря на сформировавшиеся подходы о допустимости передачи в третейское разбирательство споров из договоров, заключаемых по результатам конкурентной закупки, ФАС РФ в Письме от 7.04.2023 г. настаивает на необходимости включения в проект договора условия о возможности передачи спора заинтересованной стороной в третейский суд только при одновременном наличии альтернативного условия о возможности рассмотрения такого спора арбитражным судом²²³. ФАС в этом письме отмечает недопустимость установления арбитражной оговорки в проекте договора, размещаемого в составе документации и извещения о закупке, поскольку она определяет исключительную компетенцию третейского суда и не предполагает альтернативного выбора компетентного юрисдикционного органа²²⁴. Хотя такая позиция антимонопольного органа и не встречает единогласной поддержки в правоприменительной практике²²⁵ и доктрине²²⁶, поскольку не влияет на результаты оценки поданных заявок и не создает отдельным участникам закупки преимущественных условий. Эти подходы критикуются арбитражным сообществом и в доктрине, поскольку ФАС России без каких-либо оснований ограничивает арбитрабельность, которая в условиях генеральной возможности передачи любых частноправовых споров

²²¹ См. например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.07.2024 № Ф05-18245/2023 по делу № А40-50142/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²²² Еремин В. В. Арбитрабельность споров с участием публичных субъектов: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2021. С. 242

²²³ Отметим, что допустимость заключения альтернативных пророгационных соглашений, в том числе предусматривающих право истца выбрать по своему усмотрению применимую судебную или третейскую процедуру разрешения спора, подтверждается в п. 24 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г. «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража».

²²⁴ Письмо ФАС России от 07.04.2023 № МШ/26277/23 «О третейской оговорке в договорах, заключаемых по результатам конкурентной закупки в соответствии с Законом о закупках» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²²⁵ См. например Постановление АС Московского округа от 1.12.2022 г. по делу № А40-289482/21 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²²⁶ Севастьянов Г. В. Действительность арбитражного соглашения с учетом концепции объективной беспристрастности третейского суда и положений Закона о закупках // Третейский суд. 2022. № 2/3. С. 15.

в третейской разбирательства, противоречит закону. В силу ч. 4 ст. 1 Закона об арбитраже только федеральным законом может быть ограничена возможность передачи споров в третейское разбирательство, а антимонопольный орган полномочиями представительного органа не обладает. Кроме того, по справедливому утверждению О. А. Беляевой и А. В. Габова, ничто не мешает сторонам достичь третейского соглашения уже после момента заключения контракта, оформив его не в виде третейской оговорки как одного из контрактных условий, а в виде отдельного документа²²⁷.

Арбитрабельность споров о правах на недвижимое имущество. Проблема допустимости передачи в третейское разбирательство соответствующих дел была предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ уже трижды – в Постановлениях № 10-П от 26.05.2011 г.²²⁸, № 46-П от 3.10.2023 г.²²⁹, № 18-П от 16.04.2024 г.²³⁰ И в каждом из указанных постановлений высший орган конституционного контроля последовательно занимал проарбитражную позицию, позволяя передавать соответствующий частноправовой спор на рассмотрение третейского суда. Между тем, устойчивой правоприменительной практики, поддерживающей идеи арбитрабельности, мы до сих пор не наблюдаем. Возможно, причиной тому является отсутствие определенности в понимании того, что же на самом деле означает «спор о праве на недвижимое имущество»? С этой правовой категорией трудно разобраться применительно к правилам исключительной

²²⁷ Беляева О. А., Габов А. В. Арбитрабельность споров, возникающих в сфере закупок // Журнал российского права. 2017. № 5(245). С. 51.

²²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", статьи 28 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Р. 2011. № 4

²²⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона "О государственной регистрации недвижимости" в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 42. Ст. 7596

²³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.04.2024 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Ю. Колосова» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 18. Ст. 2512.

территориальной подсудности в арбитражном и гражданском процессе²³¹, что уж говорить о вероятности идентификации публичного интереса в спорах о правах на объекты, требующие регистрационного учета? Постановление КС РФ № 46-П от 3.10.2023 г. посвящено проверке конституционности норм ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»²³² (далее – ФЗ о государственной регистрации недвижимости) и ст. 131 ГК РФ. В этом акте Конституционный Суд РФ повторяет ранее сформулированную им в 2011 году позицию об арбитрабельности частноправовых споров о недвижимости применительно к прежнему ФЗ о третейских судах 2002 года и ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»²³³. В Постановлении № 46-П Конституционный Суд РФ подтверждает возможность передачи в третейское разбирательство только частных споров, не затрагивающих интересы третьих лиц или публичные интересы, а также указывает на то, что выполнение регистрирующими органами функций по учету прав на объекты недвижимого имущества на основании третейских решений, прошедших процедуру экзекватуры, не предполагает нарушение публичных интересов, т.е. не может исключать арбитрабельность соответствующих споров.

При применении норм ФЗ о третейских судах 2002 г. допустимость передачи на рассмотрение третейского суда споров о правах на недвижимое имущество, о защите прав на такие объекты и т.д. активно обсуждалась в литературе, соответствующие проблемы возникали и в правоприменительной практике²³⁴. Принципиальную возможность разрешения частноправовых споров о правах на недвижимое имущество, не затрагивающих публичные интересы и интересы не привлеченных к третейскому разбирательству лиц, как было сказано, подтвердил Конституционный Суд РФ в Постановлении № 10-П от 26.05.2011 г.

²³¹ Трезубов Е. С. Особенности производства в арбитражном суде первой инстанции // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6. № 1. С. 80.

²³² Федеральный закон от 13.07.2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

²³³ Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594

²³⁴ См. например: Скворцов О. Ю. Рассмотрение третейскими судами споров о правах на недвижимость: правовая политика и юридическая практика // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 1. С. 43-58.

Наиболее подробный анализ критериев арбитрабельности споров о правах на недвижимость в отечественной юридической литературе провел Г. В. Севастьянов, выявивший на основе комплексного критерия компетенции, включающего в себя объективные, субъективные критерии и критерий спорности - *если субъекты спора обладают полномочиями по самостоятельному распоряжению спорным правом на недвижимое имущество*²³⁵.

Неарбитрабельны споры о правах на недвижимое имущество, в которых придется преодолевать правовую презумпцию публичной собственности недвижимого имущества, исключать соответствующие объекты из наследственной массы, признавать граждан утратившими право проживания, понуждать к государственной регистрации ранее не учтенных прав, признавать право на самовольную постройку и т.д. Спор о недвижимости должен быть в действительности частным, проистекающим из соседских или договорных правоотношений²³⁶. Для требований о защите своего вещного права характерно наличие определенного ответчика, нарушившего право истца, субъектный состав такого спора является определенным, поэтому его арбитрабельность не вызывает сомнений²³⁷. В п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 г.²³⁸ разъяснено, что к искам о правах на недвижимое имущество относятся, в частности, иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, о признании права, об установлении сервитута, об установлении границ земельного участка, об освобождении имущества от ареста. Из приведенного перечня не будут отвечать критериям арбитрабельности иски об освобождении имущества от ареста (исключении из описи), т.к. в данном случае обязательным будет привлечение к участию в

²³⁵ Севастьянов Г. В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) – СПб: АНО «Редакция журнала «Третейский суд», 2015. С. 184 – 188.

²³⁶ Трезубов Е. С., Курносоев А. А. Базовые проблемы третейского разбирательства в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П // Третейский суд. 2023. № 1/2(133/134). С. 128-129.

²³⁷ Косцов В. Н. Арбитрабельность споров и полномочия арбитров: соотношение материального и процессуального права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 6. С. 92.

²³⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. 2010. № 109.

деле судебного пристава-исполнителя, чьи притязания проистекают из презумпции принадлежности спорного имущества должнику в исполнительном производстве, т.е. не будет соблюдаться субъектный состав спора для возможности передачи его в третейское разбирательство. Неарбитрабельным также будет требование об установлении границ земельных участков, поскольку такое решение потребует внесение сведений о земельном участке, не учтенном ранее надлежащим образом, в ЕГРН. В то же время спор о границах смежных земельных участков, находящихся в частной собственности, полагаем, может быть рассмотрен арбитрами, т.к. соответствующее требование будет заявлено в отношении объектов, официально учтенных в публичных реестрах. Иные примеры исков о правах на недвижимое имущество, указанные в п. 2 совместного Постановления пленумов, можно признать арбитрабельными, если они заявляются в отношении объектов, учтенных должным образом, а разрешение спора не предполагает внесение изменений в сведения об объекте (его конфигурацию, назначение, вид разрешенного использования, площадь и т.п., отраженные в ст. 8 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»²³⁹), а спорящие субъекты – организации и граждане, не реализующие в отношении объекта полномочия публичного собственника.

Неарбитрабельными будут требования о признании права или обременения на недвижимое имущество отсутствующим, т.к. основание такого иска лежит в плоскости ошибки в публичном реестре (дублирование сведений об одном и том же объекте). Недопустимо передавать в арбитраж иски о признании права на самовольную постройку, т.к. такой объект не учтен в установленном порядке, им не может распоряжаться лицо, осуществившее самовольную постройку, и при разрешении требования необходимо установить соответствие постройки параметрам, установленным правилам землепользования и застройки, документацией по планировке территории, или обязательными требованиями к параметрам постройки, предусмотренными законом, что предопределяет публичный интерес в споре (ст. 222 ГК РФ).

²³⁹ Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

Конституционный Суд РФ в п. 3.1 Постановления № 46-П от 3.10.2023 г. подчеркнул, что требование о государственной регистрации прав на недвижимость не влияет на природу спора об этих правах, он остается по своей сути гражданско-правовым, а «публичный эффект», т.е. необходимость внесения соответствующих сведений в публичные реестры, возникает уже после вынесения решения компетентным органом.

Представляется, для обеспечения правовой определенности на уровне разъяснений Верховного Суда РФ требуется систематизация случаев отсутствия компетенции третейских судов по разрешению споров о правах на недвижимое имущество, поскольку, как показывает правоприменительная практика, этот вопрос все еще не единообразно решается судами, которые зачастую без достаточных оснований указывают на признаки обхода закона, создания видимости спора для целей достижения незаконного результата или вовсе на нарушение публичного порядка.

Закон об арбитраже (ст. 43) решил вопрос наличия компетенции третейских судов по разрешению соответствующих частноправовых споров положительно, указав на арбитрабельность споров, связанных с последующим внесением сведений в государственные реестры, в том числе установив возможность рассмотрения споров о праве на недвижимое имущество. Также была исключена возможность так называемого «добровольного» исполнения решения третейского суда по спору о праве на недвижимость, предполагавшая обращение с заявлением о регистрации в орган Росреестра обеих сторон третейского разбирательства²⁴⁰, представлявших регистратору помимо третейского решения и иные документы-основания возникновения права²⁴¹.

Согласно п. 5.1 ч. 2 ст. 14 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» основаниями для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав являются решения третейских судов, по которым выданы исполнительные листы в соответствии с вступившими в законную силу судебными актами судов

²⁴⁰ Петренко О. В. Признание права собственности на недвижимое имущество в третейских судах // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 1(172). С. 89

²⁴¹ Письмо Росреестра от 21.05.2012 № 14-3648-ГЕ «О некоторых вопросах государственной регистрации прав на основании решений третейских судов» // Экономика железных дорог. 2012. № 10.

общей юрисдикции или арбитражных судов, вместе с такими исполнительными листами. Данная норма введена в 2021 году²⁴² (хотя сам закон вступил в силу с 1.01.2017 г.), в то время как в соответствии со ст. 43 ФЗ об арбитраже соответствующее правило было предусмотрено изначально - основанием для государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ней являются решения третейских судов, по которым выданы исполнительные листы. Одновременно²⁴³ с принятием Закона об арбитраже в ст. 17 и ст. 28 прежнего ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» были внесены изменения, допускающие осуществление регистрационных действий в публичных реестрах на основании третейских решений, для принудительного исполнения которых компетентными судами выдан исполнительный лист. Расхождение первоначальной редакции Закона о государственной регистрации недвижимости и последней редакции Закона о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в рассматриваемой части оснований для регистрационных действий, совершенно очевидно, – результат несовершенства законодательной техники и нормотворческого процесса, не имеющий под собой какой-либо материальной базы.

Новое требование прохождения предварительной процедуры экзекватуры распространяется также на все иные государственные реестры (ЕГРЮЛ, ЕГРИП, ЕГРН, реестр владельцев именных ценных бумаг и иные), если внесение в них записей влечет возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В юридической литературе обоснованно отмечается, что такое решение проблемы – выдача компетентным судом исполнительного листа для принудительного исполнения третейского решения с точки зрения теории исков – несовершенно. Как известно, при разрешении иска о признании

²⁴² Федеральный закон от 30.04.2021 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной регистрации недвижимости" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 18. Ст. 3064.

²⁴³ Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона "О саморегулируемых организациях" в связи с принятием Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 29.

принудительные исполнительные действия не осуществляются, а само решение является правоустанавливающим документом²⁴⁴. При рассмотрении аналогичного спора о праве государственным судом исполнительный лист для его исполнения не выдается²⁴⁵. Между тем третейское решение является актом, обладающим обязательными качествами лишь для сторон третейского разбирательства в силу заключенного ими соглашения. Качества общеобязательности и исполнимости приобретаются арбитражным решением по результатам процедуры экзекутуры, в связи с чем иного процедурного решения для внесения сведений в публичные реестры, нежели установление процедуры контроля, предложить было невозможно – определение и исполнительный лист компетентного суда призваны преодолеть обозначенную проблему. Процедура экзекутуры не может полностью исключить риск внесения в реестр незаконных сведений о правах, поскольку полномочия компетентного суда крайне ограничены – он не проверяет правильность применения норм материального права, не контролирует арбитражное решение по существу, не переоценивает доказательства (хотя вправе их исследовать)²⁴⁶.

Г. В. Севастьянов предлагает преодолеть обозначенную проблему следующим образом – сохранить за третейским решением качество правоустанавливающего акта, и предусмотреть соответствующие административные процедуры уведомления регистратором (Росреестром, ФНС и т.д.) заинтересованных лиц, чьи права на соответствующие объекты зарегистрированы в публичных реестрах, что позволило бы таким лицам защитить свое право в порядке искового производства или в рамках производства по контролю в отношении третейского решения²⁴⁷. Мы полагаем, что указанное выше предложение должно быть учтено в рамках

²⁴⁴ См. например: Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / Под ред. проф. О.Ю. Скворцова и проф. М.Ю. Савранского – М.: Статут, 2016. С. 251; История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект: монография / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. – М.: Проспект, 2019. С. 300.

²⁴⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», абз. 2 п. 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

²⁴⁶ Трезубов Е. С., Курносоев А. А. Базовые проблемы третейского разбирательства в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П // Третейский суд. 2023. № 1/2(133/134). С. 129-130.

²⁴⁷ Севастьянов Г. В. Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук – М., 2013. С. 10-11, 28.

применяемой в отечественном правоприменении процедуры экзекватуры: в делах о выдаче исполнительного листа для принудительного исполнения третейского решения, предполагающего необходимость внесения сведений в публичные реестры, должны в обязательном порядке привлекаться с правами лиц, участвующих в деле, регистраторы с целью сообщения сведений о возможных нарушениях прав лиц, не привлеченных к третейскому разбирательству. Такой механизм предварительной проверки допустимости регистрационных действий позволит выявить возможные проблемы последующей административной процедуры и исключить риски нарушения прав не привлеченных к участию в деле лиц, что соответствует позиции, сформированной в п. 4.2 Постановления КС РФ № 46-П от 3.10.2023 г.²⁴⁸

В Постановлении № 18-П от 16.04.2024 г. Конституционный Суд лишь повторил позицию, сформированную в постановлениях № 10-П от 26.05.2011 г. и № 46-П от 3.10.2023 г., указав на необходимость полного и всестороннего рассмотрения компетентным судом заявления о принудительном исполнении третейского решения, вынесенного по спору о праве на объекты недвижимого имущества, в третий раз подтвердив принципиальную возможность разрешения третейским судом частноправового спора о правах на недвижимое имущество.

Следует также особо подчеркнуть, что специфика рассматриваемого спорного правоотношения предопределяет необходимость установления места арбитража (внутренних споров или международного коммерческого арбитража) по месту спорного объекта, однако в отличие от правил территориальной подсудности государственных арбитражных судов или судов общей юрисдикции, в третейском разбирательстве нужно учитывать связь с применимым правом. Место арбитража спора в отношении прав на недвижимое имущество, расположенное в пределах границ Российской Федерации, должно также быть определено в пределах границы этого государства. Иностранное арбитражное решение недопустимо разрешать спор о праве на недвижимое имущество, расположенное в России. Данный тезис обусловлен необходимостью получения исполнительного листа для

²⁴⁸ Трезубов Е. С., Курносов А. А. Базовые проблемы третейского разбирательства в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П // Третейский суд. 2023. № 1/2(133/134). С. 131.

внесения сведений из арбитражного решения в публичные реестры, а значит, критерий тесной связи с объектом спора должен предопределять выбор места арбитража.

На текущий момент необходимо отметить, что установление обязательности процедуры экзекватуры третейских решений, предполагающих необходимость внесения сведений в публичные реестры (ст. 43 Закона об арбитраже) в совокупности с изменениями ст. 333.19 и ст. 333.21 НК РФ приведет к существенному сокращению числа случаев рассмотрения такого рода требований третейскими судами как минимум в арбитраже внутренних споров. Истцу придется не только заплатить третейский сбор и понести иные арбитражные расходы (вознаграждение арбитров, расходы на участие представителей и проч.), но и оплатить государственную пошлину при обращении в компетентный суд, размер которой с 8.09.2024 г. составляет 30% от подтвержденной третейским решением суммы требования (пп. 10 п. 1 ст. 333.19, пп. 13 п. 1 ст. 333.21 НК РФ), в то время как ранее (в период с 2014 по 2024 год) заявитель при обращении в суд общей юрисдикции оплачивал 300 руб., а при подаче заявления в арбитражный суд - 3000 руб. Впрочем, в этом вопросе имеется неопределенность, поскольку в соответствии с правовой позицией, сформулированной в п. 22 Постановления Пленума ВАС РФ № 46 от 11.07.2014 г.²⁴⁹ иск о признании права собственности на недвижимый объект квалифицируется как требование имущественного характера, не подлежащее оценке (пп. 4 п. 1 ст. 333.21 НК РФ), что предполагает оплату госпошлины в фиксированном объеме – 15 тыс. руб. для граждан и 50 тыс. руб. для организаций при обращении в арбитражный суд (а в соответствии с правилами пп. 3 п. 1 ст. 333.19 НК РФ, при обращении в суд общей юрисдикции гражданин оплачивает госпошлину в фиксированном размере в 3 тыс. руб., а организация – 20 тыс. руб.)²⁵⁰. Несмотря на признание не

²⁴⁹ Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах» (признано не подлежащим применению в связи с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 32 от 19.11.2024 г. «О признании утративших силу и не подлежащих применению отдельных разъяснений по вопросам применения законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в судах» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

²⁵⁰ Позиция Пленума ВАС РФ до сих пор применяется арбитражными судами. См. например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.06.2023 № Ф05-14503/2023 по делу № А41-84915/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по экономическим

подлежащим применению указанного Постановления Пленума ВАС РФ в связи с принятием Постановления Пленума ВС РФ № 32 от 19.11.2024 г., такое разъяснение основано на норме ч. 2 ст. 103 АПК РФ – «по исковым заявлениям о признании права, в том числе права собственности, права пользования, права владения, права распоряжения, государственная пошлина уплачивается в размерах, установленных для исковых заявлений неимущественного характера». Норма пп. 10 п. 1 ст. 333.19, пп. 13 п. 1 ст. 333.21 НК РФ сформулирована узко – «при подаче заявления о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейского суда, заявлений о признании и об исполнении решения иностранного суда, иностранных третейских судов (арбитражей) - в размере 30 процентов государственной пошлины, исчисленной по правилам подпункта 1 настоящего пункта, исходя из суммы, подтвержденной соответствующим решением». Диспозиция нормы не рассчитана на случаи разрешения третейским судом требования имущественного характера, не подлежащего оценке. Противоречащая подходу ВАС РФ позиция была высказана Министерством финансов РФ²⁵¹ в 2024 году²⁵²: при подаче заявлений «о признании права собственности на недвижимое имущество, связанного с последующей регистрацией этого права, должна уплачиваться государственная пошлина в соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 333.19 НК РФ в зависимости от стоимости имущества, как при подаче искового заявления имущественного характера, подлежащего оценке»²⁵³.

Совершенно очевидно, что по одному и тому же вопросу не должно сохраняться разных подходов, допускающих ограничение доступа к защите

спорам Верховного Суда РФ от 16.07.2019 по делу № 306-ЭС19-5268 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.09.2020 № Ф04-2788/2020 по делу № А46-13490/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵¹ Письмо Минфина России от 29.03.2024 № 03-05-06-03/28654 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

²⁵² Аналогичное разъяснение ранее было дано ФНС России. См.: Письмо ФНС России от 01.08.2012 № ЕД-4-3/12767@ «О размере государственной пошлины, подлежащей уплате при подаче в суд общей юрисдикции искового заявления о признании права собственности на дом и земельный участок» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵³ И эта позиция является основной в практике судов общей юрисдикции, поскольку ст. 91 ГПК РФ специальной нормы (по примеру ч. 2 ст. 103 АПК РФ) на сей счет не содержит. См. например: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 08.09.2022 № 33-20204/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.10.2023 № 88-27706/2023 по делу № 9-225/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2023 № 88-24961/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

права. Поэтому Верховному Суду РФ надлежит обратиться к позиции Пленума ВАС РФ относительно квалификации требования о признании права на объект недвижимого имущества как имущественного требования, не подлежащего оценке, и распространить подход на суды общей юрисдикции, или наоборот, транслировать позицию Минфина России на обе ветви судебной системы. Приоритет при этом мы отдаем правилам ч. 2 ст. 103 АПК РФ, рассматривая требование о признании права как требование имущественного характера, не подлежащее оценке. В таких делах установление рыночной стоимости спорного имущества не является обязательным, не включается в предмет доказывания по делу. Необходимость же производить оплату пошлины из расчета стоимости имущества приведет к попытке сторон прибегнуть к уловкам с целью сокращения расходов (стороны будут использовать инвентарную стоимость, балансовую стоимость с учетом амортизационного износа, кадастровую стоимость соответствующего объекта), а при невозможности – будут вынуждены нести расходы на представление отчета об определении рыночной цены спорного имущества. Признание такого требования не подлежащим оценке видится более элегантным механизмом, не возлагающим на стороны излишние обязанности, не связанные с рассмотрением требований по существу.

Арбитражное соглашение распространяется на любые споры, связанные с его заключением, вступлением в силу, изменением, прекращением, действительностью, в том числе с возвратом сторонами всего исполненного по договору, признанному недействительным или незаключенным, если иное не предусмотрено соглашением сторон (ч. 11 ст. 7 Закона об арбитраже). Условие о передаче спора в третейский суд сохраняет силу и после окончания срока действия договора, если стороны не предусмотрели иное²⁵⁴.

Признание договора незаключенным само по себе не свидетельствует о незаключённости пророгационной или арбитражной оговорки, т.к. такое

²⁵⁴ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов», п. 22 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 3.

условие по общему правилу рассматривается независимо от других положений договора²⁵⁵. Согласно ч. 1 ст. 16 Закона об арбитраже, арбитражная оговорка признается самостоятельным соглашением, не зависящим от других условий договора. А значит, недействительность договора сама по себе не влечет недействительность арбитражного соглашения. Указанное положение является легальным закреплением принципа автономности арбитражного соглашения²⁵⁶, повторяет правила п. 1 ст. 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ, п. 2 ст. 21 Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ. Правило автономности третейского соглашения обеспечивает неизменность компетенции арбитров и минимизирует риски нейтрализации договоренности сторон, т.е. выступает рациональным ограничительным механизмом недобросовестного поведения²⁵⁷.

При перемене лица в обязательстве, спор из которого подпадает под условия арбитражного соглашения, оно действует в отношении как первоначальных, так и новых кредитора и должника (ч. 10 ст. 7 Закона об арбитраже). Ранее тождественная позиция была сформулирована Президиумом ВАС РФ: если первоначальный кредитор и должник подписывают отдельное от договора третейское соглашение, оно, несмотря на свою автономность, становится частью договора. Право защищать интересы определенным способом и в суде, избранном первоначальными сторонами, переходит к правопреемнику²⁵⁸, если обратное прямо не следует из соглашения о переводе долга или уступке права требования²⁵⁹.

Арбитражное соглашение имеет дерогационный эффект, т.е. призвано ограничивать компетенцию государственного суда по разрешению соответствующего спора. В соответствии с положениями п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК РФ и абз. 6 ст. 222 ГПК РФ наличие действительного и исполнимого арбитражного соглашения является основанием для оставления государственным судом иска без рассмотрения при наличии соответствующего

²⁵⁵ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными», п. 12 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 4

²⁵⁶ Богданова Н. А. Принцип автономности соглашений о международной подсудности // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 10. С. 35 - 39.

²⁵⁷ Елисеев Н. Г. Процессуальный договор. - М.: Статут, 2015. С. 270.

²⁵⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 29.03.2012 года № 9094/11 по делу № А40-117038/10-141-979 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8

²⁵⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.06.2018 года по делу № А40-239623/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ходатайства стороны соглашения. В понимании правовой природы арбитражного соглашения в отечественной литературе, с одной стороны, все еще отсутствует безусловное единство мнений, но с другой стороны, большинство исследователей обращают внимание на смешанную (материально-процессуальную) природу такого соглашения. При этом в анализе природы арбитражного соглашения неизбежно лежит исследование правовой природы третейского разбирательства, поскольку первое в известной степени предопределяет возможность существования второго. Так, А. Г. Котельников указывает на необходимость применения одновременно смешанной, концессуальной и автономной теорий арбитража для целей определения природы соглашений, а также объема прав и обязанностей его сторон²⁶⁰

В своем диссертационном исследовании К. В. Петрова обосновывает целесообразность применения смешанной теории правовой природы арбитража для целей установления обстоятельств неисполнимости арбитражного соглашения²⁶¹. А. И. Коломиец указывает: «арбитражное соглашение есть смешанный институт, который содержит договорные элементы по его генезису и процессуальные элементы по юрисдикционному характеру». А применение гражданско-правового инструментария, такого как волеизъявление, правоспособность, дееспособность, не ограничивает правовую природу арбитражного соглашения исключительно до гражданско-правовой сделки²⁶².

Е. В. Михайлова, напротив, указывает, что третейское соглашение по своей природе является материально-правовым (гражданско-правовым) договором, поскольку третейский суд как обязательный субъект процессуальных отношений не выступает стороной такого соглашения²⁶³. Процессуальные последствия, заключающиеся в невозможности рассмотрения государственным судом иска при наличии заключенного

²⁶⁰ Котельников А. Г. Правовая природа арбитражного соглашения и последствия его заключения: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. С. 16.

²⁶¹ Петрова К. В. Основания неисполнимости арбитражного соглашения в России и Германии: сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2024. С. 53-54.

²⁶² Коломиец А. И. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. С. 29.

²⁶³ Михайлова Е. В. К проблеме правовой природы «процессуальных соглашений» // Журнал российского права. 2019. № 2(266). С. 147, 149.

третейского соглашения, по мнению цитируемого ученого, «не является достаточным основанием для отнесения его к классу “процессуальных соглашений”»²⁶⁴. С. В. Николукин также квалифицирует арбитражное соглашение как гражданско-правовой договор, но при этом указывает, что его предметом «являются активные действия сторон, связанные с передачей спора в коммерческий арбитраж»²⁶⁵.

Как отмечает В. А. Белов, арбитражное соглашение является частным соглашением («классическим частным материально-правовым договором»), направленным на изменение общего принципа, согласно которому изменение и прекращение частных отношений осуществляется действиями самих участников правоотношений – в силу заключенного третейского соглашения его стороны делегируют третейскому суду вынести решение, которое станет юридическим актом, влияющим на динамику спорного правоотношения²⁶⁶, трансформирующим его в установленное правоотношение. Стороны же в силу заключенного арбитражного соглашения, по мнению цитируемого ученого, наделяются возможностью реализовать секундарное право обратиться в третейский суд с иском или ходатайствовать в государственном суде об оставлении иска без рассмотрения по мотивам наличия обязательного для сторон третейского соглашения (апеллировать к ограниченному дерогационному эффекту арбитражного соглашения). Третейское соглашение, как отмечает В. А. Белов, являет собой «частный случай договора о совместной деятельности, т.е. договора о соединении сторонами спора своих имущественных вкладов и усилий» для разрешения спора третейским судом²⁶⁷. Такое видение демонстрирует необычный экономический результат совместной деятельности, равно как и нестандартное ее наполнение выполняемыми работами и оказываемыми услугами сторон арбитражного соглашения.

²⁶⁴ Михайлова Е. В. К проблеме правовой природы «процессуальных соглашений» // Журнал российского права. 2019. № 2(266). С. 150

²⁶⁵ Николукин С. В. Арбитражные соглашения и компетенция международного коммерческого арбитража. Проблемы теории и практики. - М.: Юриспруденция, 2009. 144 с. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁶ Белов В. А. Юридическая природа третейского (арбитражного) соглашения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 6. С. 58, 63.

²⁶⁷ Там же. С. 65

Такое представление о природе и содержании арбитражного соглашения, как представляется, не учитывает правовую природу третейского разбирательства. Несостоятельность договорной и процессуальной доктрины правовой природы арбитража была обоснована еще С. Н. Лебедевым в монографии «Международный торговый арбитраж» 1965 года и, как представляется, аргументация ученого все еще актуальна: «такие вопросы, как действительность арбитражного соглашения, в том числе правоспособность и дееспособность сторон, сама возможность арбитража, то есть допустимость или законность его объекта и т.п., относятся к области договорной и могут быть разрешены лишь с применением общих положений о договорах. Но вместе с тем арбитражное производство, предъявление исковых требований, вопросы доказательств, процедура разбирательства, вынесение решения, его исполнение и обжалование и т.д. относятся к области гражданско-процессуальной с соответствующими, конечно, особенностями, присущими арбитражу»²⁶⁸. Но самое главное, и это отмечает В. А. Белов, арбитражное соглашение «само непосредственно не создает, изменяет и прекращает субъективные права и юридические обязанности»²⁶⁹. В этом, как представляется, и состоит ключевой недостаток договорной теории арбитража. Согласно ст. 8 ГК РФ сделка является основанием для возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей лиц. Но арбитражное соглашение не порождает гражданских прав и обязанностей. Возможность обращения в тот или иной форум для защиты – это не материально-правовой способ защиты, в том числе не самозащита, гарантированные ст. 12 ГК РФ (не предмет иска). Арбитражное соглашение, заключенное сторонами, представляет собой один из юридических фактов, выступающих необходимым условием для возникновения процессуального права на иск и на избрание соответствующей третейской формы защиты права. Именно поэтому процессуалистами разработана доктрина процессуальных соглашений (договоров), а третейское решение, как и решение государственного суда,

²⁶⁸ Лебедев С. Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву – М.: Статут, 2009. С. 66

²⁶⁹ Белов В. А. Юридическая природа третейского (арбитражного) соглашения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 6. С. 58.

неоспоримо признается юридическим актом, в силу которого возникают, изменяются или прекращаются правоотношения – спорное правоотношение становится установленным²⁷⁰. Квалификация арбитражного соглашения как гражданско-правового договора привела бы к положительному выводу о возможности / необходимости оспаривания такого договора в исковом порядке, возможности предъявления стороной иска о понуждении другой стороны к исполнению арбитражного соглашения, необходимости получения одобрения на заключение третейского соглашения от органов юридического лица (например, в случае, если цена иска, подаваемого в третейский суд, будет отвечать критериям крупной сделки) и т.д. и т.п. Как известно, соответствующие вопросы решаются процессуальными механизмами, а не посредством исковой формы защиты. Предъявление всякий раз иска, предметом которого было бы требование, обусловленное заключением арбитражного соглашения, не способствовало бы достижению искомого результата функционирования третейского разбирательства как альтернативной формы разрешения споров.

Поэтому при определении правовой природы арбитражного соглашения мы склонны квалифицировать его как процессуальный договор, поскольку им определяется публично-правовой механизм разрешения спора, т.е. альтернативный по отношению к государственной судебной юрисдикции механизм, а нормы материального права, по сути, применимы лишь субсидиарно при отсутствии специальных правил²⁷¹. Процессуальным соглашением при этом нельзя считать договор, достигнутый между сторонами процессуальных отношений, поскольку обязательным субъектом таковых является суд или иной юрисдикционный орган. Ни государственный суд, ни третейский суд не участвуют в арбитражном соглашении, но обязаны ему подчиниться при наличии должных предпосылок – первый оставив иск без рассмотрения, а второй, приняв иск к рассмотрению. И в этом состоит публичный, процессуальный характер природы соглашения – оно

²⁷⁰ Абушенко Д. Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография. - Тверь: Издатель Кондратьев А. Н., 2013. 319 с. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁷¹ См.: Елисеев Н. Г. Процессуальный договор. М.: Статут, 2015. 368 с.; Севастьянов Г. В. Теория частного процессуального права vs «судоизация и материализация арбитража» // Закон. 2017. № 9. С. 48.

обязательно для юрисдикционного органа, от него нельзя отказаться по мотивам того, что орган – не сторона соглашения.

Согласимся с Д. Б. Володарским – деятельность сторон материального правоотношения и соответствующих органов, в том числе судебных, направленных на принудительную реализацию субъективного права носит сугубо процессуальный характер²⁷², не может признаваться материально-правовой. Поэтому и третейское соглашение, выступающее условием начала процессуальной деятельности, не может быть гражданско-правовым договором²⁷³. Как отмечает О. Н. Шеменова, процессуальные соглашения выступают юридическим фактом – условием реализации процессуального права – в том числе предопределяющим возникновение процессуального права на предъявление иска. Поэтому арбитражное соглашение указанный ученый относит именно к процессуальному соглашению, при этом отмечает, что такое соглашение выступает юридическими фактами одновременно материального (влияя на правоотношения между сторонами) и процессуального (связывая суд, например, ограничивая возможность рассмотрения дела, и третейский суд, предопределяя его компетенцию по рассмотрению спора)²⁷⁴.

Арбитражное соглашение может быть заключено сторонами материального правоотношения как до возникновения спора, так и после его передачи на разрешение к суд. Как разъяснено в п. 16 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г.²⁷⁵, при разрешении вопроса об оставлении искового заявления без рассмотрения по причине заключения сторонами арбитражного соглашения, компетентный суд проверяет наличие признаков, с очевидностью свидетельствующих о недействительности, неисполнимости арбитражного соглашения или об утрате им силы, а также о том, что спор не подлежит рассмотрению в третейском суде. Исходя из

²⁷² Володарский Д. Б. Субъективное право и законная сила судебного решения: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2013. С. 5

²⁷³ Шеменова О. Н. Развитие взглядов В. А. Мусина о процессуальном значении арбитражных соглашений (на примере решения вопроса об их действительности) // Третейский суд. 2017. № 2(110). С. 159-164.

²⁷⁴ Она же. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. - М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 137, 144-145, 146.

²⁷⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3

положений ст. 222 ГПК РФ и ст. 148 АПК РФ, лишь действительное и исполнимое третейское соглашение допускает реализацию дерогационного эффекта. В п. 30 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г. разъяснено, что неисполнимым следует признавать арбитражное соглашение, из содержания которого не может быть установлена воля сторон в отношении выбранной ими процедуры арбитража (например, невозможно установить, осуществлен ли выбор определенного институционального арбитража или арбитража *ad hoc*) или которое не может быть исполнено в соответствии с волей сторон (например, согласованное арбитражное учреждение не вправе осуществлять администрирование арбитража в соответствии с требованиями применимого права). О неисполнимости арбитражной оговорки может свидетельствовать, в частности, указание на несуществующее арбитражное учреждение. При этом возможность, исходя из последующего поведения сторон, установить третейский центр или состав арбитров ситуационного арбитража является основанием для признания арбитражного соглашения исполнимым. Пленум ВС РФ в указанном пункте Постановления, фактически, ориентирует суды на применение презумпции действительности и исполнимости третейского соглашения, поддерживая проарбитражный подход. Такой подход имеет принципиальное значение и при разрешении вопроса о возможности признания арбитражного соглашения неисполнимым в случаях отсутствия у стороны спора финансовой возможности оплатить арбитражные расходы, в том числе третейский сбор и регистрационный сбор. Как разъяснено в Определении СКЭС ВС РФ от 12.07.2017 № 307-ЭС17-640²⁷⁶, отсутствие у стороны такой финансовой возможности не может рассматриваться как основание для признания арбитражного соглашения неисполнимым. Такой подход объясняется тем, что стороны, заключив арбитражное соглашение, добровольно отказались от государственной юрисдикции, в том числе от экономических гарантий доступа к правосудию (предоставление индивидуальных финансовых льгот при обращении в суд, таких как отсрочка или рассрочка уплаты госпошлины, уменьшение ее размера в связи с

²⁷⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.07.2017 № 307-ЭС17-640 по делу А56-13914/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

трудным материальным положением истца и проч.), а государство не обязано оказывать финансовую поддержку частным альтернативным форумам разрешения споров²⁷⁷. Очевидно, что эта позиция сохраняет свое значение вплоть до момента введения в отношении процедур несостоятельности в отношении стороны спора, что исключает арбитрабельность такого требования в принципе.

²⁷⁷ Гусев А. М. Права человека и международный коммерческий арбитраж. 2-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. С. 30.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ КОМПЕТЕНТНЫМИ СУДАМИ ФУНКЦИЙ СОДЕЙСТВИЯ И КОНТРОЛЯ В ОТНОШЕНИИ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

§ 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОИЗВОДСТВА ПО ВЫПОЛНЕНИЮ ФУНКЦИЙ СОДЕЙСТВИЯ И КОНТРОЛЯ В ОТНОШЕНИИ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Третейское разбирательство – древнейший²⁷⁸ из общепризнанных способов разрешения споров, альтернативный по отношению к государственному юрисдикционному процессу. Альтернативность данной процедуры предполагает ее автономность и саморегулирование, не допускает возможность государства пересматривать по существу арбитражные решения, а также в значительной степени вмешиваться в процедуру рассмотрения спора третейским судом. Между тем, заинтересованное в развитии альтернативных форм разрешения споров государство должно создать эффективные механизмы оказания компетентными судебными органами помощи (содействия) и контроля (оспаривания и принудительного исполнения). Прообразы современных форм взаимодействия третейских судов (третей) и государственных судов, связанных с принудительным исполнением и отменой третейских решений встречаются еще в Соборном уложении 1649 года. В последующие периоды развития отечественного права – и в имперский, и в советский – также существует правовое регулирование механизмов взаимодействия компетентных и третейских судов²⁷⁹.

В связи с существованием регламентированных законом форм содействия и контроля третейскому разбирательству происходит явное расширение функций государственных судов и выход их полномочий за пределы задач гражданского (ст. 2 ГПК РФ) и арбитражного (ст. 2 АПК РФ) судопроизводства под влиянием социальных, экономических и политических факторов, на что обращал внимание профессор И. М. Зайцев²⁸⁰. Правила

²⁷⁸ См.: Зайцев А.И. История развития третейских судов и третейского судопроизводства в России до 1917 г. // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 89 – 128 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁹ См.: *Он же*. Взаимодействие государственных и третейских судов: история вопроса // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 79 – 115 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁰ См.: Зайцев И.М. Процессуальные функции гражданского судопроизводства / под ред. А. Г. Коваленко. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990. – 137 с.

рассмотрения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел о содействии и контроле в отношении третейского разбирательства регламентируются преимущественно нормами разд. VI ГПК РФ и гл. 30 АПК РФ, не относящимися формально-юридически к делам традиционных видов судопроизводства – искового, особого, административного или приказного (исходя из определения места соответствующих правил в структуре процессуальных кодексов). Правила рассмотрения компетентными судами дел о содействии и контроле в отношении третейского разбирательства регламентируют процедуру разрешения отдельных требований без разрешения спора по существу. По своей правовой природе рассматриваемые правила регламентируют особенности производства по отдельной категории дел, и не могут быть отождествлены с указанными выше видами судопроизводства²⁸¹.

В соответствии со ст. 6 Закона об арбитраже, функции содействия и контроля компетентными судами оказываются по следующим вопросам:

- избрания (назначения) третейских судей (части 3 и 4 ст. 11 Закона об арбитраже);
- отвода состава третейского суда (ч. 3 ст. 13 Закона об арбитраже);
- прекращения полномочий арбитров (ч. 1 ст. 14 Закона об арбитраже);
- оспаривания постановления предварительного характера о наличии компетенции третейского суда по рассмотрению спора (ч. 3 ст. 16 Закона об арбитраже);
- оспаривания окончательного третейского решения (ст. 40 Закона об арбитраже).

Указанный перечень не сформулирован в ст. 6 Закона об арбитраже исчерпывающим образом, и основания для выполнения функций содействия, а также соответствующие правила рассредоточены в процессуальном законодательстве и нормах Закона об арбитраже. В частности, ст. 9 Закона об арбитраже предусмотрено право сторон обратиться в компетентный суд с заявлением об истребовании обеспечительных мер (в соответствии с п. 9

²⁸¹ История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. - М.: Проспект, 2019. С. 304.

Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г.²⁸² рассмотрение государственным судом заявления стороны арбитража о принятии обеспечительных мер относится к делам о выполнении функций содействия, имеющим своей целью обеспечение основополагающих принципов арбитража, таких как состязательность и равноправие сторон²⁸³, гарантий эффективности данной альтернативной формы разрешения споров.

К функциям содействия, исходя из наименования ст. 30 Закона об арбитраже, следует отнести и разрешение компетентным судом запроса третейского суда об истребовании доказательств. Кроме того, к функциям содействия и контроля со стороны компетентного суда относится: решение вопроса о действительности арбитражного соглашения (ст. 8 Закона об арбитраже), хранение итоговых актов третейского суда (арбитражного решения, постановления о прекращении разбирательства), материалов рассмотренного дела (ст. 39 Закона об арбитраже), экзекватура, т.е. приведение в исполнение третейского решения (ст. 41 Закона об арбитраже)²⁸⁴. Авторы цитируемого комментария также относят к полномочиям компетентного суда по содействию и контролю компетенцию арбитражных судов по рассмотрению требований Минюста РФ о прекращении деятельности ПДАУ (ч. 4 ст. 48 Закона об арбитраже), однако мы не усматриваем в таком полномочии суда функций содействия или контроля по отношению к конкретному третейскому разбирательству, здесь арбитражный суд разрешает требование надзорного органа по существу.

Исходя из положений ст. 5 Закона об арбитраже, не допускающей судебное вмешательство в деятельность третейского суда кроме специально предусмотренных исключений, необходимо признать, что выполнение компетентными судами функций содействия и контроля призвано создать условия эффективности третейской защиты прав и законных интересов сторон спорного правоотношения. Закон предусматривает лишь право на

²⁸² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

²⁸³ Вареник Ю. В. Арбитраж (третейское разбирательство) и пределы вмешательства суда // Российский судья. 2019. № 11. С. 54.

²⁸⁴ Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / Под ред. проф. О. Ю. Скворцова и проф. М. Ю. Савранского – М.: Статут, 2016. С. 39.

использование сторонами арбитражного соглашения процедуры содействия в формировании состава арбитров компетентным судом, но объективно возможность оказания содействия зависит от содержания соглашения сторон. Наиболее перспективно применение функций содействия, как отмечает Е.И. Носырева, в арбитраже *ad hoc*, при наличии согласованных процедур избрания, отвода или прекращения арбитра в случае несоблюдения сторонами договоренностей²⁸⁵.

Объектом функции контроля со стороны государственного суда является завершившееся третейское разбирательство (осуществляется проверка арбитражного решения), а объектом функции содействия выступает сама процедура арбитража – начавшееся, но не оконченное третейское разбирательство²⁸⁶, именно поэтому процессуальными кодексами в качестве основания для оставления заявления о содействии без рассмотрения предусмотрено завершение третейского разбирательства (в т.ч. вынесение окончательного арбитражного решения). Развивая тезис Е. И. Носыревой²⁸⁷, отметим, что содействие оказывается не третейскому суду, и даже не сторонам арбитражного соглашения, а третейскому разбирательству, поскольку истребование доказательств по запросу третейского суда необходимо для обеспечения всей юрисдикционной процедуры, а не только для отдельных ее компонентов. В подтверждение указанного тезиса можно обратиться к названию ст. 6 Закона об арбитраже, включающего словосочетание «функции содействия и контроля в отношении арбитража», а также название Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г. «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража». Такое наименование лучше передает сущность рассматриваемого производства, учитывает как возможность выполнения соответствующих функций по отношению к арбитражному решению (признание, приведение в исполнение, оспаривание), так и по отношению к процедуре рассмотрения спора третейским судом, в чем нуждаются в

²⁸⁵ Носырева Е. И. Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7, № 4. С. 83.

²⁸⁶ Там же. С. 87-88.

²⁸⁷ Там же. С. 82, 88.

большей степени стороны разбирательства (формирование состава арбитров, содействие в истребовании доказательств, принятие обеспечительных мер).

Основной целью судебного содействия является обеспечение основополагающих принципов третейского разбирательства: состязательности и равного отношения к сторонам, независимости и беспристрастности арбитров, диспозитивности процедуры третейского разбирательства²⁸⁸. Такое содействие по справедливому замечанию С. А. Курочкина обусловлено заинтересованностью государства в реализации третейскими судами своей юрисдикционной миссии²⁸⁹. Их деятельность создается и обеспечивается государством, заинтересованным не столько в оптимизации нагрузки собственной судебной системы²⁹⁰, сколько заботящемся об инвестиционной привлекательности и развитии частных правоотношений в своих суверенных границах.

Необходимо согласиться с Л. А. Тереховой, указывающей, что контрольные полномочия компетентного суда просматриваются в том числе и в делах о содействии в отношении третейского разбирательства²⁹¹, что обусловлено реализацией принципа компетенции-компетенции, предполагающего необходимость оценивать действительность и исполнимость третейского соглашения, а также арбитрабельность спора. Отсутствие соответствующих положений в рамках гл. 47.1 ГПК РФ и § 3 гл. 30 АПК РФ не может рассматриваться как исключаящее необходимость выполнения компетентным судом полномочий по проверке арбитрабельности²⁹².

Третейское решение, вопреки утверждению В. А. Белова не может и не должно признаваться по своей сути тождественным природе гражданско-правовой сделки²⁹³, а арбитр не может рассматриваться как уполномоченный

²⁸⁸ Вареник Ю.В. Арбитраж (третейское разбирательство) и пределы вмешательства суда // Российский судья. 2019. № 11. С. 55

²⁸⁹ Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Статут, 2021. С. 272.

²⁹⁰ Абова Т. Е. Альтернативные формы разрешения споров нужны для удобства сторон, а не ради снижения нагрузки на судей // Арбитражная практика. 2011. № 3. С. 10-13.

²⁹¹ Терехова Л.А. Выполнение судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 60

²⁹² Зверева Н.С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции / под ред. В.В. Яркова. - М.: Статут, 2017. С. 212.

²⁹³ Белов В. А. Юридическая природа третейского (арбитражного) соглашения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 6. С. 47.

стороной третейского разбирательства представитель. Арбитр (коллегия арбитров) рассматривает спор по существу, применяет право, а не действует сугубо в интересах уполномочивающего состав третейского суда лица – кто в споре проиграет.

Поскольку арбитражное решение является актом, преобразующим спорное правоотношение в установленное, разрешающим спор по существу, оно может возлагать на стороны третейского разбирательства обязанности и подтверждать права требования. В этом смысле третейское разбирательство выступает альтернативой государственному юрисдикционному процессу, хоть и не является правосудием. Признание третейского разбирательства значимым институтом гражданского общества предопределяет необходимость со стороны государства обеспечивать реализацию эффективного механизма приведения в исполнение третейского решения, поскольку таким образом достигается цель правоприменительной деятельности арбитров и гарантируется реальное восстановление нарушенного права и защита охраняемого законом интереса²⁹⁴. Как отмечает А. Н. Петрунёва, правовая природа принудительного исполнения решения третейских судов является факультативным публично-правовым элементом целостной процессуальной формы арбитража²⁹⁵.

Потребность в публичных механизмах содействия и контроля предопределена частноправовой природой юрисдикционной деятельности третейского суда, чья компетенция проистекает из арбитражного соглашения, но обеспечивается государством. Особенность правовой природы взаимодействия компетентного суда с третейским судом или сторонами арбитража предопределяет и содержание процессуальной формы в таких делах, не предполагающей рассмотрение дела по существу.

Выполнение функций контроля осуществляется по общему правилу в отношении окончательного арбитражного решения, которое стало результатом завершившегося третейского разбирательства (исключение из этого правила предусмотрено в отношении постановления предварительного

²⁹⁴ Каламова Ю. Б. Исполнение третейского решения как альтернативная гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2020. С. 12.

²⁹⁵ Петрунёва А. Н. Место принудительного исполнения в механизме третейской защиты: автореферат дис. ... канд. юрид. наук - Саратов, 2022. С. 17.

характера по вопросам наличия компетенции состава арбитров), а функции содействия выполняются в отношении незавершенного рассмотрения спора третейским судом. Функции содействия могут осуществляться отечественными компетентными судами по отношению к арбитражу с местом рассмотрения спора на территории Российской Федерации. Контрольные же полномочия, осуществляются как в отношении иностранных арбитражных решений (экзекватура, контрэкзекватура), так и в отношении решений третейских судов, вынесенных на территории Российской Федерации (оспаривание, экзекватура).

Объем полномочий компетентного суда в части функций содействия и контроля зависит от организационной формы арбитража – ситуационный²⁹⁶ или институциональный – а также от наличия исключających соглашений сторон.

Не вызывает сомнений, что выполнение функций содействия по отношению к третейскому разбирательству может существенно увеличить сроки арбитража и издержки сторон, а отдельные контрольные функции – ограничить реальное восстановление нарушенного права²⁹⁷. Поэтому в практике арбитража допустимы исключające соглашения, т.е. имеющие юридическое значение договоренности сторон разбирательства о недопущении отдельных полномочий компетентного суда по отношению к третейскому разбирательству. С целью обеспечения баланса частных и публичных интересов, исключające соглашения допустимы по общему правилу лишь в институциональном арбитраже, поскольку факт администрирования разбирательства ПДАУ сводит к минимуму риски блокировки процедуры из-за поведения стороны. Так, стороны институционального арбитража своим прямым соглашением могут исключить возможность оспаривания окончательного арбитражного решения (ст. 40 ФЗ об арбитраже), оспаривания постановления предварительного характера о наличии у третейского суда полномочий по рассмотрению

²⁹⁶ В соответствии со ст. 30 Закона об арбитраже функции по содействию в получении доказательств осуществляются в отношении арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением.

²⁹⁷ Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж. Пер. с англ.; под ред. Р. М. Ходыкина; Кембриджский университет – М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 473.

конкретного спора (ч. 3 ст. 16 ФЗ об арбитраже), обращения в компетентный суд за содействием по вопросу формирования состава арбитров (ч. 4 ст. 11, ч. 3 ст. 13, ч. 1 ст. 14 ФЗ об арбитраже). Единственная ситуация допустимости исключających соглашений как ситуационном, так и в институциональном арбитраже касается согласования запрета третейскому суду выносить постановление о принятии обеспечительных мер (ч. 1 ст. 17 ФЗ об арбитраже, ст. 17 Закона о МКА), но такое исключающее соглашение будет касаться только т.н. «добровольных» обеспечительных мер, и не ограничивает право компетентного суда рассмотреть заявление стороны третейского разбирательства о принятии мер по обеспечению ее имущественных интересов.

Как следует из официальной статистики о деятельности судов, количество рассмотренных за 2023 г. дел о содействии третейским судам невелико – всего 9 определений по делам данной категории вынесено арбитражными судами (в 2024 году – всего 2 определения) и 120 из 259 поданных заявлений удовлетворено судами общей юрисдикции (в 2024 году – 27 из 72 заявлений о содействии удовлетворено судами общей юрисдикции). Дел о контроле в отношении третейского разбирательства значительно больше – арбитражными судами рассмотрено в 2023 году 1 155 дел об оспаривании третейских решений и о принудительном исполнении решений третейских судов (из них 974 дела рассмотрены по существу, а 865 требований заявителей удовлетворены)²⁹⁸. В 2024 году арбитражными судами рассмотрено 1 217 дел по заявлениям об отмене и о принудительном исполнении решений третейских судов (из них 1 037 заявлений рассмотрено по существу, а 922 – удовлетворены²⁹⁹). Судами общей юрисдикции в 2023 году рассмотрено по существу 101 заявление об оспаривании третейского решения (65 заявлений удовлетворено), 3 328 заявлений о принудительном исполнении арбитражного решения (из них удовлетворено 1 970

²⁹⁸ Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 12 месяцев 2023 года // Доступ из сети Интернет: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2023/1AS-svod_vse_sudu-2023.xls (дата обращения 1.10.2024 г.)

²⁹⁹ Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации за 12 месяцев 2024 года // Доступ из сети Интернет: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/1AS-svod_vse_sudy-2024.xls (дата обращения 27.04.2025 г.)

заявлений)³⁰⁰. В 2024 году суды общей юрисдикции рассмотрели 3 077 заявлений об экзекватуре третейского решения, из которых 1 455 заявлений удовлетворено, а также 102 заявления об отмене третейского решения, из которых 60 – удовлетворено³⁰¹. Несмотря на незначительное количество дел о содействии и контроле (в сравнении с общей нагрузкой государственной судебной системы), на развитие альтернативных форм разрешения споров, в т.ч. и на третейское разбирательство как значимый публично-правовой институт, государство должно делать ставку, и правила взаимодействия органов общественной и государственной юрисдикции должны быть детально регламентированы.

Функции содействия и контроля по отношению к третейскому разбирательству выполняют как суды общей юрисдикции, так и арбитражные суды, в зависимости от характера спорного правоотношения и субъектного состава. В случае арбитража экономического спора, субъектами которого являются юридические лица и индивидуальные предприниматели (а также в случае рассмотрения корпоративных споров в соответствии с ч. 2 ст. 225.1 АПК РФ), функции контроля и содействия по отношению к арбитражу выполняют арбитражные суды, в иных случаях, когда субъектный или предметный критерий экономического спора не выдерживается – заявление будет относиться к компетенции суда общей юрисдикции. В целом, компетенция государственного суда предопределена юридической возможностью рассмотрения соответствующего требования по существу: если бы этот спор в отсутствие арбитражного соглашения рассматривался арбитражным судом, именно он будет выполнять функции компетентного суда в делах о содействии и контроле, в иных случаях, требования подлежат рассмотрению судом общей юрисдикции.

На основании ч. 5 ст. 240.1 АПК РФ и ч. 5 ст. 427.1 ГПК РФ заявление о содействии подается соответственно в арбитражный суд субъекта Российской Федерации или в районный суд, на территории которых

³⁰⁰ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2023 года // Доступ из сети Интернет: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2023/F3-svod_vse_sudy-2023.xls (дата обращения 1.10.2024 г.)

³⁰¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2024 года // Доступ из сети Интернет: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F3-svod_vse_sudy_2024.xls (дата обращения 1.05.2025 г.)

проводится соответствующее третейское разбирательство. Поскольку место арбитража, в особенности место онлайн-арбитража представляет собой в известной степени фикцию, в соответствии со ст. 20 Закона об арбитраже, компетентный суд будет учитывать соглашение сторон об определении места третейского разбирательства, место нахождения третейского центра или соответствующий акт третейского суда, в котором отражено место разбирательства. Применительно к выполнению функций контроля, правила родовой и территориальной подсудности определены иначе. Так, в силу ч. 4 ст. 230 АПК РФ заявление об отмене решения третейского суда подается в арбитражный суд субъекта Российской Федерации, на территории которого принято решение третейского суда, при этом законом допускается применение правил договорной подсудности об определении по соглашению компетенции арбитражного суда по месту нахождения одной из сторон спора. Аналогичное правило определения компетенции суда общей юрисдикции при рассмотрении заявления об отмене третейского решения установлено и ч. 2 ст. 418 ГПК РФ. Подсудность дел по заявлению о принудительном исполнении третейского решения определена ч. 3 ст. 236 АПК РФ и ч. 2 ст. 423 ГПК РФ – такое требование рассматривает суд по месту нахождения (адресу) должника, при неизвестности – по месту нахождения имущества должника, либо при наличии соответствующего пророгационного соглашения – по месту арбитража или по адресу стороны третейского разбирательства, в пользу которой принято арбитражное решение.

Согласимся с И. Каса, указывающей на необходимость передачи полномочий по выполнению функций контроля в отношении третейского разбирательства от районных (городских) судов общей юрисдикции областным, краевым судам, верховным судам республик и приравненных к ним по статусу органам³⁰². Как показывает практика, районные суды, в особенности в отдаленных территориях, не имеют должного представления о порядке рассмотрения соответствующих дел, об основаниях к отмене и

³⁰² Каса И. Правовое регулирование деятельности третейского суда в Российской Федерации и в Швейцарской Конфедерации: сравнительно-правовое исследование: автореферат дис. ... канд. юрид. наук – М., 2018. С. 11.

отказу в принудительном исполнении третейских решений, что порождает неэффективность судопроизводства.

Применительно к рассмотрению требования о принудительном исполнении иностранного арбитражного решения ст. 410 ГПК РФ установлены специальные правила родовой и территориальной подсудности – такое заявление рассматривается верховным судом республики, краевым, областным (и приравненным к нему) судом по месту жительства или месту нахождения должника в Российской Федерации, а при отсутствии или неизвестности места жительства (адреса) должника – по месту нахождения его имущества.

Процессуальное законодательство прямо устанавливает запрет на обжалование определения суда о выполнении функции содействия в отношении третейского суда (ч. 3 ст. 240.5 АПК РФ и ч. 3 ст. 427.5 ГПК РФ)³⁰³. Хотя, как будет показано далее, такое нормативное решение не является универсальным, и применительно к вопросам принятия обеспечительных мер компетентным судом практика складывается иным образом.

Во-первых, запрет оспаривания определений компетентного суда по делам о содействии третейскому разбирательству связан с тем, что возможность обжалования приводит к увеличению длительности нахождения дела в суде и, соответственно, может привести к существенному затягиванию третейского разбирательства. Недобросовестная сторона легко воспользуется данным механизмом.

Во-вторых, по своей сути вопросы, которые рассматриваются судом, выполняющим функции содействия, требуют скорейшего и окончательного решения. При возможности обжалования функция содействия может превратиться в функцию «препятствия» третейскому разбирательству.

Наконец, роль суда заключается в необходимости решения таких вопросов, которые лица, участвующие в третейском разбирательстве, не в состоянии урегулировать самостоятельно и нуждаются в организационном

³⁰³ Несмотря на это, в практике встречаются случаи рассмотрения жалоб на постановления компетентных судов по делам о формировании состава арбитров. См. например: Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28.03.2018 № 10АП-2513/2018 по делу № А41-90575/1; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2023 № 13АП-23491/2023 по делу № А56-1270/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

содействии для продолжения третейского разбирательства. Для этого достаточно одного независимого субъекта без дополнительных инстанций.

Как отмечает Е. В. Михайлова, публично-правовое значение третейского разбирательства предопределяет существование двух взаимоисключающих факторов: формального недопущения государственного суда к всесторонней проверке арбитражного решения и пересмотра дела, и в то же время возможности применения механизмов государственного принуждения для целей признания и принудительного исполнения третейского решения³⁰⁴. Одним из важнейших условий эффективности третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража для разрешения споров из гражданских правоотношений является контроль за выносимыми итоговыми решениями. Определения компетентного суда, связанные с оспариванием решения третейского суда или выдачей исполнительного листа на его принудительное исполнение, могут быть обжалованы в кассационном порядке.

К ведению федеральных судов относятся дела об определении компетенции третейского суда, отмене его решений, о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение окончательного решения арбитров, рассмотрение которых связывается с осуществлением федеральными судами контрольных полномочий в отношении третейского разбирательства.

Фундаментальным принципом третейского разбирательства является окончательность арбитражного решения. Это означает, что компетентный суд вправе отменить арбитражное решение, отказать в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в признании и приведении в исполнение решения международного коммерческого арбитража только при наличии прямо определенных в законе оснований. Формально закон не допускает ситуацию, при которой компетентный суд в рамках выполнения функций контроля повторно рассматривает дело, оценивает доказательства. Между тем, в Постановлении № 18-П от 16.04.2024 г. Конституционный Суд РФ указал на необходимость

³⁰⁴ Михайлова Е. В. О некоторых проблемах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании решений третейских судов // Российский судья. 2024. № 3. С. 4.

компетентного суда в каждом деле о контроле оценивать реализацию таких принципов, как добросовестность участников спорного правоотношения, а также законность как универсальный, конституционный, принцип российского права, понимая при этом необходимость следования критериям правовой определенности через призму единообразия правоприменительной практики. Решение третейского суда тогда может быть приведено в исполнение или не отменено компетентным судом, когда оно по своей сути является идентичным решению государственного суда, рассматривающего такой же спор³⁰⁵. Предписывая компетентным судам оценивать добросовестный характер поведения сторон третейского разбирательства, существенные для дела обстоятельства не произвольно, а самостоятельно и исчерпывающим образом, анализировать само третейское решение на предмет наличия явных нарушений публичного порядка, Конституционный Суд РФ в Постановлении № 18-П подтверждает тенденцию «огосударствления», или «судоизации» арбитража, разрешая компетентным судам пересматривать решения третейских судов по существу³⁰⁶. Такой подход обоснованно встречен настороженно арбитражным сообществом, поскольку сулит значительные риски утраты самостоятельности третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров.

Стороны институционального арбитража могут договориться об окончательности арбитражного решения. Такое условие может содержаться только в прямом соглашении сторон и не будет считаться согласованным, если оно содержится в правилах постоянно действующего арбитражного учреждения, о применении которых стороны договорились. Данное положение направлено на дополнительную защиту более слабой стороны правоотношения, которая должна безусловно выразить свою волю на отказ от дополнительной меры контроля со стороны суда. Продолжая эту идею, Верховный Суд позволяет распространять исключаящее соглашение только на стороны третейского разбирательства. Иные лица, в отношении прав и

³⁰⁵ Трезубов Е. С. Если арбитраж *ad hoc* осуществляется, значит – это кому-то нужно? // Третейский суд. 2023. № 3/4. С. 97

³⁰⁶ Севастьянов Г. В. Конституционная модель арбитрабельности споров о недвижимом имуществе или замена формально-юридического контроля при выдаче исполнительного листа исследованием обстоятельств третейского решения – «судоизация» арбитража? // Третейский суд. 2023 № 3/4. С. 63

обязанностей которых вынесено арбитражное решение, вправе оспорить такое решение (п. 43 Постановления Пленума ВС РФ от 10.12.2019 № 53).

Согласно ст. 40 Закона об арбитраже в арбитражном соглашении, предусматривающем администрирование арбитража ПДАУ, стороны своим прямым соглашением могут предусмотреть, что арбитражное решение является для сторон окончательным. Окончательное арбитражное решение не подлежит отмене. Положение об окончательности решения третейского суда и о невозможности его оспаривания в компетентном суде, как указывал Конституционный Суд РФ применительно к положениям ст. 40 Закона о третейских судах 2002 г.³⁰⁷, не может рассматриваться как нарушающее права гражданина, в том числе право на судебную защиту, поскольку не лишает заинтересованное лицо права воспользоваться средствами судебного контроля в производстве о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда³⁰⁸.

Стороны, заключившие третейское соглашение, принимают на себя обязанность добровольно исполнять арбитражное решение. Стороны и третейский суд прилагают все усилия к тому, чтобы арбитражное решение было юридически исполнимо (ст. 38 Закона об арбитраже).

Арбитражное решение признается обязательным и подлежит немедленному исполнению сторонами, если в нем не установлен иной срок исполнения. При подаче стороной в компетентный суд заявления в письменной форме арбитражное решение принудительно приводится в исполнение путем выдачи исполнительного листа (ч. 1 ст. 41 Закона об арбитраже, ст. 236 АПК РФ, ст. 423 ГПК РФ). Правила о выдаче исполнительного листа применяются не только к арбитражным решениям, вынесенным по итогам рассмотрения спора по существу, но и к иным обязательным актам третейского суда (в частности, постановлениям о возмещении понесенных в ходе третейского разбирательства расходов,

³⁰⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 01.06.2010 № 754-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Газпром экспорт" на нарушение конституционных прав и свобод статьей 40 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", пунктом 1 части 1 статьи 150 и частью 1 статьи 230 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 6.

³⁰⁸ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018), п. 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9;

решениям на согласованных условиях (выносимых по итогам утверждения мирового соглашения) и т.д.)³⁰⁹.

Основания к отмене третейского решения и отказу в его принудительном исполнении установлены процессуальными кодексами, Законом об арбитраже, Законом о МКА, а также по отношению к приведению к исполнению иностранных арбитражных решений такие основания могут быть предусмотрены международными договорами (например, в Нью-Йоркской конвенции 1958 г. или в Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 г.). Проверка решения третейского суда осуществляется компетентным судом на предмет наличия существенных процедурных нарушений и противоречия свехимперативным началам национального права, а правильность оценки доказательств, корректность применения материального закона компетентным судом при выполнении функций контроля не должна осуществляться.

Таким образом, законодательством ограничено право государственного суда на пересмотр решения третейского суда. При рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда компетентный суд не вправе переоценивать фактические обстоятельства, установленные третейским судом³¹⁰.

Право обратиться в суд с заявлением об оспаривании решения третейского суда принадлежит в первую очередь лицам, участвующим в третейском разбирательстве, а кроме того, иным лицам, в отношении прав и обязанностей которых вынесено арбитражное решение. Также с заявлением об отмене решения третейского суда вправе обратиться прокурор (п. 43 Постановления Пленума ВС РФ от 10.12.2019 г. № 53), если это решение затрагивает интересы Российской Федерации, ее субъекта или муниципального образования. Кроме того, в соответствии с актуальной редакцией ч. 5 ст. 52 АПК РФ прокурор вправе вступить в арбитражный процесс с правами лица, участвующего в деле, с целью обеспечения законности при рассмотрении компетентными судами заявлений о выдаче

³⁰⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.01.2017 № Ф04-5871/2016 по делу № А03-14042/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³¹⁰ См. например: Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС14-1207 от 24.09.2014 по делу № А40-147347/2013; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.07.2020 № Ф05-5521/2020 по делу № А40-319002/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, заявлений о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений. Несмотря на отсутствие соответствующего указания в норме ч. 5 ст. 52 АПК РФ, такое полномочие прокурора должно быть предопределено необходимостью защиты публичного интереса. Убеждены, что в рамках частноправового спора, решение по которому не затрагивает публичные или частные (в пределах полномочий прокурора в соответствии со ст. 45 ГПК РФ) интересы, участие прокурора излишне.

Лицо, которое не является стороной третейского разбирательства и в отношении прав и обязанностей которого вынесено решение третейского суда, а также прокурор вправе подать заявление об отмене такого решения в компетентный суд, на территории которого принято решение третейского суда, в срок, не превышающий трех месяцев со дня, когда такое лицо узнало (или должно было узнать) об оспариваемом им решении третейского суда. А сторона третейского разбирательства вправе подать соответствующее заявление в трехмесячный срок со дня принятия арбитражного решения.

Заявление об отмене решения третейского суда рассматривается судьей единолично в срок, не превышающий одного месяца со дня его поступления в суд.

Перечень оснований для отмены арбитражного решения определен исчерпывающим образом. Так, сторона должна доказать, что она не была дееспособной; соглашение о передаче спора в арбитраж (третейское соглашение) недействительно; третейский суд в решении вышел за пределы третейского соглашения; состав третейского суда или процедура арбитража не соответствовали соглашению сторон или федеральному закону; сторона по уважительным причинам не могла представить в третейский суд свои объяснения, например, потому что она не была надлежащим образом уведомлена об избрании арбитров или о времени и месте заседания третейского суда.

В рамках данной группы оснований особенно важными являются разъяснения о порядке уведомления сторон арбитража, а также нарушения процедуры арбитражного разбирательства.

Согласно разъяснениям ВС РФ, стороны вправе установить любой порядок получения письменных сообщений или соблюдать тот порядок, который установлен в регламенте институционального арбитража, к которому стороны присоединились, либо который определен третейским судом с согласия участников арбитражного соглашения. При этом извещение, направленное стороне третейского разбирательства по адресу, указанному этой стороной, но не полученное по зависящим от нее причинам, считается доставленным (п. 48 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г.). Это положение соответствует практике Верховного Суда РФ, сложившейся ранее, в том числе отраженной в п. 17 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей³¹¹.

Согласно п. 48 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 уведомление о времени и месте проведения заседания третейского суда по делу считается надлежащим, только если оно было направлено с таким расчетом, чтобы каждая из сторон располагала разумным сроком для подготовки к разбирательству дела и прибытия на заседание.

Несоответствие процедуры арбитража соглашению сторон или федеральному закону может быть основанием для отмены решения третейского суда, только если допущенное нарушение привело к существенному нарушению прав одной из сторон, повлекшему умаление права на справедливое рассмотрение спора. Но если сторона не ссылаясь на процедурное нарушение в ходе самого третейского разбирательства, она утрачивает право делать это в ходе оспаривания третейского решения (ст. 4 Закона об МКА, п. 49 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г.). В соответствии с п. 50 указанного Постановления Пленума ВС РФ, процедурными нарушениями признаются и случаи так называемого скрытого администрирования ситуационного арбитража, хотя правоприменительная практика зачастую данное основание квалифицирует как противоречие

³¹¹ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

публичному порядку³¹².

Следует также отметить, что если нарушение, на которое ссылается заявитель, устранимо, то суд по ходатайству стороны третейского разбирательства вправе приостановить производство по делу об отмене решения третейского суда на срок, не превышающий трех месяцев, с тем чтобы третейский суд возобновил разбирательство и устранил недостатки, являющиеся основаниями для отмены арбитражного решения. Такая процедура устранения недостатков арбитражного решения и порядка его вынесения именуется ремиссией третейского разбирательства, и на целесообразность ее применения обращено внимание и в Постановлении КС РФ № 18-П от 16.04.2024 г., что является чрезвычайно важным в аспекте придания значимости арбитража. Ремиссия допускается только в случае устранимых процедурных нарушений, при которых возобновление рассмотрения дела арбитрами может привести к законному разрешению спора. После возобновления производства по делу компетентный суд рассматривает заявление об отмене решения третейского суда с учетом действий, предпринятых арбитрами в целях устранения оснований для отмены арбитражного решения. Это правило является эффективным инструментом для стороны, в пользу которой вынесено третейское решение. Представляется, что этот инструмент недооценен и сторонам следует активнее обращаться к нему при выстраивании позиции по защите от оспаривания третейского решения.

Закон также предусматривает два основания для отмены арбитражного решения, которые суд должен применить независимо от того, ссылалась ли на них сторона (*ex officio*): объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства в соответствии с федеральным законом или арбитражное решение противоречит публичному порядку России³¹³. Суды высших инстанций ориентируют нижестоящие суды на то, чтобы оговорка о

³¹² См. например: Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2024 № 1218-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части третьей статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³¹³ Определение Верховного Суда РФ от 29.01.2019 № 305-ЭС18-24473 по делу № А40-191423/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

публичном порядке применялась в исключительных случаях³¹⁴. Между тем, отмена третейского решения или отказ в его исполнении по мотивам противоречия публичному порядку являются наиболее распространёнными в правоприменительной практике из-за отсутствия четкого понимания содержания данной правовой категории. Поскольку данные основания вызывают наибольшие проблемы в правоприменительной практике и доктрине, проблеме арбитрабельности и противоречия третейского решения публичному порядку Российской Федерации посвящены отдельные параграфы настоящего исследования.

§ 2. ВЫПОЛНЕНИЕ КОМПЕТЕНТНЫМИ СУДАМИ ФУНКЦИЙ СОДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

§ 2.1. ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЯ О ФОРМИРОВАНИИ СОСТАВА АРБИТРОВ

В соответствии с положениями ст. 240.1 АПК РФ, ст. 427.1 ГПК РФ компетентными судами выполняются функции содействия по вопросам формирования состава третейского суда:

- 1) разрешение вопросов, связанных с отводом третейского судьи;
- 2) разрешение вопросов, связанных с назначением третейского судьи;
- 3) разрешение вопросов, связанных с прекращением полномочий третейского судьи.

Такие функции выполняются исключительно в отношении арбитража (как международного коммерческого, так и внутренних споров) с местом разбирательства на территории Российской Федерации. Не допускается выполнение функций содействия по отношению к иностранному арбитражу. В соответствии с правилами ч. 4 ст. 47 Закона об арбитраже, в институциональном арбитраже вопросы формирования состава арбитров отнесены к ведению комитета по назначениям. Регламентами ПДАУ может

³¹⁴ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5.

быть предусмотрено возложение функций по формированию состава арбитров на единоличное должностное лицо, однако его решение может быть оспорено несогласной стороной в комитет по назначению ПДАУ. Функционирование такого органа третейского центра предопределяет практически полное исключение необходимости обращения в компетентный суд за содействием в вопросах формирования состава арбитров в институциональном арбитраже. Поэтому стороны третейского разбирательства, администрируемого ПДАУ, вправе заключить исключаящее соглашение, не допускающее возможности оказания содействия компетентного суда по вопросам формирования состава арбитров.

Выполнение функций содействия по вопросам формирования состава третейского суда допускается как крайняя мера, применяемая только при невозможности применения внесудебных процедур разрешения соответствующих вопросов, предусмотренных соглашением сторон. Компетентный суд не может удовлетворить заявление стороны арбитражного соглашения, если сторонами согласован иной порядок формирования состава арбитров, а заявителем не обоснована невозможность применения соответствующей процедуры³¹⁵. Иными словами, компетентные суды вправе оказать содействие в вопросах формирования состава арбитров лишь в случае, когда отсутствуют иные способы достижения искомого результата³¹⁶.

С заявлением по вопросам формирования состава арбитров должна обращаться сторона арбитражного соглашения (заявитель в деле о содействии). Поскольку соответствующие вопросы могут инициироваться и в ходе арбитража (например, прекращение полномочий арбитра), под стороной разбирательства, имеющей право обращения в компетентный суд стоит также понимать дополнительную сторону арбитража и третьих лиц, т.е. всех тех лиц, участвующих в деле, вступивших в процесс рассмотрения дела в силу согласия сторон спора, признаваемых сторонами арбитражного соглашения (третьи лица, дополнительная сторона).

³¹⁵ Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Статут, 2021. С. 269.

³¹⁶ Ренц И.Г. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (§ 3 гл. 30) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 6. С. 117.

Законом не установлено требование о необходимости привлечения к рассмотрению дела о содействии арбитра³¹⁷, хотя в вопросах рассмотрения заявления о его назначении, отводе и прекращении полномочий, как представляется, извещение и привлечение третейского суда с правами лица, участвующего в деле, является целесообразным. То же касается и процессуального статуса иных сторон арбитражного соглашения – они должны привлекаться к участию в деле о содействии как заинтересованные лица, не наделенные распорядительными полномочиями.

Назначение арбитров. Согласно п. 34 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г., содействие в назначении арбитра может быть осуществлено в исключительных случаях, когда состав третейского суда не может быть сформирован без содействия компетентного суда, уже после того, как были соблюдены все предусмотренные законом или соглашением сторон процедуры формирования состава арбитража.

Нормами ст. 11 Закона об арбитраже и ст. 11 Закона о МКА предусмотрено диспозитивное правило (применяемое в отсутствие соглашения сторон об ином): при рассмотрении дела единоличным составом третейского суда все стороны арбитражного соглашения должны прийти к согласию относительно кандидатуры арбитра (срок согласования кандидатуры законами не установлен), а при коллегиальном рассмотрении дела тремя арбитрами – стороны назначают по одному третейскому судье в течение одного месяца (Закон об арбитраже) или 30 дней (Закон о МКА), а назначенные члены коллегии в тот же срок договариваются об избрании председательствующего.

Для целей отбора кандидатов в арбитры суд может использовать рекомендованные списки арбитров, которые ведут постоянно действующие

³¹⁷ В обнаруженных в открытом доступе судебных актах не отражается факт привлечения назначаемого или отводимого арбитра к участию в деле. См. например: Определение Арбитражного суда города Москвы от 19.06.2019 г. по делу № А40-103607/19-141-953 // Доступ из Интернет-ресурса «Картотека арбитражных дел»: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4a0f859a-ef18-4518-9652-86575a1b04f0/be5b3278-b5e2-404f-bc4e-60be775686c3/A40-103607-2019_20190619_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 20.10.2024 г.); Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 1.03.2021 г. по делу № А56-112744/2020 // Доступ из Интернет-ресурса «Картотека арбитражных дел»: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9a88686e-3d75-4bd2-a455-981da56f2ee3/ae4f037a-a98c-403c-8ec8-f7d9c674912c/A56-112744-2020_20210301_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 20.10.2024 г.); Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15.05.2023 г. по делу № А56-1270/2023 // Доступ из Интернет-ресурса «Картотека арбитражных дел»: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0e1391b8-c641-4a6f-8808-7030fa635ec4/2aaf9be3-aff2-4227-902f-819b6a8e7563/A56-1270-2023_20230515_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 20.10.2024 г.)

арбитражные учреждения. Причем даже в случае арбитража *ad hoc* нет запрета на обращение к рекомендованным спискам арбитров ПДАУ, однако с целью избежания «скрытого администрирования» не допускается обращаться к спискам арбитров организаций, не получивших разрешение на учреждение институционального третейского центра.

Стороны могут предъявлять дополнительные требования к квалификации арбитров, а также могут заранее в соглашении указывать конкретного арбитра, обеспечивая при этом соблюдение требований его независимости и беспристрастности. Не вызывает сомнений, что для целей формирования состава третейского суда необходимо представить к заявлению согласие арбитров, предлагаемых сторонами в качестве таковых³¹⁸, поскольку в определении будет указано конкретное лицо, назначаемое компетентным судом в качестве арбитра³¹⁹. В противном случае суд не будет иметь возможности в рамках своих дискреционных полномочий назначить любого произвольного арбитра, ориентируясь лишь на критерии достижения 25-летнего возраста, соответствия образовательному цензу и полной дееспособности.

Выполнение функций содействия предполагает рассмотрение заявления в отношении каждого из арбитров, в отношении которого сторона или комитет по назначениям не могут принять решения. При этом назначение одного из арбитров судом автоматически не означает, что остальные арбитры назначаются аналогичным способом: дальнейшее формирование состава третейского суда происходит в порядке, предусмотренном соглашением сторон.

Необходимость выполнения функций содействия в части назначения арбитров предопределена стремлением создать условия исполнимости арбитражного соглашения и пресекать недобросовестное поведение стороны арбитража уже на начальном этапе разбирательства. Между тем, условием

³¹⁸ Носырева Е. И. Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7, № 4. С. 98.

³¹⁹ См. например: Определение Арбитражного суда Московской области от 19.12.2017 по делу № А41-90575/17 // Доступ из Интернет-ресурса «Картотека арбитражных дел»: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/35f5e972-66bf-4862-beb7-c4cde523bae8/b95b9ba9-bd9d-4024-8aee-3b6beb32208b/A41-90575-2017_20171219_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 20.10.2024 г.); Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2023 № 13АП-23491/2023 по делу № А56-1270/2023 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

эффективности выполнения данной функции судом будет указание заявителем на конкретную фигуру арбитра, согласного рассматривать спор, и отвечающего требованиям, предъявляемым к нему сторонами и законом. Поскольку определение компетентного суда по делу о содействии окончательно и не может быть обжаловано, велика вероятность отказа в удовлетворении заявления по причине непредставления стороной необходимой и достаточной информации о планируемом составе арбитров.

Представляется, что обращение к комитету по назначениям арбитражного учреждения, а не в компетентный суд, способно снизить риски злоупотребления правами участниками третейского разбирательства, а также позволит избежать нарушения одного из принципов арбитража — конфиденциальности. Такое обращение следует признать допустимым даже в арбитраже *ad hoc* в рамках выполнения отдельных функций администрирования ситуационного арбитража постоянно действующим арбитражным учреждением.

Отвод арбитра. Право заявить отвод при наличии обоснованных сомнений в беспристрастности и независимости арбитра, его несоответствия предъявляемым требованиям, является одним из основополагающих прав стороны арбитража, а процедура рассмотрения отвода может быть предусмотрена соглашением сторон, правилами арбитражного учреждения и действующим законодательством. Как следует из ч. 2 ст. 12 Закона об арбитраже, п. 2 ст. 12 Закона о МКА, сторона может заявить отвод арбитру, которого она назначила или в назначении которого она принимала участие, лишь по причинам, которые стали ей известны после его назначения, поэтому до назначения арбитра последний в письменном виде сообщает сторонам обо всех обстоятельствах, которые могут вызвать обоснованные сомнения относительно его беспристрастности или независимости. Общий порядок отвода арбитра определен в ст. 13 Закона об арбитраже и ст. 13 Закона о МКА — в отсутствие специального соглашения сторона, намеренная заявить отвод арбитру, в течение 15 дней после того, как ей стало известно о наличии обстоятельств, указывающих на отсутствие беспристрастности и независимости, сообщает об этом в письменной форме третейскому суду с приведением соответствующих мотивов. Если арбитр после уведомления

стороны не заявляет самоотвод или другая сторона не соглашается с отводом, вопрос об отводе решается третейским судом.

Обращение в компетентный суд, таким образом, осуществляется только при отказе третейским судом в удовлетворении заявления об отводе арбитра, на что обращено внимание в п. 35 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г.

Заявление об отводе арбитра должно быть подано в компетентный суд в течение одного месяца с момента получения постановления третейского суда об отказе в удовлетворении заявления об отводе арбитра. При этом рассмотрение заявления об отводе государственным судом не влияет на арбитражное разбирательство и не мешает третейскому суду вынести решение по существу. В таком случае, если заявление об отводе не было рассмотрено до окончания арбитражного разбирательства, сторона арбитража может ссылаться на обстоятельства, которые являются основанием для отвода, в рамках производства по заявлению об отмене арбитражного решения или о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение (несоответствие состава третейского суда требованиям, установленным соглашением сторон или федеральным законом, является основанием для отмены третейского решения или отказа в его исполнении).

Как представляется, наделение сторон арбитража правом оспаривания постановления об отказе в удовлетворении заявления об отводе, является избыточным. Даже в государственном юрисдикционном процессе такое право отсутствует: определение суда по вопросам отвода не обжалуется, но соответствующие доводы могут быть положены в основу апелляционной и/или кассационной жалобы на решение суда³²⁰. Представляется, эта же логика могла быть применена в третейском разбирательстве – все доводы о наличии оснований к отводу арбитров, необоснованно проигнорированные третейским судом в период разбирательства, могут быть использованы при

³²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2860-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Погосовой Ларисы Георгиевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

подаче заявления стороной в рамках выполнения компетентными судами функций контроля.

Прекращение полномочий арбитра предполагает ситуацию, при которой арбитр по объективным причинам не способен участвовать в третейском разбирательстве, однако такая неспособность не связана с заинтересованностью или отсутствием беспристрастности. Основаниями для прекращения полномочий арбитра следует считать длительную болезнь или служебную командировку, смерть арбитра, признание его безвестно отсутствующим или объявление умершим, неоправданно длительное «самоустранение» арбитра от рассмотрения дела. Основанием для прекращения полномочий арбитра будет и занятие данным лицом должности, исключающей возможность быть арбитром в силу требований закона (судьи, прокурора, следователя, дознавателя, нотариуса и т.д.). По общему правилу, в случае объективных препятствий для рассмотрения дела арбитр должен заявить самоотвод, в противном случае стороны своим соглашением прекращают полномочия третейского судьи (учитывая диспозитивные начала третейского разбирательства, стороны могут заключить немотивированное соглашение о прекращении полномочий арбитра, в том числе по субъективным причинам дискомфорта). В случае, когда сторона уклоняется от заключения такого соглашения, а арбитром не заявлен самоотвод, вопрос о прекращении полномочий арбитра может быть передан в порядке выполнения функций содействия в компетентный суд, который должен будет уже установить объективные, а не субъективные препятствия арбитража.

Таким образом, для обращения в компетентный суд с заявлением о прекращении полномочий арбитра заявитель не только должен обосновать наличие оснований объективной фактической и юридической неспособности рассмотрения дела конкретным лицом, но и указать на отсутствие иного внесудебного порядка разрешения этого вопроса, в том числе на уклонение иных участников арбитража от реализации своих полномочий по прекращению полномочий арбитра посредством заключения соответствующего соглашения.

Установленные в ст. 14 Закона об арбитраже и ст. 14 Закона о МКА основания прекращения полномочий арбитров носят оценочный характер

(«неоправданно длительный срок»), что предопределяет необходимость оценки компетентным судом конкретных обстоятельств дела³²¹.

Представляется, выполнение компетентными судами такого рода функций по формированию состава арбитров является избыточным. Поскольку определение компетентного суда по делам о содействии в отношении третейского разбирательства не подлежит обжалованию в инстанционном порядке, ничто не мешает судье при любой сложности реализовать свое дискреционное полномочие и отказать в удовлетворении заявления стороны арбитражного соглашения. Более эффективным было бы предоставить стороне право обращаться не в государственный суд с заявлением о содействии по вопросам назначения и прекращения полномочий арбитров, а в ПДАУ, администрирующее соответствующее третейское разбирательство, а в ситуационном арбитраже – в любое ПДАУ, получившее в установленном порядке право администрировать арбитраж *ad hoc*. Учитывая распространение отделений институциональных центров во всех федеральных округах России, принимая во внимание возможность осуществления обращения в электронной форме, такой механизм содействия был бы более эффективным. Именно ПДАУ в состоянии предложить кандидатуры арбитров, в упрощенном порядке получить от них согласие, применить парарегулирующие акты как нормы «мягкого» права. Суду, в особенности региональному, такие знания просто недоступны, он ими не апеллирует достаточно часто, что с неизбежностью приведет к проблеме невозможности оказания содействия. Третейское сообщество, активно осуществляющее свою деятельность, популяризирующее арбитраж – очень небольшая группа профессионалов, способная на уровне корпоративного регулирования и соорганизации разрешить такого рода вопросы без обращения к государственным судам.

Что касается выполнения компетентными судами функций содействия по вопросам отвода арбитров, убеждены, что такая функция в принципе излишняя, т.к. предполагает, по сути, оспаривание неокончательного постановления третейского суда об отказе в отводе арбитра. Поскольку в

³²¹ Ренц И.Г. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (§ 3 гл. 30) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 6. С. 132.

гражданском и арбитражном процессе отсутствует возможность оспаривания определения суда по вопросу об отводе состава суда, с целью обеспечения большей процессуальной экономии и в арбитраже следует исключить данную функцию содействия. Сторона третейского разбирательства вправе будет использовать соответствующие доводы в деле о контроле в отношении окончательного третейского решения.

§ 2.2. ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ЗАПРОСА ТРЕТЕЙСКОГО СУДА ОБ ИСТРЕБОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В соответствии со ст. 27 Закона о МКА и ст. 30 ФЗ об арбитраже в случае рассмотрения спора в институциональном арбитраже сторона или третейский суд вправе обратиться к компетентному суду с запросом об оказании содействия в получении доказательств, необходимых для рассмотрения дела.

Прежнее правовое регулирование - ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 г. № 102-ФЗ, а также процессуальные кодексы до внесения в них изменений Федеральным законом от 29.12.2015 г. № 409-ФЗ - не содержало правил о возможности оказания содействия компетентным судам в вопросах истребования доказательств. Норма ст. 27 Закона о МКА в прежней редакции, фактически, оставалась неработающей, поскольку не была обеспечена соответствующими положениями АПК РФ и ГПК РФ. Поэтому появление рассматриваемого в настоящем параграфе механизма содействия третейскому разбирательству было встречено юридическим сообществом с поддержкой.

Необходимость такого механизма содействия компетентного суда в отношении третейского разбирательства обусловлена тем обстоятельством, что компетенция третейского суда распространяется лишь на стороны арбитражного соглашения, иные же лица, не обязаны реагировать на запросы арбитров и предоставлять сведения, необходимые для рассмотрения дела³²².

³²² Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / Под ред. проф. О.Ю. Скворцова и проф. М.Ю. Савранского – М.: Статут, 2016. С. 194.

По указанным причинам процессуальное законодательство зарубежных государств предусматривает различные механизмы обращения третейского суда и сторон третейского разбирательства к государственным судебным или иным уполномоченным на то органам за содействием в получении доказательств, а в отдельных случаях даже сами третейские суды наделяются полномочиями по самостоятельному истребованию доказательств³²³. Например, как указывает Р.О. Зыков, поскольку арбитры не могут приводить свидетелей к присяге и опрашивать их под условием говорить правду, шведское законодательство об арбитраже допускает по инициативе стороны с предварительного согласия арбитров допрашивать свидетелей или экспертов в порядке содействия в государственном суде³²⁴.

Не выполняя государственные функции по отправлению правосудия, третейский суд лишен возможности принимать обязательные для любого лица акты, а потому отсутствие эффективного механизма истребования доказательств, находящихся у третьих лиц, в том числе у государственных органов, может негативно отразиться на востребованности третейского разбирательства как процедуры разрешения в действительности сложных споров. Для правильного рассмотрения частноправового спора зачастую требуется обращение к публичным реестрам, таким как ЕГРЮЛ или ЕГРН, с целью получения сведений о правообладателях, о сути регистрационных действий и т.д. Между тем, сторона третейского разбирательства самостоятельно не может получить сведения о правообладателях объекта недвижимости, т.к. эта информация сегодня не предоставляется частным лицам. Можно ли при рассмотрении спора о праве на объект недвижимости, таким образом, исключить вероятность принятия решения о правах не привлеченного к разбирательству лица – вопрос риторический.

Данные официальной судебной статистики, приведенные в начале параграфа 2 настоящего исследования, не вполне репрезентативны, поскольку содержат сведения о количестве и результатах рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия в отношении третейских судов без конкретизации категории таких заявлений. Более того,

³²³ Курочкин С. А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. — М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 33.

³²⁴ Зыков Р. О. Международный арбитраж в Швеции: право и практика. — М.: Статут, 2014. С. 144.

нельзя быть абсолютно уверенным в том, что в судебной статистике рассмотрение запросов третейских судов в получении доказательств относится к делам о содействии в отношении третейского разбирательства (что не подвергается сомнению в доктрине³²⁵), т.к. соответствующие процессуальные правила сосредоточены не в § 3 гл. 30 АПК РФ и гл. 47.1 ГПК РФ. Тем не менее, низкая востребованность на практике содействия третейскому суду не может рассматриваться как повод к отказу от изучения соответствующего процессуального института, поскольку эффективное взаимодействие третейских и компетентных государственных судов выступает залогом развития арбитража как альтернативной формы разрешения споров в стране.

Поскольку рассмотрение запроса третейского суда о получении доказательств является формой содействия, к соответствующим процедурам субсидиарно должны применяться правила о содействии в отношении третейского разбирательства, в т.ч. это будет касаться и установленного ч. 5 ст. 240.3 АПК РФ и ч. 5 ст. 427.3 ГПК РФ запрета на повторное участие конкретного судьи в рассмотрении заявлений о контроле арбитражных решений в данном споре, поскольку в силу реализации принципа компетенции-компетенции взаимодействие государственных и третейских судов в рамках одного дела предполагает реализацию единой функции, и судья компетентного суда всякий раз делает выводы об арбитрабельности спора, в отношении которого выполняются функции содействия и контроля, т.е. по правилам п. 1 ч. 1 ст. 21 АПК РФ, ст. 17 ГПК РФ такой судья участвовал при предыдущем рассмотрении дела и не может более выполнять функции контроля³²⁶.

Инициатор обращения в компетентный суд с запросом. Правила оказания содействия компетентным судом в получении доказательств по запросу третейского суда определены в нормах ст. 74.1 АПК РФ и ст. 63.1 ГПК РФ. Так, основанием для выполнения компетентным судом функций содействия по вопросам истребования доказательств является именно запрос

³²⁵ Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Статут, 2021. С. 268.

³²⁶ История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект: монография / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. – М.: Проспект, 2019. С. 316.

третейского суда, рассматривающего спор на территории Российской Федерации. Исходя из положений действующего законодательства, а также статей 27, 30 и 31 Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ³²⁷, инициаторами направления запроса может быть как сам третейский суд, так и сторона третейского разбирательства, ходатайствующая о направлении запроса перед составом арбитров. Право самостоятельного обращения с заявлением об истребовании доказательств в компетентный суд сторонам третейского разбирательства не принадлежит, что следует из системного толкования приведенных норм ФЗ об арбитраже, Закона о МКА, процессуальных кодексов³²⁸ и п. 37 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г. Запрет сторонам третейского разбирательства самостоятельно инициировать истребование доказательств компетентным судом предопределен обязательностью арбитражного соглашения и юрисдикционными полномочиями третейского суда. Именно в компетенцию третейского суда в силу заключенного сторонами соглашения входит разрешение конкретного спора, а значит, именно состав арбитров должен с учетом позиций сторон определять предмет доказывания и устанавливать необходимость представления и истребования тех или иных доказательств. Иное понимание не только нивелировало бы качества самостоятельности третейского разбирательства, но и искусственно повышало нагрузку судебной системы.

Н. С. Зверева небезосновательно указывает на противоречие началам состязательности третейского разбирательства существующей возможности третейского суда самостоятельно, без предварительного разрешения ходатайства стороны спора, обратиться в компетентный суд с запросом об оказании содействия в получении необходимых доказательств³²⁹. Между тем, как и в целом в цивилистическом процессе, дискреционные полномочия юрисдикционного органа по самостоятельному определению предмета доказывания и истребованию доказательств должны обеспечивать реальную

³²⁷ Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (пересмотрен в 2010 году) (Принят в г. Нью-Йорке 25.06.2010 на 43-ей сессии ЮНСИТРАЛ) // Доступ из сети Интернет: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/21-07998_ebook_r.pdf (дата обращения 15.09.2024 г.)

³²⁸ Женетль С. З., Иваненко Н. А. Порядок процессуального взаимодействия третейского суда и суда общей юрисдикции в связи с запросом о содействии в получении доказательств (ст. 57 и 63.1 ГПК РФ): закон и практика его применения // Администратор суда. 2023. № 4. С. 27.

³²⁹ Зверева Н.С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции / под ред. В.В. Яркова. - М.: Статут, 2017. С. 228.

защиту нарушенного права заинтересованных лиц, и потому применяться в условиях соблюдения баланса частных и публичных интересов. Нормативные предпосылки самостоятельного издания запроса третейским судом, таким образом, сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие какие-либо начала третейского разбирательства.

Согласно ст. 27 Закона о МКА и ст. 30 ФЗ об арбитраже запрос может издать третейский суд в рамках разбирательства, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением. Согласно ч. 1 ст. 74.1 АПК РФ и ч. 1 ст. 63.1 ГПК РФ запросы не могут исходить от третейского суда в рамках третейского разбирательства для разрешения конкретного спора. Налицо коллизия – законодательство об арбитраже устанавливает зависимость направления запроса от факта администрирования арбитража, а процессуальные кодексы – от вида арбитража. Как разъяснено в абз. 2 п. 37 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г., с запросом о содействии в получении доказательств вправе обратиться третейский суд с местом арбитража на территории России, образованный в рамках третейского разбирательства, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением. Может ли такая формулировка с учетом положений ч. 19 ст. 44 ФЗ об арбитраже допускать возможность формирования запроса третейским судом *ad hoc* в случае, если по соглашению сторон определено ПДАУ по выполнению отдельных функций администрирования арбитража, в том числе функций издания запроса об истребовании доказательств? Действующее законодательство не содержит исчерпывающего перечня функций по администрированию арбитража, а лишь указывает некоторые из них: назначение арбитров, разрешение вопросов об их отводе, прекращение полномочий арбитров, хранение материалов рассмотренного дела. Постановка данного вопроса обусловлена терминологическими трудностями и попыткой в результате третейской реформы 2015 года разделить понятия «третейский суд» и «постоянно действующее арбитражное учреждение». В депонированных на сайте Минюста России правилах по оказанию институциональными третейскими центрами функций администрирования арбитража конкретного спора отсутствует какое-либо указание на возможность ПДАУ направлять запросы

в получении доказательств в случае администрирования ситуационного арбитража. Но в п. 2 ст. 3 соответствующих правил Российского арбитражного центра при РСПП³³⁰, например, помимо перечисленных функций формирования состава арбитров, содействия обмена корреспонденцией, депонирования авансов гонораров арбитров, предоставления доступа к электронной системе центра предусмотрено, что по запросу сторон и состава арбитров центр также вправе выполнять иные дополнительные функции по администрированию арбитража.

По мнению М. Э. Морозова, различие полномочий арбитров *ad hoc* и арбитров институционального третейского центра по сбору доказательств и рассмотрению спора необъяснимы, и ограничивают права стороны разбирательства, которая будет лишена возможности эффективной защиты своих интересов³³¹. А. Н. Балашов также отмечает, что компетентный, добросовестный и независимый арбитр *ad hoc* в своем статусе не отличен от арбитра в институциональном арбитраже, поэтому ограничение формы содействия в получении доказательств для ситуационного арбитража, по его мнению, необъяснимо³³².

Выявленная неопределенность должна быть устранена посредством телеологического толкования, учитывающего цель третейской реформы 2015-2017 годов, направленной на устранение рисков факторов бесконтрольного существования арбитражных центров. Избрав консервативную разрешительную модель создания третейских центров, государство подчеркнуло возможность существования режима наибольшего благоприятствования в рамках функций контроля и содействия со стороны компетентных судов именно для институциональных арбитражей. Речь идет о возможности для сторон институционального арбитража заключать

³³⁰ Правила Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража по выполнению отдельных функций по администрированию арбитража, осуществляемого третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (утверждены Общим собранием учредителей Российского института современного арбитража, протокол № 35 от 30.09.2019 г.) // Доступ из сети Интернет: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/pravila-rossijskogo-arbitrazhnogo-tsentra-pri-rossijskom-institute-sovremennogo-arbitrazha-po-vyipolneniyu-otdelnyih-funktsij-po-administrirovaniyu-arbitrazha-osuschestvlyаемого-tretejskim-sudom-obrazovannyim-storonami-dlya-razresheni.pdf> (дата обращения 1.10.2024 г.)

³³¹ Морозов М. Э. Ограничения полномочий арбитра *ad hoc* // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 199-200.

³³² Балашов А.Н. К вопросу о формах взаимодействия государственных судов с третейскими судами (арбитражами) // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 19

соглашения, исключаящие возможность оспаривания решений третейского суда (как решения предварительного характера о наличии компетенции, так и окончательного) и возможность обращения в компетентный суд с заявлением по вопросу формирования состава арбитров. У сторон ситуационного арбитража такого права нет. Убеждены, что установление процессуальным законодательством запрета направления запроса о содействии в получении доказательств от арбитров *ad hoc* является логичным ограничением в контексте цели реформирования. Именно поэтому в п. 39 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г. указано, что суд отказывает в исполнении запроса третейского суда о содействии в получении доказательств также в случае направления запроса третейским судом для разрешения конкретного спора (*ad hoc*) либо третейским судом с местом арбитража за пределами Российской Федерации. Между тем, констатируя отсутствие права у ситуационного третейского суда направлять соответствующие запросы о содействии, необходимо по правилам ст. 127.1 АПК РФ и ст. 134 ГПК РФ отказывать в принятии к рассмотрению запроса в принципе, а не отказывать в исполнении запроса, рассматривая обращение по существу. У такого лица нет процессуального права на подачу обращения, а не права на удовлетворение требования.

Арбитраж *ad hoc* неспроста в мировой практике именуется изолированным, он должен быть способным рассмотреть конкретный спор по материалам, представляемым сторонами, не взаимодействуя с компетентными судами без крайней на то необходимости. Таким образом, даже в случае выполнения функций администрирования ситуационного арбитража со стороны ПДАУ, право на направление запроса о содействии в получении доказательств у такого третейского суда отсутствует.

Запрос о содействии в получении доказательств издается третейским судом и может быть как направлен в компетентный суд самим третейским судом, так и выдан стороне арбитража для непосредственного направления указанного запроса в компетентный суд³³³. Запрос адресуется в компетентный суд по месту нахождения истребуемых доказательств.

³³³ Ситкарева Е. В. Содействие и контроль государственных судов в отношении арбитража (третейского разбирательства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 51

Запрос как вид процессуального обращения, субъектный состав в деле о содействии в получении доказательств. Процессуальное законодательство (ч. 4 ст. 4 АПК РФ и ст.ст. 3 – 4 ГПК РФ) в качестве основных процессуальных документов, подаваемых в суд с целью возбуждения производства, называет исковое заявление и заявление. Запрос как процессуальный документ, передаваемый с целью возбуждения производства по делу, кодексами не называется. Между тем, согласно ст. 74.1 АПК РФ и ст. 63.1 ГПК РФ в компетентный суд адресуется именно запрос. Нужно ли подавать заявление, как это предусмотрено ч. 4 ст. 240.1 АПК РФ и ч. 4 ст. 427.1 ГПК РФ применительно к делам о содействии в отношении третейского суда, не раскрывается. Немногочисленные примеры из судебной практики показывают, что процессуальным документом, которым инициируется возбуждение производства по делу, является именно запрос третейского суда (см. например дело Арбитражного суда г. Москвы № А40-63597/2021³³⁴ и дело Арбитражного суда Кемеровской области № А27-4270/2017³³⁵). Как отмечается, запрос третейского суда - это новый и единственный в своем роде арбитражный акт, направляемый третейским судом непосредственно либо выдаваемый стороне для направления в государственный суд с целью получения письменных или вещественных доказательств, иных документов и материалов³³⁶.

Запрос должен исходить от третейского суда (единоличного арбитра или коллегии арбитров, рассматривающих дело), а не от ПДАУ (поскольку действующее законодательство различает эти понятия), поэтому он может быть издан не ранее, чем будет сформирован состав арбитров для рассмотрения конкретного спора. Применительно к особенностям издания запроса и порядку его подачи в компетентный суд возникает ряд вопросов:

1) *Кто является заявителем по делам данной категории* – третейский суд или сторона третейского разбирательства? Например, в приведенном выше деле № А40-63597/2021, заявителем был определен Арбитражный

³³⁴ Картотека арбитражных дел. Дело № А40-63597/2021 // Доступ из сети Интернет: <https://kad.arbitr.ru/Card/27d42b39-0ba1-4451-8610-4d0cb9d02061> (дата обращения 15.03.2024 г.).

³³⁵ Картотека арбитражных дел. Дело № А27-4270/2017 // Доступ из сети Интернет: <https://kad.arbitr.ru/Card/a5237e74-cbe9-4360-8566-c62608e3fb5f> (дата обращения 15.03.2024 г.).

³³⁶ Международный коммерческий арбитраж: Учебник / С. А. Абесадзе, Т. К. Андреева, В. Н. Ануров и др.; отв. ред. Т. А. Лунаева; науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Редакция журнала "Третейский суд"; М.: Статут, 2018. Вып. 9. С. 731.

центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей, рассматривавший третейский спор и направивший в арбитражный суд запрос об истребовании от Министерства спорта РФ документов, необходимых для рассмотрения дела. Процессуальный статус сторон третейского разбирательства в этом деле обозначен как «заинтересованные лица». Аналогичным образом распределены процессуальные роли в деле № А27-4270/2017 Арбитражным судом Кемеровской области – постоянно действующий третейский суд, направивший запрос, определен в статусе заявителя (в карточке дела – «истца»), а стороны третейского разбирательства, так и обозначенные в судебном акте, разнесены в карточке дела в столбце «ответчики», т.е. являются заинтересованными лицами. Как указывают С. З. Женетль и Н. А. Иваненко, отсутствие нормативного решения вопроса о процессуальном статусе третейских судов, обращающихся в компетентный суд с запросом о содействии в получении доказательств, вносит правовую неопределенность³³⁷. Действительно, нужно ли извещать третейский суд о судебном заседании? Какими распорядительными правами будет обладать третейский суд как участник процессуальных отношений? Если запрос передает сторона третейского разбирательства, ходатайствовавшая об издании такого запроса, останется ли третейский суд заявителем?

Лицами, участвующими в деле, являются субъекты, обладающие юридическим интересом в исходе дела, что предопределяет полноту их прав и процессуальных обязанностей³³⁸. Как заявитель, так и заинтересованные лица в судебных процедурах имеют интерес в исходе дела, и судебные акты непосредственно затрагивают их права и обязанности. Обладает ли третейский суд юридическим интересом в соответствующем деле, или интересом обладают только стороны арбитража? Очевидно, что интерес, если он и есть, не связан с защитой права, это интерес в создании условий для реализации собственных юрисдикционных полномочий, он похож на интерес суда, направляющего судебное поручение в гражданском или арбитражном

³³⁷ Женетль С. З., Иваненко Н. А. Порядок процессуального взаимодействия третейского суда и суда общей юрисдикции в связи с запросом о содействии в получении доказательств (ст. 57 и 63.1 ГПК РФ): закон и практика его применения // Администратор суда. 2023. № 4. С. 29.

³³⁸ Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть: учебник. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: Инфра-М, 2013. С. 65 – 66.

процессе. Представляется, третейский суд не вступает с компетентным судом в отношения подчинения, здесь нет субординации. Д. А. Андреев предлагает функцию содействия в получении доказательств квалифицировать как административную функцию, в рамках которой компетентный суд предоставляет третейскому суду техническую возможность получить доказательства, которые тот не может получить самостоятельно³³⁹. С позиции теории административного права перед нами координационные отношения, поэтому и закон не допускает оспаривания определений компетентных судов по делам о содействии в отношении третейского разбирательства. Между тем, и третейский суд, и стороны третейского разбирательства состоят с компетентным судом в процессуальных отношениях, и обладают отдельными процессуальными правами, несут обязанности. Коль скоро компетентный суд рассматривает запрос третейского суда в определенном процессуальном порядке, в рамках дела о содействии третейскому разбирательству, вправе отказать в его исполнении не только по техническим причинам, процедуру содействия в получении доказательств нельзя отождествлять с порядком исполнения судебного поручения по правилам ст.ст. 73-74 АПК РФ и 62-63 ГПК РФ³⁴⁰.

Поскольку соответствующий запрос рассматривается в рамках самостоятельного дела, для целей администрирования судебного разбирательства и применения существующих процессуальных правил, заявителем должен признаваться именно третейский суд, вне зависимости от того, направляет ли он запрос в компетентный суд самостоятельно, или передает через указанную в запросе сторону третейского разбирательства. Стороны третейского разбирательства в деле, возбуждаемом компетентным судом на основании запроса о содействии в получении доказательств, должны привлекаться в статусе заинтересованных лиц. Заинтересованные лица, участвуя в данной категории дел о содействии, также не имеют материального интереса — полномочия компетентного суда лишь опосредованно связаны с юрисдикционными полномочиями третейского

³³⁹ Андреев Д.А. Содействие государственных судов третейским судам в получении доказательств // Третейский суд. 2021. № 2. С. 109

³⁴⁰ Курносов А. А. Особенности рассмотрения запроса третейского суда о содействии в получении доказательств // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 2(30). С. 241-246.

суда. Таким образом, юридический интерес заявителя (третейского суда) можно охарактеризовать как общественный процессуальный интерес³⁴¹, т.е. связанный с выполнением функций по рассмотрению дела в арбитраже, а интерес заинтересованных лиц – как субъективный юридический интерес сторон арбитражного разбирательства, связанный с эффективностью защиты их прав и законных интересов сторон арбитражного соглашения. Иными словами, юридический интерес третейского суда схож с интересом прокурора или публичного органа, обращающегося в суд в защиту чужого интереса, а сторон арбитража – с интересом заинтересованных лиц в особом производстве³⁴².

Изложенное представление о фигуре заявителя также не вписывается в общий порядок подачи документов в электронном виде, поскольку третейский суд не имеет подтвержденной учетной записи на портале «Госуслуги» и в сервисе «Мой Арбитр», арбитры не должны рассматриваться как представители сторон, а значит, запросы не могут быть направлены в компетентные суды в электронном виде. Разумеется, это вопрос технический, а не правовой. Отсутствие соответствующей опции при подаче документов в электронном виде через сервис «Мой арбитр» или ГАС «Правосудие» обусловлено отсутствием эмпирического материала, несовершенством цифровой платформы, но не может опровергать выше приведенные утверждения о правовом статусе лиц, участвующих в деле.

Не должно рассматриваться как препятствие для восприятия третейского суда в статусе заявителя по делам данной категории и отсутствие гражданской правосубъектности этого органа. Подобная ситуация для отечественного цивилистического процесса не нова, например, в делах административного судопроизводства публичные полномочия органа, не являющегося юридическим лицом в организационно-правовом смысле, являются предопределяющими, и участковые избирательные комиссии, призывные комиссии, государственные экзаменационные комиссии и т.п.

³⁴¹ О современном понимании общественного интереса, основанной в том числе на положениях советской доктрины защиты общественного интереса см.: Туманов Д. А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2024. С. 157 – 215.

³⁴² См. например: Гражданское процессуальное право России: Учебник для вузов / под ред. М. С. Шакарян. – М.: Былина, 1998. С. 73; Гражданский процесс. Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота – М.: Проспект, 1999. С. 63.

признаются административными ответчиками в случае оспаривания их решений, действий или бездействия. Иными словами, неправосубъектность органа в материальных правоотношениях не является препятствием для наделения процессуальной право- и дееспособностью в случае выполнения данными лицами публичных полномочий.

2) *Какими правами и обязанностями должны обладать заявитель и заинтересованные лица при рассмотрении запроса третейского суда?* Несмотря на то что третейский суд и стороны разбирательства должны признаваться лицами, участвующими в деле о содействии третейскому разбирательству, они не могут обладать всеми правами, предусмотренными ст. 41 и ст. 49 АПК РФ, ст. 35 ст. 39 ГПК РФ. Наличие исключительно процессуального юридического интереса и отсутствие полномочий по разрешению спора в данном деле у компетентного суда предопределяет сжатый перечень прав и обязанностей третейского суда и сторон арбитражного разбирательства как лиц, участвующих в данном деле. Так, третейский суд как заявитель может издать запрос и направить его в компетентный суд, очевидно может его и отозвать до вынесения итогового определения в случае, когда обстоятельства для оказания содействия в получении доказательств отпали. Поскольку при рассмотрении заявления компетентный суд устанавливает ряд обстоятельств, в том числе исключает основания для отказа в исполнении запроса, заявитель и заинтересованные лица должны обладать полномочиями по представлению объяснений по вопросам, связанным с рассмотрением запроса. Эти пояснения не должны касаться рассматриваемого третейским судом спора, а только вопросов реализации полномочий компетентного суда по исполнению или отказу в исполнении запроса арбитров - арбитрабельности спора, невозможности получения доказательств сторонами самостоятельно, нарушения прав не привлеченных лиц и проч. Не должны касаться пояснения сторон арбитража вопросов целесообразности получения данных доказательств, поскольку компетентный суд при исполнении запроса не рассматривает спор по существу, не определяет предмет доказывания по арбитражному делу – это исключительная компетенция третейского суда.

3) *Содержание запроса о содействии в получении доказательств* predetermined, с одной стороны, исключительными юрисдикционными полномочиями третейского суда по определению целесообразности получения тех или иных доказательств, а с другой стороны – должно раскрывать объективную неспособность сторон представить сведения, необходимые для рассмотрения дела. Как разъяснено в ч. 2 ст. 74.1 АПК РФ и ч. 2 ст. 63.1 ГПК РФ, в запросе третейского суда указываются обстоятельства, подлежащие выяснению, а также доказательства, которые должен получить компетентный суд, исполняющий запрос. *Должен ли компетентный суд оценивать необходимость получения истребуемых доказательств для правильного рассмотрения дела третейским судом?* Поскольку полномочия по определению предмета доказывания по делу и круга доказательств, необходимых для правильного рассмотрения спора по существу, относятся к исключительной компетенции юрисдикционного органа, государственный суд при выполнении функций содействия не может вторгаться в вопросы целесообразности издания третейским судом запроса.

4) *Какие документы должны быть приложены третейским судом к запросу?* Процессуальное законодательство не устанавливает требований к приложениям к запросу. Однако из оснований к отказу в исполнении запроса очевидно, что компетентным судом проверяется арбитрабельность спора. При этом, согласно п. 3 ч. 4 ст. 74.1 АПК РФ и п. 3 ч. 4 ст. 63.1 ГПК РФ, препятствием для исполнения запроса третейского суда является именно объективная неарбитрабельность спора: запрос не может быть исполнен, если соответствующая категория спора не может быть передана на рассмотрение третейского суда в силу прямого нормативного запрета (ч. 2 ст. 33 АПК РФ, ч. 2 ст. 22.1 ГПК РФ). На это обращено внимание и в абз. 2 п. 38 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г. Формально, компетентный суд должен ограниченно руководствоваться принципом компетенции-компетенции и не должен проверять действительность заключенного сторонами арбитражного соглашения. Д. А. Андреев отмечает, что на практике третейские суды арбитражное соглашение к своему запросу

не прикладывают³⁴³. Государственный суд должен установить отсутствие признаков, с очевидностью свидетельствующих об отсутствии компетенции третейского суда исходя из имеющихся данных³⁴⁴. Полноценная проверка действительности арбитражного соглашения в рамках рассматриваемой процедуры может привести к затягиванию процесса, увеличит издержки и усложнит процедуру защиты прав заинтересованных лиц, поэтому телеологически оправданной выглядит позиция об отсутствии необходимости приобщения к запросу заверенной копии арбитражного соглашения³⁴⁵.

Между тем, к заявлениям о содействии в отношении третейского разбирательства (как мы указывали выше, содействие в получении доказательств относится к данной категории дел) в силу ч. 4 ст. 240.2 АПК РФ и ч. 4 ст. 427.2 ГПК РФ должны быть приложены: 1) заверенная копия искового заявления в третейский суд с доказательствами его получения ответчиком; 2) подлинное соглашение о третейском разбирательстве или его надлежащим образом заверенная копия; 3) документы, подтверждающие обстоятельства, являющиеся основанием для обращения заявителя в суд за содействием в отношении третейского суда; 4) документы, представляемые в обоснование требования заявителя; 5) документ, подтверждающий уплату государственной пошлины в порядке и в размере, которые установлены федеральным законом; 6) доверенность или иной документ, подтверждающие полномочия лица на подписание заявления о содействии.

Если третейский суд признается заявителем в делах рассматриваемой категории, является ли его запрос об оказании содействия в получении доказательств аналогом заявления по делу о содействии в отношении третейского разбирательства? Положительный ответ на этот вопрос будет означать, что третейский суд должен будет оплатить госпошлину при обращении в арбитражный суд в сумме 15 000 руб. или 50 000 руб., а при

³⁴³ Андреев Д.А. Проблемы взаимодействия третейских и государственных судов в контексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного третейскому разбирательству // Третейский суд. 2020. № 1/2. С. 173.

³⁴⁴ *Он же*. Содействие государственных судов третейским судам в получении доказательств // Третейский суд. 2021. № 2. С. 113.

³⁴⁵ Курносоев А. А. Особенности рассмотрения запроса третейского суда о содействии в получении доказательств // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 2(30). С. 246-248.

обращении в суд общей юрисдикции – 3 000 руб. или 20 000 руб., в зависимости от определения правосубъектности третейского суда, поскольку в актуальной редакции пп. 3 п. 1 ст. 333.19 и пп. 4 п. 1 ст. 333.21 НК РФ установленный размер госпошлины зависит от того, кто выступает заявителем – физическое или юридическое лицо. Если мы будем рассматривать третейский суд в соответствии со ст. 2 ФЗ об арбитраже как состав должностных лиц, арбитров – необходимо осуществлять оплату 15 000 руб. или 3 000 руб. в зависимости от компетентного суда, а если будем относиться к третейскому суду как к ПДАУ, подразделению некоммерческой организации – размер госпошлины увеличивается до 50 000 руб. при обращении в арбитражный суд и 20 000 руб. при обращении в суд общей юрисдикции (ч. 6 ст. 240.1 АПК РФ и ч. 6 ст. 427.1 ГПК РФ)? Отрицательный ответ на поставленный вопрос позволит относиться к исключению правил рассмотрения запроса третейского суда о содействии в получении доказательств из § 3 гл. 30 АПК РФ и гл. 47.1 ГПК РФ как намеренное, сделанное с целью установить действительно специальные правила процессуальной формы. Это будет означать, что ни доказательств оплаты госпошлины, ни копии иска, ни копии арбитражного соглашения не потребуется при рассмотрении запроса третейского суда. Косвенно подтверждает обоснованность отрицательного ответа и то обстоятельство, что стороны третейского разбирательства правом направления запроса в компетентный суд не обладают (а в силу ч. 4 ст. 240.1 АПК РФ и ч. 4 ст. 427.1 ГПК РФ заявителями в делах о содействии третейскому разбирательству признаются именно лица, участвующие в арбитраже). Повторимся, правом направления запроса обладают лишь институциональные третейские центры, дорожащие своей репутацией, и обеспечивающие должный профессионализм в вопросах определения собственной компетенции по рассмотрению спора. Поэтому высока вероятность того, что особый статус заявителя запроса предопределяет отсутствие необходимости приложения каких бы то ни было документов к такому арбитражному акту. Мы полагаем, что именно отрицательный ответ на обозначенный вопрос является верным, и запрос третейского суда не тождественен заявлению о содействии. Все-таки обязательный платеж за

совершение юридически значимых действий, коим является госпошлина, не должен устанавливаться по аналогии в отсутствие правовой нормы, а налоговое законодательство не допускает применения норм закона по аналогии³⁴⁶. Тем не менее, обосновать можно оба решения, в связи с чем в этом вопросе требуется официальное разъяснение или изменение процессуального закона.

Поскольку рассмотрение запроса третейского суда об истребовании доказательств осуществляется в процедуре содействия третейскому разбирательству, правила § 3 гл. 30 АПК РФ и гл. 47.1 ГПК РФ должны применяться субсидиарно по отношению к ст. 74.1 АПК РФ и ст. 63.1 ГПК РФ, в случаях, когда это не противоречит специальной норме. В связи с тем, что запрос исходит от третейского суда, подпись председательствующего арбитра, заверенная ПДАУ, будет достаточным основанием полагать, что запрос подписан уполномоченным должностным лицом, заявителем, поэтому никакой доверенности и диплома об образовании или ученой степени от подписанта не требуется. Между тем, нужно ли прикладывать постановление о формировании состава арбитров, или факт издания запроса и этот вопрос разрешает? Можно сделать вывод, что сам факт издания запроса третейского суда является достаточным доказательством подачи иска и возбуждения третейского разбирательства, предварительной проверки заключенности, действительности и исполнимости арбитражного соглашения, формирования состава арбитров, поэтому соответствующие документы к запросу могут не прилагаться. Но на текущий момент нет никаких безусловных оснований не прикладывать к запросу третейского суда документ об оплате государственной пошлины.

Виды истребуемых доказательств. Согласно ч. 3 ст. 74.1 АПК РФ запрос третейского суда может быть направлен для получения письменных доказательств, вещественных доказательств и иных документов и материалов в соответствии со статьями 75, 76 и 89 АПК РФ. Аналогичная норма ч. 3 ст. 63.1 ГПК РФ сформулирована несколько иначе: истребованы могут быть письменные доказательства, вещественные доказательства и аудио- и

³⁴⁶ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.1999 № 41 «Обзор практики применения арбитражными судами законодательства, регулирующего особенности налогообложения банков», п. 7 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 7.

видеозаписи, предусмотренные статьями 71, 73 и 77 ГПК РФ. Разница диспозиций указанных норм обусловлена перечнем средств доказывания, предусмотренных процессуальными кодексами неодинаково. Так, в ГПК РФ нет категории «иные документы», к которым судебная практика, например, относит т.н. внесудебные экспертные заключения или экспертные заключения, полученные при рассмотрении судами иных дел³⁴⁷, а в АПК РФ нет отдельно указанных в качестве средств доказывания аудио- и видеозаписей. Указанное не означает, что в зависимости от характера спорного правоотношения третейский суд ограничен в выборе истребуемых доказательств. Речь идет о праве третейского суда истребовать доказательства в виде объектов внешнего мира, уже существующих, а не специально создаваемых для целей рассмотрения спора. Если обращаться к традиционной классификации доказательств в цивилистическом процессе в зависимости от источника их возникновения, третейский суд вправе просить о содействии в получении вещественных доказательств³⁴⁸, а личные и смешанные доказательства уже состав арбитров должен получить сам, в рамках третейской процессуальной формы.

Так, процессуальные законы запрещают по запросу третейского суда допрашивать свидетелей, назначать экспертизу, получать консультации специалиста, объяснения сторон и иных лиц. Такие ограничения наводят на мысль о необходимости реализации руководящих полномочий – разъяснении уголовно-правовых последствий нарушения обязанностей по представлению доказательств, а также полномочий по корректировке вопросов и отражению полученной доказательственной информации. Поэтому третейские суды вправе просить истребовать лишь объективные, неискажаемые сведения, не предполагающие возможности вторжения компетентного суда в доказывание.

³⁴⁷ См. например: Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе», п. 13 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства», абз. 3 п. 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

³⁴⁸ Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др.; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2019. С. 304 – 305; Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2021. С. 120-121.

Сам третейский суд не лишен возможности допрашивать свидетелей с их согласия, назначать экспертизу или привлекать специалистов для получения консультаций. А в случае уклонения таких лиц от взаимодействия с третейским судом не исключается обращение к иным сведущим лицам или придание доказательственного значения соответствующему поведению³⁴⁹. Неискажаемые объекты внешнего мира, такие как письменные доказательства, электронные документы, видеозаписи или вещественные доказательства, существуя объективно, могут иметь принципиальное значение для правильного рассмотрения дела, и допускать реализацию юрисдикционных полномочий арбитров без формирования материалов дела может быть неприемлемо.

Основания для отказа в удовлетворении запроса. При рассмотрении компетентными судами дел о содействии в отношении третейского разбирательства имеет место судебный контроль. Компетентный суд обеспечивает контроль посредством ограничения доступа сторон третейского разбирательства к информации, не относящейся к их делу, касающейся деятельности иных лиц, не связанных арбитражным соглашением, или относящейся к охраняемой законом тайне³⁵⁰. Согласно ч. 4 ст. 74.1 АПК РФ и ч. 4 ст. 63.1 ГПК РФ, основаниями для отказа в исполнении запроса третейского суда являются:

- 1) запрос направлен для получения доказательств, не предусмотренных законом (письменных, вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей и иных материалов, перечень которых раскрыт ранее);
- 2) исполнение запроса может нарушить права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в третейском разбирательстве;
- 3) запрос направлен в отношении неарбитрабельного спора;
- 4) запрос позволяет обеспечить доступ к информации, составляющей государственную тайну;
- 5) запрос позволяет обеспечить доступ к информации, составляющей служебную, коммерческую, банковскую или иную охраняемую

³⁴⁹ Юдин А. В. «Улики поведения» в гражданском и арбитражном процессе (к вопросу о доказательственном значении фактов процессуального поведения лиц, участвующих в деле) // Вестник гражданского процесса. 2016. № 4. С. 20.

³⁵⁰ Терехова Л. А. Выполнение судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 60.

законом тайну, в отношении лиц, не участвующих в третейском разбирательстве.

Как разъяснено в Определении КС РФ от 29.09.2020 г.³⁵¹, указанные ограничения направлены на защиту прав и интересов лиц, не участвующих в третейском разбирательстве. Соотносясь с принципами состязательности и равноправия сторон, из которых вытекает недопустимость, по общему правилу, принятия судебных актов, затрагивающих права лиц, не принимающих участие в разрешении спора.

Между тем, 2 и 5 основания к отказу в исполнении запроса, не позволяющее нарушать права лиц, не участвующих в третейском разбирательстве, несут в себе деструктивный потенциал, и должны применяться сдержанно. Формально, любой обладатель информации, если речь не идет о публичных органах, ведущих соответствующие реестры или архивы, имеющий доказательственную информацию, может быть с ней связан. Понуждение к представлению документов или иных объектов частных лиц предопределяет, что информация может быть использована в ущерб интересов таких лиц. Поэтому компетентному суду при исполнении запроса арбитров требуется проверить, не выходит ли просьба о содействии за пределы арбитражного спора, и при необходимости – удовлетворить запрос в части.

Обеспечение доказательств по заявлению стороны третейского разбирательства. Согласно п. 41 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г., с учетом положений процессуальных кодексов не исключается возможность рассмотрения судом вопроса об обеспечении доказательств по заявлению стороны третейского разбирательства. Таким образом, Пленум ВС РФ, запрещая возможность обращения сторон третейского разбирательства с заявлением об истребовании доказательств для нужд третейского разбирательства, допускает реализацию самостоятельного права в случае необходимости обеспечения доказательств³⁵². С одной стороны, такое

³⁵¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2260-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества "Сургутнефтегазбанк" на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 2 и 5 части 4 статьи 74.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁵² Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2021. С. 273.

решение может быть объяснено целью института обеспечения доказательств – их срочной, незамедлительной фиксации в условиях риска утраты, но в то же время такой подход вступает в явное противоречие с изложенной выше концепцией реализации юрисдикционных полномочий третейского суда. Кроме того, учитывая принципиально различное правовое регулирование правил обеспечения доказательств в арбитражном и гражданском процессе, стороны третейского разбирательства окажутся в неодинаковом положении в зависимости от категории спора. Так, в арбитражном процессе (ст. 72 АПК РФ) обеспечение доказательств осуществляется по правилам обеспечения иска, т.е. с привлечением при исполнении Федеральной службы судебных приставов. Согласно ч. 2 ст. 90 АПК РФ обеспечительные меры могут применяться и на основании заявления стороны третейского разбирательства, в том числе и до обращения с иском в установленном порядке. Эта модель обоснованно критикуется как неэффективная³⁵³, уступающая в своей простоте и временной экономичности нотариальному порядку обеспечения доказательств³⁵⁴. Что же касается обеспечения доказательств в гражданском процессе, то в силу правил ст.ст. 64 – 66 ГПК РФ предусматривается более простая и действенная модель незамедлительной фиксации и исследования доказательств непосредственно судом в судебном заседании, в том числе и в выездном заседании. Однако нормы, допускающей стороне третейского разбирательства обращаться в суд общей юрисдикции с заявлением об обеспечении доказательств ГПК РФ не содержит. Поэтому позиция Пленума ВС РФ в вышеуказанном п. 41 Постановления № 53 от 10.12.2019 г. приведена со ссылкой на ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, т.е. сформирована с применением процессуальной аналогии.

Убеждены, что в абсолютном большинстве случаев обеспечение доказательств по заявлению стороны третейского разбирательства должно осуществляться в рамках соответствующего нотариального действия, без дополнительной нагрузки судебной системы.

³⁵³ Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. Обеспечение доказательств в цивилистическом процессе: развитие теории, законодательства и практики // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 5. С. 174.

³⁵⁴ См.: Бегичев А.В. Виды обеспечения доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 6. С. 53; Он же. Проблемы использования электронных технологий нотариусами при обеспечении доказательств // Нотариус. 2020. № 1. С. 41.

Право направления запроса о содействии в получении доказательств стало одной из новелл в результате реформы арбитража в России³⁵⁵. До принятия ФЗ об арбитраже и внесения соответствующих изменений в процессуальные кодексы констатировалось, что предусмотренные процессуальным законодательством полномочия государственных судов по истребованию доказательств не могут применяться к третейским судам, поскольку обратное противоречило бы сущности третейского разбирательства и свидетельствовало бы о нарушении его принципов³⁵⁶. До сих пор практика выполнения функций содействия в получении доказательств по запросу третейского суда не сформирована, встречаются лишь единичные примеры обращения институциональных центров к компетентным судам. Причиной невостребованности рассматриваемого механизма содействия, с одной стороны, являются недостатки правового регулирования процессуальной формы, а с другой стороны – все еще низкая востребованность третейского разбирательства в стране.

В перспективе компетентные суды не должны стать универсальным правовым механизмом, ассистирующим третейским судам в рассмотрении дела, иначе нивелируется эффект альтернативности третейского разбирательства – сторонам будет проще начать рассматривать спор в государственном суде, а не обращаться к нему неоднократно за содействием. Содействие в вопросах получения доказательств – важный механизм, необходимый для поддержания третейского разбирательства в случаях необходимости получения объективной информации, недоступной сторонам. В этом плане неэффективность механизма исполнения запроса третейского суда породит увеличение судебной нагрузки по рассмотрению дела по существу, поскольку стороны арбитражного соглашения будут лишены возможности полноценного рассмотрения своего дела в третейском суде.

С учетом выявленных проблем, необходимо совершенствовать правовое регулирование рассмотренной процедуры, а также на уровне Пленума Верховного Суда РФ дать дополнительные руководящие

³⁵⁵ Казаченок С.Ю. Анализ влияния новелл законодательства России о третейских судах на деятельность международного коммерческого арбитража // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 55.

³⁵⁶ Рузанова В.Д. Некоторые вопросы ведения третейского разбирательства (арбитража) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 35.

разъяснения по вопросам содержания запроса третейского суда, порядка его издания и направления в компетентный суд³⁵⁷.

Полагаем, что для обеспечения большей эффективности механизма истребования доказательств необходимо наделить институциональный третейский центр правом самостоятельного истребования доказательств. Такое право предоставлено субъектам правозащитной деятельности в России (например, нотариусам в соответствии со ст. 15 и ст. 42 Основ законодательства РФ о нотариате³⁵⁸ и адвокатам в соответствии со ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»³⁵⁹), а обязанность адресатов соответствующих запросов предоставить информацию в определенный срок подтверждена возможностью применения механизма государственного принуждения (ст. 5.39 КоАП РФ – «Отказ в предоставлении информации»). Учитывая, что право направления запроса о содействии в получении доказательств предоставлено только институциональному третейскому центру, получившему право на осуществление своей деятельности в сложной разрешительной процедуре, целесообразно закрепить за ПДАУ возможность самостоятельного истребования доказательств от органов публичной власти, физических и юридических лиц, а соответствующую форму содействия компетентного суда исключить в принципе как излишнюю.

§ 2.3. ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ПО ЗАЯВЛЕНИЮ СТОРОНЫ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Обеспечительные меры в третейском разбирательстве имеют общие черты с одноименным институтом в цивилистическом процессе, для них также характерны срочность, временный характер, каузальность (направленность на защиту имущественных интересов заявителя) и

³⁵⁷ Курносов А. А. Особенности рассмотрения запроса третейского суда о содействии в получении доказательств // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 2(30). С. 248 - 250

³⁵⁸ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

³⁵⁹ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

соразмерность. Обеспечительные меры в арбитраже должны быть направлены на сохранение status quo в спорном правоотношении, воспрепятствование нарушению имущественных прав заявителя, сохранение предмета спора, обеспечение исполнения будущего решения³⁶⁰. Обеспечительные меры, направленные на создание условий эффективности третейского разбирательства, могут быть адресованы не только сторонам арбитража (которые обязаны подчиниться соответствующему акту в силу добровольного принятия компетенции третейского суда), но и третьим лицам (например, кредитным организациям, регистраторам или реестродержателям). Поэтому в компетенцию третейского суда входит на практике лишь разрешение вопроса о применении мер, которые стороны в состоянии исполнить самостоятельно (т.н. добровольные обеспечительные меры³⁶¹).

Если постановление о применении обеспечительных мер необходимо адресовать третьим лицам или обеспечить его принудительное исполнение, сторонам надлежит обращаться в компетентный государственный суд. Помимо возможности немедленного принудительного исполнения определения о принятии обеспечительных мер, очевидны и процедурные преимущества государственной юрисдикции³⁶². Так, при обращении к депонированным правилам арбитража на сайте Минюста России становится очевидным более оперативный характер применения обеспечительных мер государственными судами (не позднее следующего дня против трех, пяти дней или «в наиболее короткие сроки», декларируемых институциональными третейскими центрами). Кроме того, в арбитраже не считается приемлемым рассмотрение заявления о принятии обеспечительных мер в отсутствие сторон, без проведения слушания (ex parte), поскольку это бы противоречило

³⁶⁰ Курочкин С. А. Особенности применения обеспечительных мер по искам, рассматриваемым третейскими судами и международными коммерческими арбитражами // Закон. 2012. № 12. С. 91; *Он же*. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж: монография, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2021. С. 219.

³⁶¹ См.: Фетюхин М. В. Применение обеспечительных мер по делам, переданных сторонами на рассмотрение третейского суда // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 4. С. 71; Котлярова В. В. О применении обеспечительных мер в арбитраже (третейском разбирательстве) // Третейский суд. 2017. № 3(111). С. 174-176; Селькова А. А. Институт обеспечительных мер в процессуальном праве России и Англии. – М.: Статут, 2020. С. 169.

³⁶² Трезубов Е. С., Курносков А. А. Применение обеспечительных мер в третейском разбирательстве // Российский судья. 2022. № 10. С. 7.

праву участников быть выслушанными и равноправию лиц³⁶³. В актуальной редакции Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже³⁶⁴ в связи с этим закреплена более оперативная процедура принятия составом арбитров или чрезвычайным арбитром предварительных постановлений (ст. 17В - 17С) о применении обеспечительных мер на срок до 20 дней, предполагающего необходимость рассмотрения возражений заинтересованной стороной лишь после принятия мер. В регламентах ряда крупнейших институциональных арбитражных центров даже предусмотрен запрет оспаривания в компетентных судах постановлений чрезвычайных арбитров о принятии обеспечительных мер и необходимость их исполнения сторонами³⁶⁵. Тем не менее, такие обеспечительные меры все еще остаются добровольными, не подлежат принудительному исполнению через процедуру экзекутуры в большинстве правопорядков, принудительное исполнение предусмотрено арбитражным законодательством Гонконга, Новой Зеландии, Нидерландов и Сингапура, но в большинстве стран такой порядок не установлен³⁶⁶.

В мировой практике существует три модели применения обеспечительных мер по спорам, рассматриваемым в арбитраже:

1. Модель «зеркальных мер», основанная на принципе конкурирующей юрисдикции, предполагает возможность стороны арбитража или самого третейского суда обратиться в компетентный суд с заявлением о применении обеспечительных мер. В этой модели третейский суд может вынести постановление о применении обеспечительных мер, но компетентный суд таким актом не связан, вправе изменить принятую меру, аргументацию необходимости ее принятия, или отказать в ее принятии вовсе. Кроме того, сторона арбитража может обратиться с соответствующим заявлением

³⁶³ См.: Международный коммерческий арбитраж: Учебник / С.А. Абесадзе, Т.К. Андреева, В.Н. Ануров и др.; отв. ред. Т.А. Лунаева; науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Редакция журнала "Третейский суд"; М.: Статут, 2018. Вып. 9. С. 532; Houtte H. Ten Reasons Against a Proposal for *Ex Parte* Interim Measures of Protection in Arbitration // *Arbitration International*. 2004. Vol. 20, Issue 1. Pp. 85–96.

³⁶⁴ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже: принят в Нью-Йорке 21.06.1985 г., с изменениями, принятыми на девятой сессии Комиссии ООН по праву международной торговли в 2006 г. // Доступ из сети Интернет: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/07-87000_ebook.pdf (дата обращения 15.08.2024 г.).

³⁶⁵ Zhang J. The Enforceability of Interim Measures Granted by an Emergency Arbitrator in International Commercial Arbitration: Dissertation to obtain the degree of Doctor at the Maastricht University – Maastricht, 2020. P. 56.

³⁶⁶ Там же. P. 276.

самостоятельно, без соблюдения предварительных арбитражных процедур. Ныне действующий ФЗ об арбитраже закрепляет данную модель.

2. Экзекватура арбитражного постановления о принятии обеспечительных мер. Такое промежуточное постановление приводится в исполнение по аналогии с порядком принудительного исполнения окончательных третейских решений (по правилам Нью-Йоркской Конвенции 1958 г.). По общему правилу принудительное исполнение и обжалование промежуточных третейских решений недопустимо, поскольку третейское разбирательство обладает достаточной автономностью. Поэтому вторая модель не получила распространения.

3. Исполнение мер *sui generis*, основанное на статьях 17Н и 17I Типового закона ЮНСИТРАЛ: государственный суд приводит в исполнение арбитражное постановление о применении обеспечительных мер, и вправе отказать в их исполнении по специальным основаниям (неарбитрабельность спора, отсутствие компетенции третейского суда по принятию обеспечительных мер, нарушение процедуры, нарушение примененными мерами публичного порядка). Такая модель была предусмотрена ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 г № 102-ФЗ, в соответствии с ч. 4 ст. 25 которого к заявлению стороны третейского разбирательства о применении обеспечительных мер в государственный суд прилагалось определение третейского суда о принятии обеспечительных мер.

По сути, третья модель развивает вторую и преодолевает ее недостатки, поскольку не допускает возможности оспаривания и экзекватуры промежуточных арбитражных решений³⁶⁷. Такая модель воспринята лишь в отдельных правопорядках и не является применяемой повсеместно³⁶⁸. Эта модель представляется неудачной, нивелирующей эффект срочности обеспечительных мер, поскольку ответчику еще при принятии третейским судом постановления будет известно о риске установления ограничений, а

³⁶⁷ Андреев Д.А. Взаимодействие третейских и государственных судов по вопросам обеспечительных мер // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2020. № 1. С. 50-51.

³⁶⁸ См. например: Al Mekhlafi N. M. Interim Measures in International Commercial Arbitration: A Discourse in Continued Uncertainty // International Conference on Advances in Business Management and Law (ICABML). 2017. Vol. 1(1). P. 111 // Доступ из сети Интернет: <https://core.ac.uk/download/pdf/267851726.pdf> (дата обращения: 20.08.2024 г.)

заявитель будет вынужден нести сначала арбитражные расходы, а затем - судебные.

Согласно ч. 3 ст. 90 АПК РФ и ч. 3 ст. 139 ГПК РФ компетентный суд может принять по заявлению стороны третейского разбирательства обеспечительные меры. Такое заявление рассматривается по правилам глав 8 АПК РФ и 13 ГПК РФ при обращении в арбитражный суд или суд общей юрисдикции соответственно³⁶⁹. В связи с обращением с заявлением о принятии обеспечительных мер сторона должна произвести оплату государственной пошлины, размер которой при обращении в суд общей юрисдикции составит 10 тыс. руб. (пп. 15 п. 1 ст. 333.19 НК РФ), а при обращении в арбитражный суд – 30 тыс. руб. (пп. 17 п. 1 ст. 333.21 НК РФ).

Процедура применения обеспечительных мер в третейском разбирательстве предполагает реализацию принципа «конкурирующей юрисдикции»³⁷⁰, в соответствии с которым данный вопрос относится одновременно к компетенции как государственных компетентных судов, так и состава арбитров. При этом, согласно ст. 9 ФЗ об арбитраже, и ст. 9 Закона о МКА обращение стороны третейского разбирательства с заявлением о принятии основных или предварительных обеспечительных мер в компетентный суд не может рассматриваться как несовместимое с арбитражным соглашением. Соглашение сторон об исключении возможности обращения в компетентный суд с таким заявлением является ничтожным. В то же время статьи 17 указанных законов закрепляют право сторон исключить компетенцию третейского суда по применению обеспечительных мер своим соглашением.

Как указывалось выше, и разъяснено в п. 36 Постановления № 53, суды рассматривают заявления стороны третейского разбирательства о принятии обеспечительных мер по общим правилам разрешения ходатайств об обеспечении иска. Стороны могут обратиться с заявлением об обеспечении иска в любой момент после начала арбитража, т.е. после получения ответчиком иска (ст. 23 ФЗ об арбитраже). Помимо оценки обоснованности

³⁶⁹ Трезубов Е. С., Курносов А. А. Применение обеспечительных мер в третейском разбирательстве // Российский судья. 2022. № 10. С. 8.

³⁷⁰ Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж: монография, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2021. С. 220-221, 233.

заявления о необходимости принятия испрашиваемых мер и их соразмерности заявленному в арбитраж требованию, возможности обеспечения исполнения решения третейского суда, компетентный суд в силу принципа компетенции-компетенции проверяет действительность и исполнимость арбитражного соглашения, арбитрабельность спора (аналогичная позиция была высказана ранее в п. 34 Постановления Пленума ВАС РФ № 55³⁷¹). Как разъяснялось в указанном пункте Постановления Пленума ВАС РФ № 55, наличие акта третейского суда об обеспечительных мерах не препятствует подаче в суд заявления о принятии обеспечительных мер. Стороне арбитража (стороне соглашения) не требуется предварительно обращаться с соответствующим заявлением в третейский суд. В отечественной судебной практике встречаются и иные подходы, в соответствии с которыми суды ошибочно требуют от заявителя представить определение третейского суда об обеспечении иска³⁷².

Компетентный суд рассматривает заявление об обеспечении иска по общим правилам, в срок, не превышающий следующего рабочего дня за днем поступления заявления, без вызова сторон арбитражного спора. По результатам рассмотрения заявления судом выносится определение о принятии мер по обеспечению иска, подлежащее немедленному исполнению, или об отказе в обеспечении. Относительно возможности обжалования данного определения выявлена коллизия в правовом регулировании. С одной стороны, в силу ч. 3 ст. 240.5 АПК РФ, ч. 3 ст. 427.5 ГПК РФ определения суда по делу о выполнении судами функций содействия в отношении третейского суда не могут быть обжалованы. Но, с другой стороны, такое определение выносится по правилам процессуальных кодексов о применении обеспечительных мер (т.е. именно эти нормы являются по существу *lex specialis*), а в соответствии со ст. 145 ГПК РФ определения суда общей юрисдикции по вопросам принятия обеспечительных мер могут быть обжалованы³⁷³. Выявленная нами немногочисленная судебная практика

³⁷¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» (признано не подлежащим применению) // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

³⁷² См. например: Апелляционное определение Московского городского суда от 01.08.2023 по делу № 33-31368/2023; Апелляционное определение Московского городского суда от 16.12.2019 по делу № 33-56840/2019 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³⁷³ Трезубов Е. С., Курносов А. А. Применение обеспечительных мер в третейском разбирательстве // Российский судья. 2022. № 10. С. 9.

исходит из возможности обжалования определения суда общей юрисдикции об обеспечении иска, рассматриваемого в третейском суде³⁷⁴.

Применительно к возможности обжалования определения арбитражного суда, вынесенного по итогам рассмотрения заявления стороны третейского разбирательства о принятии обеспечительных мер, актуальное правовое регулирование содержит больше неопределенности. Так, с 5.01.2024 г. вступила в силу новая редакция ч. 7 ст. 93 АПК РФ, в соответствии с нормой которой определение арбитражного суда, которым применены обеспечительные меры, обжаловано в инстанционном порядке быть не может. Возможность обжалования предусмотрена для определений арбитражных судов, которыми отказано в принятии обеспечительных мер. В случае удовлетворения заявления о принятии мер обеспечения лица, чьи права и законные интересы таким определением нарушены, первоначально должно обратиться с заявлением об отмене обеспечительных мер в арбитражный суд, их принявший (ст. 97 АПК РФ), по итогам рассмотрения такого заявления может быть подана апелляционная жалоба как на определение об отмене обеспечения иска, так и на определение об отказе в отмене обеспечения иска (ч. 5 ст. 97 АПК РФ). Применительно к арбитражному процессу такое нормативное решение было призвано упростить и ускорить механизм защиты интересов ответчика, который в более короткий (пятидневный вместо четырехмесячного в случае с апелляционным обжалованием срок (1 месяц на подачу жалобы и 3 месяца на рассмотрение жалобы судом апелляционной инстанции) может представить свои обоснованные возражения против установления ограничительных мер, которые будут рассмотрены в судебном заседании в условиях состязательности. Изменение правового регулирования призвано также сократить случаи отмены определений о принятии мер обеспечения иска, которые выносятся лишь на основе материалов, представленных истцом, без учета позиции ответчика (как возможное следствие, арбитражные суды будут более охотно удовлетворять заявления о принятии обеспечительных мер, не

³⁷⁴ См. например: Апелляционные определения Верховного суда Удмуртской Республики от 05.05.2021 по делам № 33-1489/2021, 33-1490/2021, 33-1491/2021, 33-1493/2021, 33-1494/2021, 33-1495/2021; Апелляционные определения Московского городского суда от 26.06.2023 по делу № 33-30284/2023, от 01.08.2023 по делу № 33-31368/2023 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

опасаясь отмены актов в инстанционном порядке). Таким образом, АПК РФ запрещает возможность обжалования определения о принятии обеспечительных мер. Между тем, должен ли ответчик в третейском разбирательстве обращаться с заявлением об отмене обеспечительных мер в арбитражный суд, или должен обладать правом подачи апелляционной жалобы на определение арбитражного суда? Допустимо ли различие объема полномочий стороны арбитража в зависимости от компетентного суда, выполняющего функции содействия? Вопрос, убеждены, является риторическим. Производство по делам о содействии третейскому разбирательству, следуя концепции унификации цивилистического процесса Н. А. Громошиной, является единой для цивилистического процесса процедурой, преследующей одну цель, реализующей одни задачи³⁷⁵, что предопределяет целесообразность унифицированного правового регулирования. Повторимся, различные подходы могли быть обусловлены спецификой правоприменения и поддерживаемой судебной политикой для целей принятия арбитражными судами обеспечительных мер в делах, которые ими рассматриваются по существу³⁷⁶. Однако для целей содействия третейскому разбирательству важно не столько обеспечить более мягкое и гибкое отношение к обеспечительным мерам (напротив, стороны вольны ходатайствовать о принятии добровольных мер третейским судом или чрезвычайным арбитром и исполнять постановления самостоятельно, будучи связанными условиями арбитражного соглашения, что предопределяет целесообразность обращения в компетентный суд с соответствующим заявлением в крайних случаях), сколько важно обеспечить одинаковый уровень защиты как сторонам арбитража внутреннего спора, так и международного коммерческого арбитража, не придавая при этом принципиальное значение характеру спора (экономическому или иному). Право на обжалование судебных актов, устранение судебной ошибки,

³⁷⁵ Громошина Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук – М., 2010. С. 210-212.

³⁷⁶ Статистика деятельности арбитражных судов субъектов свидетельствует, что положительная динамика наметилась, т.к. за 2024 год они удовлетворили немногим больший процент заявлений о принятии обеспечительных мер: из 36 789 рассмотренных заявлений было удовлетворено 14 587, т.е. удовлетворено 39,65% заявлений, в то время как в 2023 году удовлетворены были только 30,84%. См.: Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 2024 г. // Доступ из сети Интернет: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/1AS-svod_vse_sudy-2024.xls (доступ из сети Интернет: 1.05.2025 г.)

является неотъемлемым компонентом судебной защиты³⁷⁷, значимым механизмом в реализации соответствующей конституционной гарантии, в связи с чем в сущностно единых процедурах объем прав на устранение судебной ошибки должен быть одинаковым. Сторонам арбитражного соглашения и иным заинтересованным лицам должно принадлежать право как на заявление ходатайства об отмене обеспечительных мер в компетентный суд, их принявший, так и право на инстанционное обжалование определения компетентного суда вне зависимости, арбитражным судом или судом общей юрисдикции вынесено это постановление.

Ситуация усугубляется еще и тем, что после 8.09.2024 г. в соответствии с новыми положениями ст. 333.19 и ст. 333.21 НК РФ лицо при обращении в суд с ходатайством об отмене принятых обеспечительных мер также оплачивает госпошлину, в том же размере, что и при подаче заявления о принятии мер обеспечения иска, т.е. в сумме 10 тыс. руб. при обращении в суды общей юрисдикции и 30 тыс. руб. при обращении в арбитражные суды. После рассмотрения ходатайства об отмене обеспечения иска сторона, не согласная с вынесенным определением, желая его обжаловать в апелляционном порядке, также оплатит госпошлину за подачу частной жалобы (в суд общей юрисдикции, размер – 3 тыс. руб. если апеллянтом является физическое лицо и 15 тыс. руб. – если организация) или апелляционной жалобы (в арбитражный апелляционный суд – 10 тыс. руб. для физических лиц и 30 тыс. руб. для организаций). Сама по себе такая ситуация избыточного финансового бремени, а также формально неодинакового положения сторон третейского разбирательства в зависимости от характера их спора (предопределяющего компетенцию государственного суда) является неприемлемой.

Не вызывает сомнений, что право ходатайствовать об отмене примененных обеспечительных мер у стороны третейского разбирательства должно быть. Как минимум, такое полномочие должно быть реализовано после вынесения третейским судом решения об отказе в удовлетворении иска

³⁷⁷ Терехова Л. А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. С. 6.

или после исполнения третейского решения, которым требования истца были удовлетворены. Кроме того, поскольку обеспечительные меры в третейском разбирательстве должны соответствовать признакам обеспечения в цивилистическом государственном процессе, в т.ч. быть каузальными и иметь временный характер, право ходатайствовать об отмене обеспечительных мер может быть реализовано заинтересованным субъектом и в период арбитража. Разумеется, нельзя возлагать на компетентный суд обязанность следить за ходом третейского разбирательства и отменять принятые обеспечительные меры самостоятельно, как было бы при рассмотрении им дела (ч. 5 ст. 96 АПК РФ, ч. 3 ст. 144 ГПК РФ). В силу принципа конфиденциальности третейского разбирательства это просто невозможно. Такое решение противоречило бы и правилу конкурирующей юрисдикции, в соответствии с которым компетентный суд самостоятельно, без выяснения позиции третейского суда, распоряжается об обеспечительных мерах. Однако в условиях действующего налогового регулирования стороне третейского разбирательства придется осуществлять оплату государственной пошлины. Логика правового регулирования ч. 7 ст. 93 АПК РФ в редакции Федерального закона от 25.12.2023 № 667-ФЗ³⁷⁸ понятна, она способствует достижению большей эффективности института обеспечительных мер. Отсутствие подобного механизма в ГПК РФ, несмотря на тенденцию унификации цивилистического процесса, полагаем, обусловлено лишь тем, что судами общей юрисдикции удовлетворяется значительно большая доля заявлений об обеспечении иска, нежели арбитражными судами³⁷⁹, в связи с чем дополнительные механизмы баланса частных и публичных интересов судам общей юрисдикции пока не столь необходимы. Между тем, отмена обеспечения иска и обжалование определений по вопросам принятия и отмены обеспечительных мер стали взаимосвязанными процессуальными действиями, в связи с чем установление требования об оплате

³⁷⁸ Федеральный закон от 25.12.2023 № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 1 (часть I). Ст. 48.

³⁷⁹ Согласно данным официальной судебной статистики арбитражными судами в 2023 году рассмотрено 36 794 заявлений о принятии обеспечительных мер, из них удовлетворено менее трети – 11 346. В тот же период судами общей юрисдикции по правилам ГПК РФ и КАС РФ рассмотрено 26 853 заявления об обеспечении иска и 753 заявления о принятии мер предварительной защиты, из которых удовлетворено 21 779 и 443 соответственно.

государственной пошлины за подачу апелляционной (частной) жалобы в случае предварительного заявления ходатайства в порядке ст. 97 АПК РФ и ст. 144 ГПК РФ является избыточным. Стороне, которой отказано в отмене примененных обеспечительных мер, должно быть предоставлено право оспаривания такого определения в апелляционном порядке без оплаты госпошлины.

П. А. Ильичев отмечает, что процедура принятия обеспечительных мер по заявлению стороны третейского разбирательства в рамках выполнения компетентными судами функций содействия является излишне сложной, имеющей в своей основе разные правоприменительные подходы в подсистеме арбитражных судов и судов общей юрисдикции, в связи с чем предлагает предоставить право принимать обеспечительные меры, в том числе и т.н. «обязательные обеспечительные меры», самому третейскому суду, но лишь в институциональном арбитраже³⁸⁰. Такое нормативное решение с июля 2021 года предусмотрено в Гражданском процессуальном кодексе Китайской Народной Республики и Арбитражном Законе КНР, однако, как отмечают китайские исследователи, ограничено возможностью придания юридической силы постановлениям третейских судов о принятии обеспечительных мер, вынесенных на территории КНР. Иностранные арбитражные постановления о принятии обеспечительных мер в КНР не имеют обязательного значения и к исполнению приведены быть не могут³⁸¹.

Несмотря на то что подобное решение мы поддерживаем применительно к требованиям о формировании состава арбитров и об истребовании доказательств, в случае с обеспечительными мерами такой подход видится неприемлемым. Третейские суды реализуют свои юрисдикционные полномочия на добровольных началах, и их решения обязательны лишь для сторон арбитражного соглашения. Ценность «обязательных обеспечительных мер» состоит в том, чтобы ограничения были установлены объективно и применялись любым органом власти и частным лицом. Как представляется, все еще преждевременно столь важные

³⁸⁰ Ильичев П. А. Некоторые вопросы обеспечения иска в арбитраже (третейском разбирательстве) // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 179.

³⁸¹ J. Wu, S. Qin, X. Wang. The issuance and enforcement of interim measures in international arbitration under Chinese law // Arbitration International. 2023. Vol. 39, Issue 1, Pp. 85–94.

функции делегировать ПДАУ, ссылаясь лишь на то, что они получили соответствующее разрешение от Минюста РФ или Правительства РФ. Недопустимым также видится императивное ограничение возможности принятия обеспечительных мер в случае рассмотрения спора в ситуационном арбитраже. Принятие обеспечительных мер зачастую выступает залогом эффективного восстановления нарушенного права, поэтому признавая значимость третейского разбирательства, важно допускать априорную возможность принятия обеспечения иска в любом виде третейского разбирательства.

Предварительные обеспечительные меры. Арбитражным регламентом может быть предусмотрено принятие срочных обеспечительных мер чрезвычайным арбитром или председателем арбитражного центра еще до формирования состава третейского суда³⁸². Очевидно, что такая процедура может быть предусмотрена лишь в отношении арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением.

В рамках выполнения функций содействия в отношении третейских судов применение указанных мер возможно только арбитражными судами, т.е. в экономических отношениях с участием коммерсантов (п. 13 Постановления № 53), что объясняется отсутствием в отечественном гражданском процессе универсальной модели предварительного обеспечения, применимого в любом имущественном споре (ст. 144.1 ГПК РФ, п. 43 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 1.06.2023 г.³⁸³). Сторона арбитражного соглашения вправе подать заявление о принятии предварительных обеспечительных мер в арбитражный суд по месту

³⁸² Такая процедура предусмотрена регламентами некоторых институциональных арбитражей, депонировавших свои правила на сайте Минюста РФ. См. например: п. 6 ст. 42 Регламента Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей // Доступ из сети Интернет: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reglament-arbitrazhnogo-tsentra-pri-rspp.pdf> (дата обращения 1.10.2024 г.); ст. 47 Арбитражного регламента Российского арбитражного центра при АНО "Российский институт современного арбитража" // Доступ из сети Интернет: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/arbitrazhnyij-reglament-rossijskogo-arbitrazhnogo-tsentra.pdf> (дата обращения 1.10.2024 г.); п. 3 ст. 46 Регламента арбитража споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений Национального Центра Спортивного Арбитража при АНО "Спортивная Арбитражная Палата" // Доступ из сети Интернет: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reglamentarbitrazhasporovvprofessionalnomsporteisportevysshih.pdf> (дата обращения 1.10.2024 г.); п. 3 ст. 44 Правил арбитража индивидуальных трудовых споров Национального Центра Спортивного Арбитража при АНО "Спортивная Арбитражная Палата" // Доступ из сети Интернет: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/pravilaarbitrazhatreteiskogorazbiratelstvaindividualnyhtrudovyih.pdf> (дата обращения 1.10.2024 г.)

³⁸³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

применения ограничений (критерий эффективности, отраженный в п. 42 указанного Постановления № 15, предполагает, что место арбитража и юрисдикция суда, принимающего обеспечительные меры, могут не совпадать³⁸⁴), приложив к заявлению надлежащим образом заверенную копию арбитражного соглашения, обосновав объективную невозможность предъявить иск в третейский суд, приложив доказательства оплаты государственной пошлины. Заявление рассматривается арбитражным судом с учетом соблюдения принципа компетенции-компетенции, критериев эффективности испрашиваемых мер и правил третейского разбирательства³⁸⁵. Предварительные обеспечительные меры принимаются арбитражным судом на срок, не превышающий 15 дней, в том числе с истребованием от заявителя встречного обеспечения, и при подаче иска в третейский суд в установленном порядке, сохраняют свою силу до отмены их в установленном порядке (для этих целей, исходя из смысла ч. 7 ст. 99 АПК РФ, истцу в третейском разбирательстве необходимо представить в арбитражный суд, принявший предварительные обеспечительные меры, доказательства начала арбитража). В случае если в обозначенный в определении срок заявителем не будет представлено в арбитражный суд указанных сведений, меры подлежат отмене по инициативе арбитражного суда.

В литературе высказывается мнение о возможности применения судами общей юрисдикции предварительных обеспечительных мер по заявлению стороны третейского соглашения по аналогии закона (ст. 99 АПК РФ) или посредством прямого применения норм ст. 9 ФЗ об арбитраже и ст. 9 Закона о МКА³⁸⁶. Полагаем, с учетом необходимости применения при рассмотрении заявления стороны третейского соглашения общих правил об обеспечительных мерах, установленных процессуальным законом (ч. 3 ст. 139 ГПК РФ), нормы гл. 13 ГПК РФ исключают возможность применения судами общей юрисдикции предварительных обеспечительных мер. Учитывая, что ч. 1 ст. 1 ГПК РФ установлен собственный приоритет норм

³⁸⁴ Ярков В.В., Спицин И.Н., Бессонова А.И. Применение обеспечительных мер до формирования состава арбитража в рамках международного инвестиционного спора // Российский судья. 2018. № 11. С. 37

³⁸⁵ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 07.07.2004 № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер», п.п. 23-25 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8

³⁸⁶ Мусин В.А. Избранное. – СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут. 2014. С. 264-265.

кодекса над иными законами о гражданском судопроизводстве, едва ли допустимо рассуждать о специальном характере норм законодательства об арбитраже в вопросах компетенции суда общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел.

Встречные обеспечительные меры. Применение компетентным судом конструкций, предусмотренных ст. 94 АПК РФ в споре, рассматриваемом в арбитраже, невозможно, поскольку такой акт не будет адресован третьим по отношению к сторонам спора лицам. Так, встречное обеспечение имеет своей целью предоставление имущественных гарантий возмещения убытков ответчика от обеспечения иска на случай проигрыша истца в деле (первичное встречное обеспечение, предоставляемое истцом) либо предоставление гарантий исполнения итогового акта по делу (вторичное встречное обеспечение, предоставляемое ответчиком взамен мер по обеспечению иска). Поскольку соответствующие процессуальные действия по обеспечению имущественных интересов участников процесса совершают сами стороны, нет необходимости относить данный вопрос к компетенции государственного суда. Подобные меры могут быть применены самим третейским судом, если арбитражное соглашение и регламент арбитража это позволяют. В депонированных на текущий момент правилах арбитража предусмотрено, что состав арбитров при принятии обеспечительных мер вправе потребовать предоставить надлежащее обеспечение возможных для ответчика убытков в связи с указанными мерами (предоставить надлежащее встречное обеспечение). Соответствующее правило предусмотрено также ч. 1 ст. 17 ФЗ об арбитраже и ч. 1 ст. 17 Закона о МКА³⁸⁷.

Таким образом, применительно к процедуре содействия компетентного суда в части принятия обеспечительных мер, ГПК РФ и АПК РФ содержат разное правовое регулирование. Ограничения процессуальной формы не позволяет судам общей юрисдикции применять предварительные обеспечительные меры по заявлению стороны третейского разбирательства, а актуальное правовое регулирование в арбитражном процессе устанавливает

³⁸⁷ Трезубов Е. С., Курносов А. А. Применение обеспечительных мер в третейском разбирательстве // Российский судья. 2022. № 10. С. 10-11.

для стороны третейского разбирательства по экономическому спору обязательный предварительный порядок заявления ходатайства об отмене обеспечения иска, ранее принятого компетентным судом. Полагаем, правовое регулирование соответствующих процедур должно быть унифицировано: в гражданском процессе целесообразно предусмотреть механизм принятия универсальных предварительных обеспечительных мер по аналогии с правилами ст. 99 АПК РФ, а также закрепить право инстанционного обжалования определения компетентного суда о принятии обеспечительных мер по заявлению стороны арбитражного соглашения. Кроме того, как в гражданском, так и в арбитражном процессе необходимо исключить обязанность по оплате государственной пошлины при обращении с частной (апелляционной) жалобой на определение об отказе в отмене обеспечительных мер, подаваемой заявителем, ходатайствовавшим о такой отмене.

§ 3. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ КОНТРЭКЗЕКВАТУРЫ В ОТНОШЕНИИ РЕШЕНИЙ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ

В арбитраж могут быть переданы различные частноправовые споры на основании соглашения сторон. При этом в третейских судах могут рассматриваться частноправовые споры по искам не только о присуждении, но и о признании, а также по преобразовательным требованиям. Применительно к решениям третейских судов по делам о признании и преобразовании предполагается так называемое простое признание³⁸⁸, обычно не требующее соблюдения процедуры экзекватуры, а сами такие арбитражные решения нередко называют «декларативными». Однако в соответствии со ст. 43 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – Закон об арбитраже) внесение сведений в публичные реестры (ЕГРН, ЕГРЮЛ, ЕГРИП, реестр владельцев ценных бумаг и т. д.) на

³⁸⁸ Костин А. А. К вопросу о признании иностранных судебных решений по экономическим спорам, не требующих принудительного исполнения (научно-практический комментарий к ст. 245.1 АПК РФ) // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 123.

основании решения третейского суда осуществляется только после удовлетворения компетентным судом заявления о принудительном исполнении арбитражного решения и выдачи исполнительного листа.

Как известно, решения государственных судов по искам о признании и о преобразовании не требуют принудительного исполнения и исполнительный лист на такие акты не выдается³⁸⁹. Однако в законе прямо указано, что процедура экзекватуры должна применяться к арбитражным решениям, в том числе не требующим принудительного исполнения, в случае если они предполагают внесение сведений в публичные реестры.

При рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, предполагающего внесение сведений в публичные реестры, компетентный суд будет выявлять наличие оснований для отказа в принудительном исполнении (ст. 42 Закона об арбитраже, ст. 239 АПК РФ, ст. 426 ГПК РФ), тождественных основаниям для отмены решения третейского суда в случае его оспаривания. Поэтому ограниченный судебный контроль по таким делам необходим, иначе решение третейского суда не станет фактом, имеющим юридическое значение. Между тем в случае, когда арбитражное решение по требованию о признании или о преобразовании правоотношения не предполагает последующего внесения сведений в публичные реестры, возникает ситуация, при которой решение становится для сторон окончательным, обретает качества исключительности и неопровержимости, но может быть объективно незаконным.

По общему правилу решения, принятые в рамках арбитража внутренних споров, могут быть оспорены в компетентном суде (§ 1 гл. 30 АПК РФ и гл. 46 ГПК РФ). При этом целью оспаривания является предоставление заявителю доступа к ограниченному судебному контролю за таким решением, поскольку закон устанавливает закрытый круг оснований для его отмены³⁹⁰ и исключает полноценную проверку обоснованности и законности такого акта. Однако в соответствии со ст. 40 Закона об арбитраже и п. 1 ст. 34 Закона о МКА своим исключаяющим соглашением стороны

³⁸⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», п. 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

³⁹⁰ Ярков В. В. Оспаривание решения международного коммерческого арбитража // Закон. 2008. № 1. С. 21.

институционального арбитража могут предусмотреть условие об окончательности решения третейского суда и невозможности его оспаривания путем обращения в компетентный суд. Это соглашение должно быть прямым и не может следовать из присоединения к правилам арбитража с формулировкой об окончательности решения третейского суда³⁹¹. Наличие исключаящего соглашения делает невозможным для сторон третейского разбирательства обращение в компетентный суд с заявлением об отмене решения третейского суда (п. 33 Постановления Пленума ВС РФ от 10.12.2019 г. № 53)³⁹².

Причина допущения исключаящих соглашений – стремление государств максимально локализовать арбитраж, проводимый на их территории, и тем самым привлечь иностранных коммерсантов для урегулирования споров в юрисдикции этой страны³⁹³. Иными словами, ценность соглашения об отказе от права на оспаривание решения третейского суда наиболее ощутима в случае международного коммерческого арбитража при рассмотрении иска к иностранному ответчику, поскольку устраняется риск двойной проверки компетентным судом по месту третейского разбирательства в рамках процедуры оспаривания арбитражного решения и по месту исполнения решения третейского суда в рамках процедуры экзекутуры³⁹⁴. Анализируя зарубежную доктрину и судебную арбитражную практику, Д. Г. Гольский приходит к парадоксальному выводу, в соответствии с которым контроль в отношении третейского решения по месту его вынесения в принципе не должен признаваться имеющим какое-либо значение в стране приведения в исполнение такого акта юрисдикционного органа, что предопределено, по мнению цитируемого

³⁹¹ См., например: Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 г.) (п. 19) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (п. 43) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

³⁹² Курносое А. А. Судебный контроль окончательных арбитражных решений, не требующих принудительного исполнения // Российский юридический журнал. 2023. № 3(150). С. 112-113.

³⁹³ Курочкин С. А. Оспаривание решений третейских судов и международных коммерческих арбитражей: вопросы теории // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 8. С. 43.

³⁹⁴ Он же. К вопросу об эффективности исключения судебного контроля решений третейских судов соглашением сторон // Третейский суд. 2013. № 2. С. 75; Терешкова С. А. Соглашение об отказе от права на оспаривание решения международного арбитража: российский подход к его толкованию в перспективе международной практики // Вестник международного коммерческого арбитража. 2016. № 2. С. 89.

автора, неодинаковым представлением о содержании категории противоречия публичному порядку³⁹⁵. В таком случае рассмотрение заявления об отмене третейского решения в государственном суде по месту арбитража не просто затягивает срок восстановления нарушенного права, но вовсе лишено смысла, раз компетентный суд по месту исполнения может не признать постановление суда иностранного государства об отмене третейского решения. Указанная ситуация предопределяет целесообразность заключения сторонами международного коммерческого арбитража исключаящего соглашения.

Как было разъяснено Конституционным Судом РФ, возможность сторон арбитража прямым соглашением исключить оспаривание решения третейского суда не нарушает гарантированное Конституцией РФ право на судебную защиту, поскольку стороны могут подвергнуть решения третейского суда проверке через процедуру экзекватуры в случае его неисполнения должником³⁹⁶. Эта позиция повторена в п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 г. № 53: «Сторона третейского разбирательства не лишена права воспользоваться средствами судебного контроля в отношении третейского суда в производстве о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда».

В целом, в доктрине воспринят подход, в соответствии с которым окончательность решения третейского суда не исключает последующий контроль со стороны компетентного суда, но запрещает пересмотр арбитражного решения по существу, не допускает повторное рассмотрение тождественного спора³⁹⁷.

Формально, поскольку основания для отмены решения третейского суда и для отказа в выдаче исполнительного листа для его принудительного

³⁹⁵ Гольский Д. Г. Признание и приведение в исполнение арбитражных решений, отмененных судом места их вынесения: автореферат дис. ... канд. юрид. наук – М., 2017. С. 9-10.

³⁹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 1.06.2010 г. № 754-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью „Газпром экспорт“ на нарушение конституционных прав и свобод статьей 40 Федерального закона „О третейских судах в Российской Федерации“, пунктом 1 части 1 статьи 150 и частью 1 статьи 230 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁹⁷ Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. - М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 480; Курочкин С. А. К вопросу об эффективности исключения судебного контроля решений третейских судов соглашением сторон // Третейский суд. 2013. № 2. С. 74.

исполнения идентичны, права сторон третейского разбирательства действительно не нарушаются. Но, как было сказано выше, не все решения третейских судов предполагают необходимость их принудительного исполнения или последующее внесение сведений в публичные реестры. Речь идет, например, о решениях по спорам о праве на движимое имущество (права на которое не подлежат государственной регистрации и сведения о правообладателях не вносятся в публичные реестры), по спорам о признании сделки недействительной, договора незаключенным или расторжении договора, по спорам о принадлежности исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, не подлежащих государственной регистрации (кроме дел, относящихся к исключительной компетенции Суда по интеллектуальным правам).

Арбитражные решения по таким спорам являются основаниями для учета прав и обязанностей во взаимоотношениях сторон, могут быть использованы в дальнейшей защите прав при обращении в юрисдикционные органы. Можно представить ситуацию разрешения третейским судом иска о праве на вещь и последующее обращение истца с требованием о ее виндикации уже в государственный суд. Сможет ли государственный суд, рассматривая виндикационный иск, игнорировать решение третейского суда, вынесенное по связанному спору этих же сторон и ставшее для них окончательным, приобретшим качества исключительности? Решение третейского суда, как и акты иных юрисдикционных органов, призвано создавать правовую определенность в конкретном споре и трансформировать спорное правоотношение в установленное. Однако при наличии исключającego соглашения какой-либо контроль в отношении решения третейского суда невозможен, чем ограничивается право на судебную защиту.

Тем не менее, согласно позиции, сформулированной в постановлении Президиума ВАС РФ от 29.06.2010 г. № 2070/10 по делу № А58-7656/09, окончательность решения третейского суда может быть проигнорирована государственным судом, но только в ситуации, когда это решение нарушает основополагающие принципы российского права, а у заявителя отсутствует иной способ защиты своих прав и охраняемых законом интересов. Эта

позиция поддерживается в актуальной правоприменительной практике³⁹⁸. Несмотря на наличие исключаящего соглашения, сторона третейского разбирательства все же может обратиться в компетентный суд с заявлением об отмене решения третейского суда. Неэффективность применения института исключаящего соглашения в российской правовой системе, как утверждает С. А. Курочкин, заставляет задуматься о целесообразности изъятия этой конструкции из законодательства о третейском разбирательстве³⁹⁹.

Таким образом, в судебной практике обосновывается возможность оспаривания окончательного решения третейского суда в случае, если оно противоречит публичному порядку Российской Федерации или если спор, рассматриваемый третейским судом, является неарбитрабельным (ч. 4 ст. 233 АПК РФ и ч. 4 ст. 421 ГПК РФ)⁴⁰⁰. Тем самым правоприменительная практика подтверждает примат гарантий права на судебную защиту над принципом диспозитивности и автономии воли в вопросах применения альтернативных форм разрешения споров⁴⁰¹. Такой подход отличается от общепринятого в международном коммерческом арбитраже – исключаящее соглашение по общему правилу не должно допускать даже проверку арбитражных решений на предмет их противоречия публичному порядку⁴⁰².

В литературе неоднократно отмечалось, что судебная практика не выработала единого подхода к определению категории противоречия публичному порядку⁴⁰³. Противоречие публичному порядку – «каучуковое»

³⁹⁸ См., например: постановления Арбитражного суда Московского округа от 21.09.2022 г. № Ф05-22740/2022 по делу № А40-32633/2022; от 9.08.2022 г. № Ф05-18546/2022 по делу № А40-31135/2022; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30.03.2018 г. № Ф01-672/2018 по делу № А43-36597/2017; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.02.2018 г. № Ф09-9078/17 по делу № А50-28245/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁹⁹ Курочкин С. А. К вопросу об эффективности исключения судебного контроля решений третейских судов соглашением сторон // Третейский суд. 2013. № 2. С. 78.

⁴⁰⁰ См. например: Чупахин И. М. О некоторых вопросах, возникающих при использовании исключаящих соглашений в практике третейских судов // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 8. С. 42; Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж: монография. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2021. С. 284.

⁴⁰¹ Воложанин В. П. О некоторых отраслевых принципах третейского разбирательства // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 132–133.

⁴⁰² Гусев А. М. Права человека и международный коммерческий арбитраж. 2-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. С. 59.

⁴⁰³ См., например: Молчанов В. В. Противоречие публичному порядку Российской Федерации как основание для отмены решения третейского суда и отказа в выдаче исполнительного листа // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 5. С. 143; Фокин Е. А., Шайхутдинова А. И. Последующий судебный контроль иностранных судебных решений, не требующих принудительного исполнения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 13.

основание для отмены решения третейского суда, под которое при особом желании можно подвести и процедурное нарушение, и нарушение норм материального права и т. д.

При наличии исключаяющего соглашения последующий судебный контроль в отношении решения третейского суда неприменим, кроме случаев: 1) необходимости принудительного исполнения; 2) необходимости внесения сведений в публичные реестры; 3) противоречия решения третейского суда публичному порядку или рассмотрения третейским судом спора, который не мог быть передан в арбитраж. Возникают вполне разумные вопросы: есть ли смысл в исключаящем соглашении, если оно не гарантирует отказа в принятии заявления о возражениях против решения третейского суда или прекращения производства по делу компетентным судом? Действительно ли окончательное решение третейского суда окончательно? И нужны ли такие сложности гражданскому обороту и судебной правовой политике?

Проблема контроля со стороны компетентного суда встает еще более остро, если сравнивать возможность заявления возражений против признания решений, вынесенных в рамках арбитража с местом рассмотрения споров в пределах России и за ее пределами. Представим себе ситуацию, в которой стороны институционального арбитража достигли соглашения об окончательности решения третейского суда. Если иск рассмотрен иностранным арбитражем, сторона вправе обратиться в компетентный суд с заявлением о возражениях против решения третейского суда (контрэкзекватура), а если такое решение является результатом арбитража внутренних споров или международного коммерческого арбитража с местом рассмотрения на территории России – соответствующее право не предусмотрено (кроме трех указанных выше изъятий). Отсутствие нормативно закрепленного права на подачу такого заявления должно привести к отказу в его принятии (п. 1 ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ) или прекращению производства по делу (п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, абз. 2 ст. 220 ГПК РФ).

Законодательство устанавливает возможность заявления возражений против признания иностранного арбитражного решения (п. 3 ст. 35 Закона о

МКА, ст. 245.1 АПК РФ, ст. 413 ГПК РФ), а в отношении решений третейского суда с местом арбитража на территории РФ подобные нормы в процессуальном законе отсутствуют.

Иными словами, для решений, являющихся результатом арбитража внутренних споров, и решений международного коммерческого арбитража с местом рассмотрения споров на территории России легально предусмотрены две процедуры контроля со стороны компетентного суда: 1) процедура оспаривания решения; 2) процедура выдачи исполнительного листа для его принудительного исполнения. А для решений международного коммерческого арбитража, вынесенных за пределами России, отечественный закон устанавливает три процедуры контроля: 1) оспаривание по месту арбитража; 2) признание и приведение в исполнение по месту исполнения; 3) возражения против признания решений, не требующих принудительного исполнения.

Открытым остается вопрос, является ли закрепление процедуры заявления возражений⁴⁰⁴ исключительной гарантией судебной защиты от принятых иностранных судебных и арбитражных решений или институт возражений (контрэкзекватуры) может быть применен и к арбитражу с местом рассмотрения споров на территории России. Отсутствие аналогичных норм в гл. 30 АПК РФ и разд. VI ГПК РФ нельзя считать квалифицированным молчанием законодателя, это явное упущение в процессе нормотворчества. Для обеспечения соблюдения законности и равенства участников правоотношений необходимо исходить из генеральной возможности оспаривания решения третейского суда, вынесенного как при арбитраже внутренних споров, так и в международном коммерческом арбитраже с местом разбирательства на территории России. Таким образом, налицо пробел в правовом регулировании.

Полагаем, что право на судебную защиту в толковании, содержащемся в упомянутом определении Конституционного Суда РФ от 1.06.2010 г. № 754-О-О, предполагает объективную необходимость сохранения

⁴⁰⁴ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона „О саморегулируемых организациях“ в связи с принятием Федерального закона „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 29.

судебного контроля даже в том случае, когда стороны прибегают к альтернативным формам разрешения споров. Пусть этот контроль будет ограниченным, но он должен сохраняться, иначе возникнет слишком высокий риск отказа от права на судебную защиту под видом применения альтернативной юрисдикционной процедуры, что недопустимо.

Указанные процедуры контроля со стороны компетентного суда (оспаривание, экзекватура и контрэкзекватура) едины по своей природе, предмету доказывания и границам проверки решения третейского суда, поэтому хотя бы одна из них должна быть применима к любому окончательному решению третейского суда, что обеспечит соблюдение принципа равенства и исключит неопределенность при установлении нарушений публичного порядка в конкретном деле. Поэтому необходимо закрепить возможность принесения возражений против признания решений третейского суда, вынесенных по искам о признании или преобразовании, не требующих принудительного исполнения.

Поскольку сегодня соответствующие нормы о возражениях против признания окончательных арбитражных решений, не требующих принудительного исполнения, законом не предусмотрены, пробел может быть устранен за счет применения по аналогии процессуального закона правил ст. 245.1 АПК РФ и ст. 413 ГПК РФ. Несмотря на недостаточно четкую регламентацию процедуры рассмотрения таких возражений, базовые элементы ее процессуальной формы ясны: основания для отказа в признании решения третейского суда, проведение судебного заседания с извещением сторон в условиях состязательности⁴⁰⁵.

Прежде чем ставить вопрос о целесообразности упразднения института исключающего соглашения, следует оценить его публично-правовое значение. С одной стороны, нормативно предусмотренная возможность заключения исключающего соглашения является критерием доверия публичной власти к институту третейского разбирательства как эффективной форме общественной юрисдикции. Исключающее соглашение, по сути, апогей свободы договора в третейском разбирательстве, через него

⁴⁰⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.06.2020 г. № 305-ЭС19-24914 по делу № А40-144535/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

реализуется автономия воли и частная природа этой юрисдикционной процедуры. А игнорирование правил об окончательности решения третейского суда, существование механизмов контроля со стороны государства по отношению к третейскому разбирательству, по образному выражению С. А. Курочкина, делают арбитраж не исключительной, а первой юрисдикционной процедурой на пути к судебной защите⁴⁰⁶. Между тем, третейское разбирательство как признаваемая форма альтернативного разрешения споров призвана обеспечивать реализацию гарантированное Конституцией РФ право на защиту и восстановление нарушенных прав субъектов частных правоотношений. Контроль судебной власти за актами, подлежащими исполнению, выступает важным элементом права на судебную защиту, обеспечивается международными процессуальными стандартами. Право на судебную защиту гарантируется не просто за счет возможности обращения в суд первой инстанции по правилам компетенции, но и за счет инстанционного порядка устранения судебных ошибок и внеинстанционного контроля. Даже для государственных юрисдикционных процедур характерно ограничение оснований для отмены или изменения судебных актов в инстанционном порядке: чем выше инстанция, тем специфичнее должно быть выявляемое ей нарушение, допущенное нижестоящими судами⁴⁰⁷, что обусловлено реализацией принципа правовой определенности.

Компетентный суд в процедурах контроля не касается вопросов обоснованности решения третейского суда, а проверяет лишь отдельные аспекты законности этого акта. Заявление о контроле рассматривается компетентным судом в сжатые сроки, а выносимое определение вступает в законную силу немедленно. Поэтому если право на устранение судебной ошибки трактуется как имманентный элемент права на судебную защиту, едва ли стоит отказываться от сохранения концепции общего судебного контроля применительно к любому решению третейского суда.

Выявленная проблема, связанная с ограничением права на судебную защиту, ставит вопрос о необходимости отказа от права заключения

⁴⁰⁶ Курочкин С. А. Теоретические основы контроля за решениями третейских судов и международных коммерческих арбитражей // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 4. С. 47.

⁴⁰⁷ Терехова Л. А. Система пересмотра судебных решений в ГПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 29–51.

соглашения, исключаяющего функции контроля со стороны компетентного суда, но только в арбитраже внутренних споров. Концепция делокализации арбитража объясняет допустимость исключаяющего соглашения в спорах, решение по которым будет исполняться или признаваться на территории иного государства. Поэтому в международном коммерческом арбитраже целесообразно существование прямых исключаяющих соглашений⁴⁰⁸.

§ 4. ПРОТИВОРЕЧИЕ АРБИТРАЖНОГО РЕШЕНИЯ ПУБЛИЧНОМУ ПОРЯДКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОСНОВАНИЕ К ОТМЕНЕ ИЛИ ОТКАЗУ В ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ИСПОЛНЕНИИ

По замечанию О. Ю. Скворцова, в новейшей истории российского права Конституционный Суд тогда обращается к проблематике третейского разбирательства, «когда в практике государственных судов появляется разрушительное для третейских судов начало, оформляющееся в виде определенного рода идеологии, опирающейся прежде всего на восприятие арбитражными судами и судами общей юрисдикции публичного порядка через призму необходимости защиты государственного интереса, понимаемого зачастую весьма упрощенно»⁴⁰⁹.

За 2023- 2024 годы Конституционный Суд РФ четыре раза обращался к проблематике противоречия публичному порядку Российской Федерации в арбитраже, что свидетельствует о необоснованно частом обращении отечественными судами к данной правовой категории. Исходя из системного толкования процессуальных кодексов и норм Закона об арбитраже, противоречие защищаемого интереса публичному порядку приведет к невозможности принудительного исполнения арбитражного решения или к его отмене в порядке контроля со стороны компетентного суда.

Легального понятия публичного порядка, как известно, нет. Даже исходя из отраженного в тексте Постановления КС РФ № 46-П от 3.10.2023 г.

⁴⁰⁸ Курносов А. А. Судебный контроль окончательных арбитражных решений, не требующих принудительного исполнения // Российский юридический журнал. 2023. № 3(150). С. 113-118.

⁴⁰⁹ Скворцов О. Ю. Конституционный Суд: идеология практики, касающейся третейских судов (постепенное продвижение либеральных идей, основанное на консервативном противостоянии радикализму судебной практики) // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 58

анализа видно, что в качестве основополагающих принципов отечественного правопорядка выделяется недопустимость создания видимости спора и получения формальных оснований для регистрации прав на недвижимость в обход предписаний закона, недопустимость достижения результата обманным или заведомо недобросовестным путем, недопустимость передачи в третейское разбирательство споров о правах лиц, не желающих быть участниками арбитражного соглашения. Несомненно, категория «основополагающие принципы российского права» изначально predetermined высокой степенью обобщенности отношений, которые регулируются на основе этих принципов, и потому сама по себе не может рассматриваться как недопустимый отход от принципа правовой определенности⁴¹⁰. Сами принципы российского права, при этом, могут быть нормативно определены, а также могут вытекать из смысла правовых норм, устанавливаться в процессе правоприменения. Таким образом, публичный порядок Российской Федерации, основополагающие принципы российского права - это в известной степени «каучуковое» ограничение, часто применяемое для нужд оправдания патерналистской позиции в конкретном деле. При этом существуют две взаимосвязанные составляющие публичного порядка: процессуальная (*procedural public order*) и материальная (*substantial public order*)⁴¹¹. В литературе зачастую обращается внимание на то, что под нарушением публичного порядка понимается именно нарушение принципов третейского разбирательства⁴¹², процедурных правил рассмотрения дела⁴¹³, а не правильность соблюдения норм материального права. Тем не менее, даже из текста Постановления КС РФ № 46-П от 3.10.2023 г. очевиден более серьезный потенциал данной категории, она много шире лишь процедурных основ третейского разбирательства. Взять хоть нарушение принципа

⁴¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2014 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона "О некоммерческих организациях" в связи с жалобой открытого акционерного общества "Сбербанк России"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 1.

⁴¹¹ Молчанов В. В. Противоречие публичному порядку Российской Федерации как основание для отмены решения третейского суда и отказа в выдаче исполнительного листа // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 5. С. 145

⁴¹² Дегтярев С.Л. Проверка нарушения публичного порядка в решениях арбитражей (третейских судов) судами общей юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 9. С. 64 - 65

⁴¹³ Долова М.О., Сеницын С.А. Пределы проверки решения третейского суда на предмет его противоречия публичному порядку Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 60

законности или добросовестности (раскрываемого Конституционным Судом РФ в том числе через призму ст. 169 ГК РФ о ничтожности сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности).

В соответствии с п. 51 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г. под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации. Пленум ВС РФ в указанном пункте постановления обращает внимание на то, что нарушение публичного порядка как соответствующее основание для отказа в приведении в исполнение или отмены третейского решения должно применяться в исключительных случаях, при установлении последствий в виде нанесения ущерба суверенитету или безопасности государства, затрагивать интересы больших социальных групп либо нарушении конституционных прав и свобод физических или юридических лиц. Применение такого основания к отмене, отказу в признании и принудительном исполнении третейского решения имеет, как указывает Пленум ВС РФ, экстраординарный характер. Хотя повторимся, это основание способно стать универсальным едва ли не в любой ситуации и заблокировать эффекты обязательности и окончательности третейского решения.

А. А. Шулаков, анализируя доктрину Ф. К. Савиньи, отмечает, что ценность правил о публичном правопорядке сводится к двум группам факторов: обеспечение целей публичного блага политического, социального или экономического характера за счет применения специальных строго позитивных норм, а также исключение применения неизвестных или строго аморальных правил и институтов⁴¹⁴. При этом очевидно не все сверхимперативные нормы достигают уровня публичного порядка, поскольку последний должен защищать фундаментальные ценности конкретного общества⁴¹⁵. Представляется, такое концептуальное восприятие

⁴¹⁴ Шулаков А. А. Позитивная оговорка о публичном порядке - основа защиты конституционно значимых ценностей государства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 9(109). С. 130.

⁴¹⁵ Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж: монография. 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Статут, 2021. С. 325

публичного порядка приемлемо не только для международного частного права или процесса, но и в третейском разбирательстве.

Излишне широкое представление о содержании принципов материального и процессуального права, составляющих публичный порядок Российской Федерации, может негативно сказаться на становлении и развитии арбитражной юрисдикции в стране. В современных условиях изменения правовой политики, кардинального слома парадигмы правопорядка говорить о стабильности даже основополагающих принципов не приходится. Ценность третейского разбирательства как альтернативной формы разрешения частноправового спора predetermined, в первую очередь, его наднациональным характером, возможностью удобного и эффективного разрешения частноправового спора, в том числе осложненного иностранными элементами. Признавая допустимость такой альтернативной формы разрешения спора, государство должно обеспечить реализацию эффективного механизма экзекватуры, в отсутствие которого о популяризации рассматриваемого института гражданского общества говорить невозможно.

Как было сказано выше, сегодня критерии противоречия публичному порядку не определены, соответствующая доктрина требует глубокой проработки с целью выявления границ основополагающих принципов российского права. Не вызывает сомнений, что основы правопорядка должны составлять и материально-правовые, и процессуально-правовые принципы, равно как и нельзя ограничиваться конкретной отраслью права. Будучи фундаментом всего правопорядка, обладая характеристиками высшей императивности, принципы права должны быть в действительности незыблемыми, но в условиях перманентного и кардинального изменения правового регулирования, к сожалению, в России меняется и содержание принципов права. Указанное приводит к увеличению рисков в процедурах принудительного исполнения арбитражных решений, к ограничению компетенции третейских судов, к снижению эффективности третейского разбирательства. Как следствие, инвестиционная привлекательность России в

условиях трудно прогнозируемых рисков при процедуре экзекватуры⁴¹⁶ явно не повышается. В этой связи требуется формирование доктрины публичного правопорядка с целью определения сферы допуска альтернативных юрисдикционных процедур в целом и компетенции арбитража в частности⁴¹⁷.

Противоречие арбитражного решения публичному порядку Российской Федерации в силу ч. 4 ст. 426 ГПК РФ и ч. 1 ст. 244 АПК РФ проверяется компетентными судами вне зависимости от доводов заинтересованных лиц (*ex officio*) и является основанием для отказа в признании или принудительном исполнении такого акта. В виду отсутствия четкого понимания содержания категории противоречия публичному порядку процессуалистами осуществляется систематизация правоприменительных подходов по данному вопросу⁴¹⁸, однако, как справедливо указывает В. В. Молчанов, определить объективные границы публичного порядка, включающего в себя все принципы права в своей совокупности и сущностном единстве, невозможно⁴¹⁹.

В Постановлении № 18-П от 16.04.2024 г. Конституционный Суд РФ обозначил следующие нарушения, свидетельствующие о противоречии публичному порядку Российской Федерации:

1. Арбитражное решение посягает на основополагающие принципы регулирования материально-правовых и процессуальных правоотношений.
2. Решение принято о правах лиц, не привлеченных к участию в деле, и не давших согласие на участие в нем.
3. Недобросовестность сторон третейского разбирательства, заключающаяся в игнорировании интересов третьих лиц или создании видимости частноправового спора, злоупотребление правом⁴²⁰.

⁴¹⁶ Звягина Н. С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2023. С. 138.

⁴¹⁷ Трезубов Е. С., Курносое А. А. Базовые проблемы третейского разбирательства в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П // Третейский суд. 2023. № 1/2(133/134). С. 131-133.

⁴¹⁸ См. например: Кудрявцева Е. В., Курочкин С. А. Нарушение публичного порядка как основание отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в странах ЕАЭС // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 5. С. 238 – 239.

⁴¹⁹ Молчанов В. В. Противоречие публичному порядку Российской Федерации как основание для отмены решения третейского суда и отказа в выдаче исполнительного листа // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 5. С. 147 - 148.

⁴²⁰ В указанном Постановлении Конституционный Суд прямо включил принцип добросовестности в состав компонентов публичного порядка, выявленных на основе норм Конституции. Недобросовестность

4. Решение третейского суда нарушает права и свободы человека и гражданина, противоречит основам конституционного строя Российской Федерации.

5. Решение третейского суда противоречит принципу законности и способствует легализации нарушений императивных норм, в том числе, если закон устанавливает ничтожность определенного поведения, санкционируемого третейским судом.

6. Такое решение не могло бы в системе действующего регулирования и устоявшейся практики применения законодательства быть принято при рассмотрении дела государственным судом. Т.е. решение противоречит такому компоненту принципа правовой определенности как единообразие в применении и толковании норм права⁴²¹.

Очевидно, что в Постановлениях № 46-П от 3.10.2023 г. и № 18-П от 16.04.2024 г. Конституционным Судом сформирована более широкая правовая позиция, нежели в п. 51 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 г., учитывающая основные векторы формирования правоприменительной практики. Несмотря на то что в п. 5 Постановления № 46-П от 3.10.2023 г. Конституционным Судом до уровня публичного порядка (основ правопорядка) возведены лишь основополагающие принципы регулирования материально-правовых и процессуально-правовых отношений, налицо более широкая трактовка рассматриваемой категории.

В Постановлении № 18-П от 16.04.2024 г. Конституционный Суд, как представляется, сформулировал более четкую позицию относительно соответствия решений третейских судов требованиям публичного порядка, проверяемого в процедурах контроля компетентными судами. Третейское решение будет признано соответствующим публичному порядку лишь в случае, если оно фактически аналогично решению государственного суда, вынесенному по такому же делу. Стороны в третейском разбирательстве должны обладать объемом процессуальных прав и гарантий, который не уступает таковым в государственных юрисдикционных процедурах.

характеризуется поведением, направленным на обход закона, сознательным игнорированием его требований, а также созданием видимости права или спора с целью извлечения выгоды из такого поведения.

⁴²¹ Трезубов Е. С. Если арбитраж ad hoc осуществляется, значит – это кому-то нужно? // Третейский суд. 2023. № 3/4. С 96-97.

Применение материального права должно осуществляться с учетом правовых позиций высших судебных органов, сложившихся подходов в правоприменительной практике и иных аналогичных факторов. Это подчеркивает необходимость соблюдения стандартов правовой определенности в ходе третейского разбирательства⁴²².

В цивилистическом процессе принцип правовой определенности проявляется в двух аспектах: предсказуемость правоприменения и неизменность судебного решения, вступившего в законную силу (*res judicata*)⁴²³. Принцип правовой определенности, хотя и не закреплен в отечественном законодательстве, признается в качестве универсального наднационального принципа⁴²⁴, рассматривается как компонент более широкого принципа верховенства права⁴²⁵. В практике Конституционного Суда РФ правовая определенность раскрывается как возможность участников гражданских правоотношений прогнозировать последствия своего поведения и быть уверенными в стабильности признанного судом статуса, приобретенных прав и обязанностей⁴²⁶. Отсюда вытекает включение в содержание принципа правовой определенности равенства всех перед законом и судом, а также единообразие понимания и интерпретации правовых норм всеми субъектами правоприменения⁴²⁷.

Правовая определенность находится в прямой взаимосвязи с принципом законности, который также считается компонентом публичного

⁴²² Там же. С 98.

⁴²³ Принципы частного права: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, В. В. Кваниной, М. С. Сагандыкова – М.: Проспект, 2018. С. 313.

⁴²⁴ Рехтина И. В. Правовая определенность и ее обеспечение в гражданском судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2021. С. 148.

⁴²⁵ Энтин К. В. Правовая определенность как общий принцип права Европейского союза и Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2023. № 1. С. 43.

⁴²⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 11.11.2008 г. № 556-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 6.

⁴²⁷ Трезубов Е. С. Если арбитраж *ad hoc* осуществляется, значит – это кому-то нужно? // Третейский суд. 2023. № 3/4. С 96 – 98.

порядка Российской Федерации⁴²⁸, что подтверждается и в практике высших судебных органов⁴²⁹.

Как отмечает Н. С. Звягина, правило добросовестного осуществления процессуальных прав является универсальным, подлежащим применению, в том числе, и в третейском разбирательстве, как основанной на сотрудничестве и автономии воли процедуре⁴³⁰. Принцип добросовестности, как отмечает К. В. Нам, призван служить тому, чтобы в каждом конкретном случае правовой результат соответствовал известным или подразумеваемым целям правового регулирования, но в виду многообразия правоотношений сформулировать содержание принципа как конкретного правового инструмента невозможно⁴³¹.

Определяя принцип добросовестности как один из компонентов публичного порядка Российской Федерации, возводя его в ранг конституционных принципов и распространяя его на все сферы общественных отношений, Конституционный Суд РФ в Постановлении № 18-П от 16.04.2024 г., несомненно, расширяет полномочия компетентных судов *ex officio* в делах о содействии и контроле в отношении третейского разбирательства⁴³². Дело в том, что включение в категорию сверхимперативных начал правопорядка оценочных характеристик предопределяет необходимость со стороны компетентного суда уделять особое внимание материалам дела, в том числе, по сути, оценивать доказательства, повторно устанавливать обстоятельства арбитражного дела в рамках реализации функций контроля по отношению к третейскому

⁴²⁸ Кудрявцева Е. В., Курочкин С. А. Нарушение публичного порядка как основание отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в странах ЕАЭС // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 5. С. 234.

⁴²⁹ См. например: Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2007. № 31; Постановление Президиума ВАС РФ от 08.12.2009 г. № 12523/09 по делу № А40-18740/09-69-214 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Президиума ВАС РФ от 05.02.2013 г. № 11606/12 по делу № А72-1244/2011 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴³⁰ Звягина Н. С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве: монография – М.: Проспект, 2024. С. 99.

⁴³¹ Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. – М.: Статут, 2019. С. 266.

⁴³² Самсонов Н.В., Демьяненко Е.В. О пределах судебного контроля в отношении третейских судов (арбитражей) в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2024 г. № 18-П // Вестник гражданского процесса. 2024. № 3. С. 245.

разбирательству. Несмотря на требование Конституционного Суда РФ в каждом деле о выполнении компетентными судами функций контроля в отношении третейского разбирательства исчерпывающим образом обосновывать нарушение публичного порядка, нет уверенности, что все правоприменительные органы в состоянии будут воспринять проарбитражный подход высшего органа конституционного контроля.

С. А. Курочкин обоснованно отмечает, что при рассмотрении дел об экзекватуре или оспаривании третейских решений компетентным судам, с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ, высказанных в Постановлениях № 46-П от 3.10.2023 г. и № 18-П от 16.04.2024 г., придется, по сути, заново рассматривать дело, переоценивать установленные обстоятельства, пересматривать арбитражное решение по существу⁴³³, становясь «апелляционной инстанцией». Иначе сделать вывод о том, что решение третейского суда не принято в обход закона, сторонами разбирательства не создана имитация спора, решение принято в соответствии со стандартами правовой определенности, просто невозможно – данные признаки выводятся из обстоятельств конкретного дела. Цитируемый ученый отмечает, что в Постановлении № 18-П от 16.04.2024 г. Конституционный Суд РФ недвусмысленно сформулировал позицию о том, что законность как общеправовой принцип становится ориентиром для проверки решений третейских судов, а также выступает основой их деятельности. Арбитраж должен выступать санкционированной государством формой правоприменительной деятельности, а не форумом для разрешения споров «по справедливости», в отрыве от применимого права⁴³⁴. С этим мнением соглашается Е. С. Трезубов, указывающий, что позиции, сформированные Конституционным Судом в указанном Постановлении, свидетельствуют о необходимости применения стандартов правовой определенности в третейском разбирательстве, фактически обязывают арбитров следовать подходам, сформированным в судебной практике государства по месту

⁴³³ Курочкин С.А. Новый вектор развития арбитража в России: *actum ut supra* // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 89.

⁴³⁴ Курочкин С.А. Огосударствление арбитража: быть или не быть // Третейский суд. 2023. № 3/4. С. 79.

рассмотрения спора или исполнения третейского решения⁴³⁵. Третейское решение лишь тогда будет отвечать критериям публичного порядка Российской Федерации, когда будет соответствовать, по сути, судебному акту, выносимому государственным судом по такому же спору.

А. И. Минина предлагает осуществлять проверку критериев противоречия публичному порядку (в формулировке автора «нарушения норм публичного права государства, где будет испрашиваться исполнение») на этапе признания и исполнения арбитражного решения⁴³⁶. Между тем, такое предложение не отвечает критериям эффективности третейской формы защиты, способствует избыточной загрузке судебной системы. Недопущение противоречия третейского разбирательства публичному порядку государства признания и исполнения третейского решения должно входить в обязанность состава арбитров как обязательных участников процессуальных правоотношений, реализующих юрисдикционные полномочия. Еще в период рассмотрения спора арбитры должны обеспечить соответствие процедуры и будущего решения требованиям публичного порядка страны исполнения соответствующего акта. Эффективность третейской формы защиты права, как представляется, не может быть основана исключительно на обязанности сторон добровольно исполнить вынесенное решение. Несомненно, выбирая арбитра, влияя на выбор подлежащего применению права, устанавливая особенности рассмотрения спора третейским судом, стороны должны принимать на себя риски «неидеального» третейского решения (не соответствующего таковому, если бы оно было вынесено государственным судом). Но этот тезис утрачивает всякий смысл, как только стороны столкнутся с необходимостью исполнения решения в принудительном порядке. Без механизма государственного принуждения юрисдикционный орган едва ли должен существовать. Без принятия превентивных мер недопущения противоречия публичному порядку еще при рассмотрении иска третейским судом будет утрачена ценность такой формы альтернативного

⁴³⁵ Трезубов Е. С. Если арбитраж *ad hoc* осуществляется, значит – это кому-то нужно? // Третейский суд. 2023. № 3/4. С. 98-99

⁴³⁶ Минина А. И. Понятие и виды арбитрабельности в теории и практике международного коммерческого арбитража: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013 С. 26

разрешения споров. Таким образом, сама третейская процессуальная форма должна соответствовать публичному порядку.

Публичный интерес сам по себе не исключает компетенцию третейского суда, поскольку не свидетельствует о нарушении арбитрами, рассматривающими такой спор, публичного порядка⁴³⁷. Однако отождествлять, и даже просто совместно рассматривать категории публичного порядка и публичного интереса нельзя. Противоречие публичному порядку – категория, исключающая возможность существования третейского решения в территориальных границах соответствующего государства, исключающая качества юридической силы арбитражного решения. Публичный порядок настолько фундаментальная правовая категория, что в случае противоречия ему третейское решение по своей сути должно признаваться «ничтожным», не порождающим каких-либо правовых последствий, вне зависимости от того, осуществлялись ли компетентным судом функции контроля. В этом смысле противоречие публичному порядку исключает и компетенцию третейского суда, и возможность исполнения третейского решения. Наличие же публичного интереса предопределяет сомнения в арбитрабельности спора. Но этот интерес должен быть конкретным, основанным на законе.

Отдельное внимание необходимо уделить проблеме *объективной и субъективной беспристрастности арбитров* как возможном признаке противоречия публичному порядку. В общемировой практике международного коммерческого арбитража наибольшее распространение получила концепция субъективной беспристрастности арбитров, заключающаяся в отсутствии какой-либо подконтрольности или тесной связи арбитра со стороной спора, даже будучи назначенным стороной, арбитр должен быть от нее независим, не может быть «марионеткой»⁴³⁸. Сформировавшаяся в России концепция объективной беспристрастности, сформированная в правоприменительной практике ВАС РФ⁴³⁹ и

⁴³⁷ Косцов В. Н. Арбитрабельность споров и полномочия арбитров: соотношение материального и процессуального права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 6. С. 104.

⁴³⁸ Andrews N. Arbitration and Contract Law. Common Law Perspectives - Springer International Publishing Switzerland, 2016. Pp. 103-106.

⁴³⁹ См. например: Постановление Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 16541/11 по делу № А50-5130/2011 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9; Постановление Президиума ВАС РФ от 16.07.2013 № 1567/13 по делу № А56-48511/2012 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12.

нижестоящих арбитражных судов, не закреплённая изначально на нормативном уровне, предполагает запрет на рассмотрение третейским судом спора с участием стороны, в той или иной мере аффилированной с соответствующим учреждением⁴⁴⁰. Подходы Президиума ВАС РФ нашли свое закрепление в нормах ст. 46 Закона об арбитраже, не допускающей ситуацию конфликта интересов через сочетание стандартов объективной беспристрастности ПДАУ и субъективной беспристрастности арбитров. Принципиального запрета лицу, создавшему ПДАУ, либо связанному с ним, обращаться в третейское разбирательство, администрируемое таким институциональным центром, закон не содержит (с учетом нормы ч. 4 ст. 46 ФЗ об арбитраже), а само наличие правил, не допускающих конфликта интересов в арбитраже, должно нивелировать проблему объективной беспристрастности в отечественном третейском разбирательстве⁴⁴¹. Несмотря на то что несоответствие состава третейского суда требованиям закона или соглашения сторон является основанием к отмене третейского решения или отказу в его исполнении только в случае, когда сторона ссылается на данное основание (т.е. основание применяется в заявительном порядке, а не *ex officio*), в правоприменительной практике сформировался устойчивый подход, в соответствии с которым в нарушение ч. 3 ст. 233 АПК РФ, ч. 3 ст. 421 ГПК РФ такие обстоятельства рассматриваются как свидетельствующие о противоречии публичному порядку Российской Федерации. Наиболее остро проблема беспристрастности арбитров и арбитражных центров сегодня ощущается в условиях санкционных ограничений и распространения недружественных действий в отношении Российской Федерации, ее граждан, а также организаций, зарегистрированных и осуществляющих свою деятельность на территории России. Недружественные действия зарубежных организаций не обходят стороной и третейское разбирательство, которое, казалось бы, должно быть вне политики.

⁴⁴⁰ Гальперин М. Л. Нужна ли третейскому суду объективная беспристрастность? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 3. С. 5.

⁴⁴¹ Севастьянов Г.В. Действительность арбитражного соглашения с учетом концепции объективной беспристрастности третейского суда и положений Закона о закупках // Третейский суд. 2022. № 2/3. С. 11-12.

В Определении № 304-ЭС24-2799 от 26.07.2024 г. Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ⁴⁴² сформулировала позицию о противоречии публичному порядку Российской Федерации обстоятельств, свидетельствующих:

1. О нарушении принципа соразмерности гражданско-правовой ответственности, предполагающего восстановление нарушенного права, но не обогащение в результате защиты нарушенного (оспоренного) права.
2. О нарушении принципа объективности и беспристрастности арбитров.
3. О нарушении права стороны третейского разбирательства на защиту.

В соответствии с материалами дела № А45-19015/2023 немецкая организация, являвшаяся истцом в деле, рассмотренном институциональным третейским центром в Лондоне (созданном при Федерации ассоциаций торговли масличными культурами, семенами и жирами (FOSFA)), обратилась в Арбитражный суд Новосибирской области с заявлением о признании и приведении в исполнение решения иностранного институционального третейского суда, которым с российского хозяйственного общества взысканы убытки в связи с нарушением ответчиком обязательств по поставке сельскохозяйственной продукции. Решением международного коммерческого арбитража удовлетворены требования истца, с ответчика взыскана сумма убытков, составляющая разницу между ценой заключенного договора и рыночной ценой товара на момент нарушения обязательства должником, по которой кредитор мог бы приобрести аналогичный товар. В соответствии с применимым к контракту правом Великобритании такие «абстрактные убытки» подпадают, как отражено в тексте судебных актов по делу, под формулировку о пределах ответственности, указанную сторонами в договоре поставки: «...когда одной из сторон не выполняются договорные обязательства, другая сторона имеет право на получение прямых убытков (не полученная прибыль не включается)...». Между тем, в условиях незаключения истцом замещающих сделок, непредставления доказательств несения фактических расходов на восстановление нарушенного права, и

⁴⁴² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 304-ЭС24-2799 от 26.07.2024 г. по делу № А45-19015/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

невозможности ответчиком исполнить обязательство в срок по причине обстоятельств непреодолимой силы (факт засухи в юридически значимый период, приведшей к гибели урожая, подтвержден постановлением Правительства Новосибирской области), Верховный Суд РФ констатировал в данном деле нарушение стандартов справедливой ответственности, не согласившись с судами первой и кассационной инстанции. По сути, в основу вывода о противоречии публичному порядку Российской Федерации решения иностранного арбитража положена природа убытков в соответствии со ст. 15 ГК РФ, включающих в себя реальный ущерб и упущенную выгоду, поскольку судами в рамках комментируемого дела не установлено содержание норм иностранного права (Закона Англии «О купле-продаже» 1979 года), СКЭС ВС РФ распространила общую логику российского права о составе убытков и на спорное правоотношение. Такой подход нельзя назвать безупречным, поскольку Верховный Суд РФ указывает на необходимость по существу рассмотреть дело, игнорируя третейское решение, а кроме того, категория абстрактных убытков знакома и российскому праву, предусмотрена п. 3 ст. 524 ГК РФ, устанавливающим правила исчисления убытков продавца при расторжении договора поставки в связи с нарушением обязательств поставщиком в условиях, когда замещающая сделка не заключалась. Как указывает В. В. Байбак, цель возмещения абстрактных убытков состоит в том, чтобы поставить кредитора в положение, максимально близкое тому, в котором он находился бы, если бы договор был исполнен надлежащим образом, и сделать это упрощенным способом. И подобный абстрактный метод расчетов применяется многими правопорядками⁴⁴³.

Два других тезиса, сформулированные в Определении СКЭС ВС РФ от 26.07.2024 г. № 304-ЭС24-2799, обращают на себя пристальное внимание в современных условиях. Так, спор иностранным арбитражем был рассмотрен в период с 14.04.2021 г. по 16.11.2022 г., при этом окончательный состав арбитров был сформирован 7.12.2021 г. В деле об экзекватуре российское хозяйственное общество ссылалось на то, что оно было ограничено в

⁴⁴³ Байбак В.В. Возмещение убытков при прекращении договора и вина кредитора // Вестник гражданского права. 2016. № 4. С. 126

возможности участия в арбитраже из-за невозможности ведения расчетов (оплаты третейских сборов, услуг иностранных юристов) в период введения санкций (в отношении России, а не персональных) со стороны Великобритании. А также указывало, что состав арбитров не отвечал критериям беспристрастности и был сформирован в нарушение регламента. В данном деле арбитрами выступили граждане (подданные) Украины, Великобритании, Дании, двое из которых также состоят в отношениях подчинения в рамках организации, учредившей третейский центр. Несмотря на доводы российского хозяйственного общества, СКЭС ВС РФ в указанном определении сформулировал позицию о том, что отсутствие беспристрастности и объективности при рассмотрении спора в Арбитраже FOSFA таким составом судей (граждан и подданных государств, признанных в Российской Федерации недружественными) презюмируется, пока нет данных, указывающих обратное. Такая логика экстраполируется на любой третейский центр, функционирующий на территории государств, признаваемых в настоящий период недружественными, а также на любых арбитров, назначенных вопреки воле российской стороны спора. М. Л. Гальперин сравнил такую опасную презумпцию с предрекаемым в советский период выводом о политической неблагонадежности человека, формулируемом на основе «пятой графы» паспорта и иных документов. Разумеется, такая презумпция может привести к тому, что международный коммерческий арбитраж будет рассматриваться как политический, а не частный юрисдикционный процесс⁴⁴⁴. Как представляется, применение таких подходов опасно, ограничивает возможности для российских предпринимателей, не включенных в какие-либо санкционные списки, участвовать в международной экономической деятельности. Между тем, в текущей геополитической ситуации такие патерналистские подходы, видимо, неизбежны и являются зеркальными мерами по отношению к ограничениям, устанавливаемым крупными иностранными третейскими центрами в отношении российских коммерсантов и арбитров.

⁴⁴⁴ Гальперин М. Л. Нужна ли международному арбитражу «пятая графа»? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 12. С. 19.

Что же касается третьего тезиса – невозможность стороны спора по внешним объективным причинам осуществлять оплату третейских сборов и расходов, привлекать иностранных юристов, участвовать в судебных заседаниях (из-за блокировки интернет-ресурсов (личных кабинетов стороны спора) или отсутствия транспортного сообщения с местом арбитража), направлять корреспонденцию участвующим в деле лицам и составу арбитров и т.д. и т.п. – в действительности должно рассматриваться как обстоятельство нарушения права на защиту. Поскольку в рассмотренном деле арбитраж проходил большее время в период существования санкций, ограничения возможности осуществления банковских операций со стороны российских кредитных организаций, следует признать, что подобные условия разбирательства противоречат публичному порядку Российской Федерации.

Публичный порядок – одна из самых сложных правовых категорий, содержание которой не вполне ясно, поскольку включает в себя абстрактные категории, раскрываемые в конкретном деле правоприменителем⁴⁴⁵, имеющим едва ли не безграничную дискрецию. Ситуация, при которой суды должны применять в высшей степени абстрактные знания, выводя их самостоятельно, не может отвечать сама по себе критериям правовой определенности. Очевидно, что содержание публичного порядка нужно устанавливать через нормы основного закона, а не через положения отраслевого или специализированного законодательства⁴⁴⁶. Однако в условиях так называемой тенденции «конституционализации» правовых институтов и правоотношений даже такой ориентир не может быть универсальным.

Как мы указывали в первой главе настоящего исследования, третейское разбирательство должно по своему содержанию быть аналогом государственной юрисдикционной формы защиты, гарантируя сторонам ничуть не меньший объем прав, чем классическое судопроизводство в государственных судах. Поэтому устанавливая в каждом конкретном деле

⁴⁴⁵ Соловых С. Ж. Противоречие арбитражного решения общественному порядку Российской Федерации: пореформенный синдром // Право в современном белорусском обществе: Сборник научных трудов / Редколлегия: Н.А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Том Выпуск 17. – Минск: Общество с ограниченной ответственностью «Колорград», 2022. – С. 97.

⁴⁴⁶ Курочкин С. А. Огосударствление арбитража: быть или не быть // Третейский суд. 2023. № 3/4. С. 83.

признаки противоречия публичному порядку Российской Федерации, суды вынужденно будут смотреть на арбитражное решение как будто выполняют функции суда апелляционной инстанции, и смогут привести акт к исполнению или оставить его без изменения лишь в ситуации, когда и сам компетентный суд также рассмотрел бы дело. Поэтому для целей выполнения компетентными судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства рассматривать противоречие арбитражного решения публичному порядку следует через призму правовой определенности, заключающейся в единообразии применения и толкования правовых норм. Решение третейского суда тогда будет соответствовать публичному порядку России, когда процедура его принятия будет отвечать стандартам государственного состязательного цивилистического процесса, а законность и обоснованность третейского решения будет в полной мере отвечать требованиям законности и обоснованности, предъявляемым к решениям государственных судов. В такой ситуации тем более важно, чтобы правила родовой подсудности в гражданском процессе были изменены – заявления об отмене и принудительном исполнении третейского решения должен рассматривать суд, для которого привычна функция проверки решений судов нижестоящих инстанций – то есть как минимум, верховный суд республики, областной, краевой и приравненные к ним суды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог настоящего диссертационного исследования, отметим, что состоявшаяся реформа третейского разбирательства, основанная на консервативной, разрешительной, модели создания институциональных арбитражных учреждений, существенным образом изменила конъюнктуру рынка альтернативных форм разрешения споров в России. Ужесточение контроля при образовании институциональных центров, направленное на создание условий для формирования в стране третейских форумов с общепризнанной в мире высокой репутацией, привело к систематическому обходу ограничений и перерождению «карманных» третейских судов в арбитражи *ad hoc*, действующие на постоянной основе. Нормативные запреты скрытого администрирования и рекламы ситуационного арбитража не приводят к сокращению недобросовестной практики, что предопределяет необходимость продолжения реформирования третейского разбирательства, создания условий недопущения в арбитраж *ad hoc* споров, участниками которых являются граждане, не имеющие статус индивидуального предпринимателя, а также споров, решения по которым предполагают необходимость внесения сведений в публичные реестры.

Формирующиеся на уровне практики Конституционного Суда РФ и актов официального толкования Верховного Суда РФ проарбитражные подходы, поддерживающие идею автономности и значимости третейского разбирательства, подчеркивающие его особую ценность, допускающие передачу в третейский суд частноправового спора, зачастую игнорируются арбитражными судами и судами общей юрисдикции, крайне осторожно относящимися к рассматриваемой альтернативной форме разрешения споров. Как отмечает И. Каса, институт третейского разбирательства всегда зависим от политики государства⁴⁴⁷, поэтому важно продолжать транслировать проарбитражные подходы, обеспечивать эффективность юрисдикционной деятельности третейских судов со стороны компетентных органов.

⁴⁴⁷ Каса И. Правовое регулирование деятельности третейского суда в Российской Федерации и в Швейцарской Конфедерации: сравнительно-правовое исследование: автореферат дис. ... канд. юрид. наук – М., 2018. С. 10

Принято считать, что основной движущей силой развития альтернативных форм разрешения споров является кризис государственной судебной системы⁴⁴⁸. Сегодня остро неэффективность судебной системы любого государства ощущается в случае рассмотрения споров, осложненных иностранными элементами, предполагающих исполнение решения за рубежом. Автономность природы арбитража, универсальность и в то же время гибкость процессуальной формы предопределяет его большую эффективность по сравнению с юрисдикцией государственных судов, возможность исполнения арбитражного решения в большинстве стран мира без существенных сложностей. В то же время эффективность рассмотрения спора третейским судом немыслима без надлежащего, оперативного и доступного выполнения компетентными органами функций содействия и контроля. Государством должно быть обеспечено выполнение функций содействия и контроля по отношению к третейскому разбирательству таким образом, чтобы стороны арбитража могли достичь цели реального восстановления нарушенного права. Особую значимость третейское разбирательство приобретает в условиях санкционной политики иностранных государств в отношении российского бизнеса. Запрет рассмотрения дел с российскими сторонами, отказ в привлечении в состав третейского суда российских арбитров как отражение государственной политики в деятельности крупных иностранных центров международного коммерческого арбитража должен быть использован как условие для качественного развития и формирования общепризнанной репутации российских институциональных арбитражных учреждений. Субъектам экономических правоотношений остро необходим справедливый, беспристрастный, не подверженный политическому давлению третейский суд, способный на началах добровольности и автономии воли рассмотреть дело и принять законное и обоснованное решение. Поэтому текущая геополитическая ситуация должна рассматриваться как создающая условия для развития международного коммерческого арбитража в России, а задача российских компетентных органов – обеспечить эффективность соответствующей юрисдикционной деятельности.

⁴⁴⁸ Стрельцова Е. Г. Приватизация правосудия: монография – М.: Проспект, 2023. С. 33.

Универсальность третейской процессуальной формы и автономность природы арбитража выступают фактором, обособляющим третейское разбирательство от иных альтернативных форм разрешения споров, таких как блокчейн-арбитраж и ODR-процедуры. Для эффективного функционирования последних достаточно создать механизмы самоисполнения решений внутри распределенного реестра или платформы электронной коммерции, но для обеспечения деятельности третейского суда его решение должно предполагать возможность эффективного выполнения функций контроля со стороны компетентного суда.

Высокие репутационные требования к соискателям, обращающимся в Министерство юстиции Российской Федерации с заявлением о выдаче разрешения на администрирование арбитража, этические и профессиональные стандарты деятельности постоянно действующих арбитражных учреждений определяют возможность передачи этим органам полномочий по выполнению функций содействия по вопросам формирования состава арбитров и истребования доказательств. Убеждены, что ПДАУ должны выполнять соответствующие функции по администрированию арбитража даже в случае, когда стороны арбитражного соглашения этого не предусмотрели. Доказанные в диссертации значительные риски не оказания компетентными судами содействия третейскому разбирательству по обозначенным вопросам обуславливают целесообразность предоставления арбитражным учреждениям большей свободы.

Выявленные в ходе настоящего исследования пробелы и коллизии правового регулирования и правоприменения свидетельствуют о необходимости дальнейшей разработки в отечественном праве механизмов третейской формы защиты права и процедур содействия и контроля по отношению к арбитражу.

Признание значимости третейского разбирательства представляет собой результат доверия, принятия обществом полезности и ценности института, согласие с социальной практикой его действия⁴⁴⁹, и на текущий

⁴⁴⁹ Курочкин С. А. Конституционализация третейского разбирательства // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 82.

момент профессиональное юридическое сообщество лишь начинает осознавать реальную значимость арбитража как института гражданского общества и правового государства. Не последнюю роль в популяризации арбитража в России и за рубежом играет деятельность институциональных арбитражных центров и ведущих вузов страны в проведении конкурсов по арбитражу, модельным арбитражным процессам, вызывающих интерес среди студентов: конкурса по международному коммерческому арбитражу имени М. Г. Розенберга, Международного студенческого конкурса «Модель международного коммерческого арбитража», конкурса по арбитражу корпоративных споров имени В. П. Мозолина, Международного студенческого конкурса по третейскому разбирательству (при участии ОООР «СоюзМаш России»), студенческого конкурса по спортивному праву и спортивному арбитражу «Модель НЦСА» (при участии НЦСА), международных конкурсов по арбитражу (например, Конкурс имени В. Виса). Российское арбитражное сообщество демонстрирует принятие целей реформы третейского разбирательства в стране, направленных на формирование высококачественной, признаваемой в мире арбитражной юрисдикции. Поэтому принципиально важно продолжать совершенствовать правовое регулирование, обеспечивать функционирование на профессиональной арене высококвалифицированных арбитров и институциональных центров, устранять репутационные угрозы для самого института третейского разбирательства.

Завершая настоящее исследование, автор убежден в необходимости дальнейшего теоретического осмысления проблем арбитража в отечественном цивилистическом процессе и выполнения компетентными судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства. Думается, что многие проблемы, связанные с теорией и практикой арбитража внутренних споров и международного коммерческого арбитража, станут предметом будущих научных исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Международные акты:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.
2. Европейская Конвенция о внешнеторговом арбитраже (Заключена в г. Женеве 21.04.1961) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 10.
3. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже: принят в Нью-Йорке 21.06.1985 г., с изменениями, принятыми на девятой сессии Комиссии ООН по праву международной торговли в 2006 г. // Доступ из сети Интернет: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/07-87000_ebook.pdf
4. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (Принят в г. Нью-Йорке 25.06.2010 на 43-ей сессии ЮНСИТРАЛ) (пересмотрен в 2021 году) // Доступ из сети Интернет: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/21-07998_ebook_r.pdf
5. Рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития о защите потребителей в электронной коммерции от 24.03.2016 г. // Доступ из сети Интернет: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0422>
6. Технические комментарии ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров в режиме онлайн 2016 г. (приняты на 33-й сессии Рабочей группы III (Урегулирование споров в режиме "онлайн") ЮНСИТРАЛ (Нью-Йорк, 27 июня - 15 июля 2016 г.) // Доступ из сети Интернет: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/17-00384_r_ebook_technical_notes_on_odr.pdf

Нормативные и ненормативные правовые акты Российской Федерации:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
9. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. ст. 1240.
10. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
11. Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.
12. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.
13. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.
14. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения

государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652

15. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

16. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

17. Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона "О саморегулируемых организациях" в связи с принятием Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 29.

18. Федеральный закон от 27.12.2018 № 531-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" и Федеральный закон "О рекламе"» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8457.

19. Федеральный закон от 30.04.2021 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной регистрации недвижимости" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 18. Ст. 3064.

20. Федеральный закон от 25.12.2023 № 667-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 1 (часть I). Ст. 48

21. Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4955.

22. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских

юридических и физических лиц» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

23. Приказ Минюста России от 14.10.2016 г. № 236 «Об утверждении перечня научных специальностей, ученые степени по которым должны иметь не менее одной трети арбитров, включенных в рекомендованный список арбитров постоянно действующего арбитражного учреждения» // Российская газета. 2016. № 242.

24. Приказ Минюста России от 20.03.2019 № 45 «Об утверждении Положения о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

25. Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.

Материалы судебной практики, иные правоприменительные акты:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2007. № 31.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", статьи 28 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 23. Ст. 3356.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2014 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона "О некоммерческих организациях" в связи с жалобой открытого акционерного общества "Сбербанк России"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 1.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона "О государственной регистрации недвижимости" в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 42. Ст. 7596.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.04.2024 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Ю. Колосова» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 18. Ст. 2512.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 11.11.2008 г. № 556-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 6.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 01.06.2010 № 754-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Газпром экспорт" на нарушение конституционных прав и свобод статьей 40 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации", пунктом 1 части 1 статьи 150 и частью 1 статьи 230 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 6.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 12.04.2018 № 865-О "По запросу Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда

Российской Федерации о проверке конституционности положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а также федеральных законов "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц", "О третейских судах в Российской Федерации" и "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Проектно-монтажная компания Сибири" на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 4 и 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации" и статьи 1 Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2860-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Погосовой Ларисы Георгиевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2260-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества "Сургутнефтегазбанк" на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 2 и 5 части 4 статьи 74.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2021 № 2362-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы автономной некоммерческой организации "Центр арбитражного разбирательства" на нарушение ее конституционных прав частями 4 и 6, пунктом 4 части 8, частями 9 и 10 статьи 44 Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

13. Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2024 № 826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла

Петровича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 20 статьи 44 Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2024 № 1218-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части третьей статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. 2010. № 109.

16. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 3.

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса

административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

23. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» (признано не подлежащим применению) // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

24. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах» (признано не подлежащим применению) // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

25. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31.05.1999 № 41 «Обзор практики применения арбитражными судами законодательства, регулирующего особенности налогообложения банков» // Вестник ВАС РФ. 1999. № 7.

26. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 07.07.2004 № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.

27. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 г. № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 3.

28. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5.

29. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 4.

30. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

31. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 № 16541/11 по делу № А50-5130/2011 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9.

32. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.07.2013 № 1567/13 по делу № А56-48511/2012 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12.

33. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.01.2014 № 11535/13 по делу № А40-148581/12, А40-160147/12 // Вестник ВАС. 2014. № 6.

34. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.09.2014 № 305-ЭС14-1207 по делу № А40-147347/2013 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

35. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.07.2017 № 307-ЭС17-640 по делу А56-13914/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

36. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.12.2017 № 310-ЭС17-12469 по делу № А64-906/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

37. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.07.2018 № 305-ЭС17-7240 по делу № А40-165680/2016 // Доступ СПС «КонсультантПлюс».

38. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.01.2019 № 305-ЭС18-24473 по делу № А40-191423/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

39. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.07.2019 по делу № 306-ЭС19-5268 по делу № А57-691/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

40. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.06.2020 № 305-ЭС19-24914 по делу № А40-144535/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

41. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.07.2024 № 304-ЭС24-2799 по делу № А45-19015/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

42. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.01.2017 по делу № А03-14042/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

43. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.02.2018 по делу № А50-28245/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

44. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30.03.2018 по делу № А43-36597/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

45. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.06.2018 по делу № А40-239623/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

46. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.05.2020 по делу № А50-35344/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

47. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.07.2020 по делу № А40-319002/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

48. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.09.2020 по делу № А46-13490/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

49. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2021 по делу № 88а-272/2021 // Доступ СПС «КонсультантПлюс».

50. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2022 по делу № 88-2131/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

51. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.02.2022 по делу № 88-4730/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

52. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 9.08.2022 по делу № А40-31135/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

53. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.09.2022 по делу № А40-32633/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

54. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1.12.2022 по делу № А40-289482/21 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

55. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.02.2023 № 88-7318/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

56. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.06.2023 по делу № А41-84915/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

57. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.10.2023 по делу № 88-27706/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

58. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.11.2023 по делу № 88-26285/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

59. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2023 по делу № 88-24961/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

60. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2024 по делу № 88-11128/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

61. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.07.2024 по делу № 88-21290/2024 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

62. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.07.2024 по делу № А40-50142/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

63. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28.03.2018 по делу № А41-90575/1 // Доступ СПС «КонсультантПлюс».

64. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.12.2019 по делу № 33-56840/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

65. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 05.05.2021 по делу № 33-1489/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

66. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 05.05.2021 по делу 33-1490/ 2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

67. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 05.05.2021 по делу 33-1491/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

68. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 05.05.2021 по делу 33-1493/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

69. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 05.05.2021 по делу 33-1494/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

70. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 05.05.2021 по делу 33-1495/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

71. Апелляционное определение Московского городского суда от 11.05.2022 по делу № 33а-2327/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

72. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 08.09.2022 по делу № 33-20204/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

73. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.06.2023 по делу № 33-30284/2023// Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

74. Апелляционное определение Московского городского суда от 01.08.2023 по делу № 33-31368/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

75. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2023 по делу № А56-1270/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

76. Определение Арбитражного суда Московской области от 19.12.2017 по делу № А41-90575/17 // Доступ из «Картотеки арбитражных дел»: <https://kad.arbitr.ru/>.

77. Определение Арбитражного суда города Москвы от 19.06.2019. по делу № А40-103607/19-141-953 // Доступ из «Картотеки арбитражных дел»: <https://kad.arbitr.ru/>.

78. Определение Арбитражного суда города Москвы от 8.12.2020 по делу № А40-132695/20-3-985 // Доступ из «Картотеки арбитражных дел»: <https://kad.arbitr.ru/>.

79. Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 1.03.2021 по делу № А56-112744/2020 // Доступ из «Картотеки арбитражных дел»: <https://kad.arbitr.ru/>.

80. Определение Новошахтинского районного суда Ростовской области от 3.03.2022 по делу № 2-555/2022 (УИД 61RS0020-01-2022-000438-79) // Доступ из сети Интернет: <https://novoshahtinsky.ros.sudrf.ru/>.

81. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15.05.2023 по делу № А56-1270/2023 // Доступ из «Картотеки арбитражных дел»: <https://kad.arbitr.ru/>.

82. Письмо Минфина России от 29.03.2024 № 03-05-06-03/28654 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

83. Письмо Росреестра от 21.05.2012 № 14-3648-ГЕ «О некоторых вопросах государственной регистрации прав на основании решений третейских судов» // Экономика железных дорог. 2012. № 10

84. Письмо ФНС России от 01.08.2012 № ЕД-4-3/12767@ «О размере государственной пошлины, подлежащей уплате при подаче в суд общей юрисдикции искового заявления о признании права собственности на дом и земельный участок» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

85. Письмо ФАС России от 07.04.2023 № МШ/26277/23 «О третейской оговорке в договорах, заключаемых по результатам конкурентной закупки в соответствии с Законом о закупках» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Учебники, учебные пособия, монографии

1. Абушенко Д. Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография - Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. - 319 с.

2. Ануров В. Н. Компетенция третейского суда: монография: в 3 т. Т. 1: Допустимость иска – М.: Проспект, 2021. - 272 с.

3. Ануров В. Н. Международный инвестиционный арбитраж: вопросы компетенции: учебное пособие для магистров – М.: Проспект, 2020. - 208 с.
4. Бессонова А. И. Признание и исполнение решений международных инвестиционных арбитражей – М.: Статут, 2020. - 224 с.
5. Буянова М. О. Спортивные споры в России и их правовое регулирование. – М.: ООО "Издательство "КноРус", 2022. - 142 с.
6. Гражданский процесс. Учебник. Издание второе, переработанное и дополненное / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота – М.: Проспект, 1999. – 472 с.
7. Гражданское процессуальное право России. В. 2 т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата / С. Ф. Афанасьев [и др.]; под ред. С. Ф. Афанасьева – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. 444 с.
8. Гражданское процессуальное право России: Учебник для вузов / под ред. М. С. Шакарян. – М.: Былина, 1998. - 504 с.
9. Гусев А. М. Права человека и международный коммерческий арбитраж. 2-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. – 176 с.
10. Елисеев Н. Г. Процессуальный договор. - М.: Статут, 2015. 368 с.
11. Зайцев И.М. Процессуальные функции гражданского судопроизводства / под ред. А. Г. Коваленко. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990. – 137 с.
12. Зверева Н. С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции / под ред. В.В. Яркова. - М.: Статут, 2017. 384 с.
13. Звягина Н. С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве: монография – М.: Проспект, 2024. – 136 с.
14. Зыков Р. О. Международный арбитраж в Швеции: право и практика. – М.: Статут, 2014. - 285 с.
15. История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. - М.: Проспект, 2019. - 432 с. DOI: 10/31085/9785392296811-2019-432.

16. Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / Под ред. проф. О.Ю. Скворцова и проф. М.Ю. Савранского – М.: Статут, 2016. - 352 с.

17. Курочкин С. А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. — М.: Волтерс Клувер, 2008. - 296 с.

18. Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж: монография. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2021. - 416 с.

19. Курочкин С. А. Эффективность гражданского и арбитражного судопроизводства: Монография. – М.: ИД «Городец», 2024. - 480 с.

20. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С. Ф. Афанасьев, О. В. Баулин, И. Н. Лукьянова и др.; под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2019. - 656 с.

21. Лебедев С. Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву – М.: Статут, 2009. – 717 с.

22. Международный коммерческий арбитраж: учебник / под ред. В. А. Мусина, О. Ю. Скворцова. – СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Инфотропик Медиа, 2012. - 496 с.

23. Международный коммерческий арбитраж: Учебник / С.А. Абесадзе, Т.К. Андреева, В.Н. Ануров и др.; отв. ред. Т.А. Лунаева; науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Редакция журнала "Третейский суд"; М.: Статут, 2018. Вып. 9. - 965 с.

24. Мусин В. А. Избранное. – СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут. 2014. - 464 с.

25. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. – М.: Статут, 2019 – 278 с.

26. Николюкин С. В. Арбитражные соглашения и компетенция международного коммерческого арбитража. Проблемы теории и практики. – М.: Юриспруденция, 2009. 144 с.
27. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть: учебник. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: Инфра-М, 2013. - 704 с.
28. Принципы частного права: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, В.В. Кваниной, М.С. Сагандыкова. – М.: Проспект, 2018. - 400 с.
29. Разрешение финансовых споров в странах АТР (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония) / Ю.А. Артемьева [и др.]. Под общ. ред. д.ю.н., проф. Е.Е. Фроловой и к.ю.н., доц Е.П. Ермаковой – М.: Инфотропик Медиа, 2019. - 416 с.
30. Севастьянов Г. В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) – СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2015. - 450 с.
31. Селькова А. А. Институт обеспечительных мер в процессуальном праве России и Англии. – М.: Статут, 2020. - 206 с.
32. Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. - М.: Волтерс Клувер, 2005. - 704 с.
33. Способы разрешения споров в разносистемных правовых порядках / Ю.А. Артемьева, Е.А. Борисова, Е.П. Ермакова и др. - М.: Инфотропик Медиа, 2017. - 424 с.
34. Стрельцова Е. Г. Приватизация правосудия: монография – М.: Проспект, 2023. 240 с.
35. Трезубов Е. С. Цифровые технологии в альтернативных способах разрешения споров // Право цифровой среды: Монография / Под редакцией Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – М.: ООО "Проспект", 2022. – С. 664-672.
36. Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. – М.: Издательский Дом «Городец», 2021. – 304 с.

37. Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: монография / Е. П. Русакова, И. А. Гроник, Е. В. Купчина; под общ. ред. Е. П. Русаковой – М.: РУДН, 2022. – 173 с.

38. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы/ М.В. Самсонова [и др.], отв. ред. Стрельцова Е. Г. – М.: Ифотропик Медиа, 2022. – 336 с.

39. Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. – М.: Статут, 2022. – 328 с.

40. Шеменева О. Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве – М.: Инфотропик Медиа, 2017. – 312 с.

41. Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж. Пер. с англ.; под ред. Р. М. Ходыкина; Кембриджский университет – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 544 с.

42. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе - М.: Инфотропик Медиа, 2012. - 608 с.

43. Andrews N. Arbitration and Contract Law. Common Law Perspectives - Springer International Publishing Switzerland, 2016. 342 p.

Статьи в периодических изданиях и сборниках трудов

44. Абова Т. Е. Альтернативные формы разрешения споров нужны для удобства сторон, а не ради снижения нагрузки на судей // Арбитражная практика. 2011. № 3. С. 10-13.

45. Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 2(30). С. 231-240. DOI 10.21603/2542-1840-2024-8-2-231-240.

46. Алиев Т. Т., Соловых С. Ж. Некоторые вопросы арбитрабельности корпоративных споров по новому Закону об арбитраже (третейском разбирательстве) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 23 - 27.

47. Андреев Д. А. Взаимодействие третейских и государственных судов по вопросам обеспечительных мер // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2020. № 1. С. 44 - 53.

48. Андреев Д. А. Проблемы взаимодействия третейских и государственных судов в контексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного третейскому разбирательству // Третейский суд. 2020. № 1/2. С. 169 – 175.

49. Андреев Д. А. Содействие государственных судов третейским судам в получении доказательств // Третейский суд. 2021. № 2. С. 103 – 117.

50. Асосков А. В. Разрешение корпоративных споров в третейских судах: основные результаты законодательной реформы // Закон. 2017. № 5. С. 67 - 77.

51. Асосков А. В., Курзински-Сингер Е. Пределы действия судебных и третейских решений по кругу лиц // Вестник ВАС РФ. 2012. № 2. С. 6 - 35.

52. Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 3. С. 12-31. DOI 10.24031/2226-0781-2022-12-3-12-31.

53. Байбак В. В. Возмещение убытков при прекращении договора и вина кредитора // Вестник гражданского права. 2016. № 4. С. 119 - 131.

54. Балашов А. Н. К вопросу о формах взаимодействия государственных судов с третейскими судами (арбитражами) // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 19 – 23.

55. Балашова И. Н. Соглашение о третейском суде: правовая природа и практика применения арбитражного соглашения // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 4. С. 32 - 36. DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-32-36

56. Бегичев А. В. Виды обеспечения доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 6. С. 49 – 54

57. Бегичев А. В. Проблемы использования электронных технологий нотариусами при обеспечении доказательств // Нотариус. 2020. № 1. С. 41 – 43

58. Белов В. А. Юридическая природа третейского (арбитражного) соглашения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 6. С. 28-69. DOI 10.37239/2500-2643-2024-19-6-28-69.
59. Беляева О. А., Габов А. В. Арбитрабельность споров, возникающих в сфере закупок // Журнал российского права. 2017. № 5(245). С. 46-55. – DOI 10.12737/article_58f48b4944ff75.35882359
60. Бенедская О. А. Администрирование третейского разбирательства: конституционное измерение // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 67 - 72. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-1-67-72
61. Богданова Н.А. Принцип автономности соглашений о международной подсудности // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 10. С. 35 - 39.
62. Брановицкий К. Л. Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 39 – 44. DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-39-44
63. Вареник Ю. В. Арбитраж (третейское разбирательство) и пределы вмешательства суда // Российский судья. 2019. № 11. С. 53 - 57.
64. Воложанин В. П. О некоторых отраслевых принципах третейского разбирательства // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 132–134.
65. Габов А. В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 1. С. 208-235. DOI 10.24031/2226-0781-2022-12-1-208-235.
66. Галковская Н. Г., Вутын В. Е. Онлайн-арбитраж как средство разрешения трансграничных экономических споров. Проблемы принудительного исполнения онлайн-арбитражных решений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 133-147. DOI 10.17223/22253513/24/15.
67. Гальперин М. Л. Нужна ли международному арбитражу «пятая графа»? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 12. С. 4-20. DOI 10.37239/2500-2643-2024-19-12-4-20.

68. Гальперин М. Л. Нужна ли третейскому суду объективная беспристрастность? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 3. С. 4-16. DOI 10.37239/2500-2643-2022-18-3-4-16.
69. Гальперин М. Л. Третейские итоги // Закон. 2017. № 9. С. 34 - 40.
70. Гальперин М. Л., Павлова Н. В. Куда идет третейское разбирательство? // Закон. 2019. № 8. С. 125 - 139.
71. Гераков Р.В. О некоторых проблемах, связанных с правовым регулированием третейских судов ad hoc // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 12. С. 14 - 18. DOI: 10.18572/1812-383X-2021-12-14-18
72. Герасименко Ю.В., Терехова Л.А. О новой процедуре создания арбитражного учреждения (вступительная статья к обзору) // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 2. С. 207 - 211. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(2).207- 211.
73. Дардыкина А.В. Принудительное исполнение определения о наложении обеспечительных мер в поддержку арбитражного разбирательства по Нью-Йоркской конвенции 1958 г. // Закон. 2012. № 5. С. 206 - 211.
74. Дегтярев С.Л. Проверка нарушения публичного порядка в решениях арбитражей (третейских судов) судами общей юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 9. С. 62 – 65.
75. Дегтярев С.Л., Горелов М.В. Задачи арбитражей (третейских судов) ad hoc в России // Российский судья. 2018. № 11. С. 5 - 7.
76. Демирчян В. В., Новикова Т. В. Институциональные и изолированные международные коммерческие арбитражи: обзор практики и сравнительная характеристика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 291–297.
77. Долова М. О., Сеницын С. А. Пределы проверки решения третейского суда на предмет его противоречия публичному порядку Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 55 - 60. DOI: 10.18572/1812-383X-2020-6-55-60
78. Еременко В.И. Новая система третейского разбирательства в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2017. № 2. С. 33-44

79. Ермакова Е. П. Что входит в понятие онлайн-арбитража в КНР? // Российское правосудие. 2022. № 10. С. 58-66. DOI 10.37399/issn2072-909X.2022.10.58-66.
80. Женетль С. З., Иваненко Н. А. Порядок процессуального взаимодействия третейского суда и суда общей юрисдикции в связи с запросом о содействии в получении доказательств (ст. 57 и 63.1 ГПК РФ): закон и практика его применения // Администратор суда. 2023. № 4. С. 27 – 30.
81. Зайцев А.И. Взаимодействие государственных и третейских судов: история вопроса // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 79 – 115.
82. Зайцев А.И. История развития третейских судов и третейского судопроизводства в России до 1917 г. // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 89 – 128.
83. Зайцева А. Г. Эволюция и новеллы арбитража *ad hoc* в России // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 31. С. 86-90.
84. Засемкова О. Ф. Международный коммерческий арбитраж в России: итоги реформы // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 8(177). С. 9-22. DOI 10.17803/1729-5920.2021.177.8.009-022.
85. Засемкова О. Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 4(161). С. 9-20. DOI 10.17803/1729-5920.2020.161.4.009-020.
86. Засемкова О. Ф. Разрешение споров с помощью технологии блокчейн // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4(101). С. 160-167. DOI 10.17803/1994-1471.2019.101.4.160-167.
87. Засовенко Г. В. Привлечение к арбитражу (третейскому разбирательству) третьих лиц // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3(178). С. 196-197. DOI 10.46320/2073-4506-2023-3-178-196-197.
88. Ильичев П. А. Некоторые вопросы обеспечения иска в арбитраже (третейском разбирательстве) // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 174 – 180.
89. Ильичев П. А. О целесообразности реформирования системы арбитража *ad hoc* в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7. С. 13 – 17. DOI: 10.18572/1812-383X-2021-7-13-17.

90. Иншакова А.О. Реформа правовых основ деятельности международного коммерческого арбитража в Российской Федерации: предпосылки, обусловленность, перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 4–12. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.4.12

91. Казаченок С.Ю. Анализ влияния новелл законодательства России о третейских судах на деятельность международного коммерческого арбитража // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 53 - 58.

92. Костин А. А. К вопросу о признании иностранных судебных решений по экономическим спорам, не требующих принудительного исполнения (научно-практический комментарий к ст. 245.1 АПК РФ) // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 119–128. DOI: 10.12737/article_58f48b49514a74.87881154.

93. Костицын А. В., Бормотов А. В. Псевдоарбитражи ad hoc // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2018. № 2(46). С. 107-115.

94. Косцов В. Н. Арбитрабельность споров и полномочия арбитров: соотношение материального и процессуального права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 6. С. 86-113. DOI 10.37239/2500-2643-2023-18-6-86-113.

95. Котлярова В. В. О применении обеспечительных мер в арбитраже (третейском разбирательстве) // Третейский суд. 2017. № 3(111). С. 172-176.

96. Кудрявцева Е. В., Курочкин С. А. Нарушение публичного порядка как основание отказа в признании и приведении в исполнение арбитражных решений в странах ЕАЭС // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 5. С. 225-246. DOI 10.24031/2226-0781-2023-13-54-225-246.

97. Кулакова В. Ю. Единство и дифференциация процессуальной формы // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 3(160). С. 109-119. DOI 10.17803/1994-1471.2024.160.3.109-119.

98. Курносов А. А. Особенности рассмотрения запроса третейского суда о содействии в получении доказательств // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 2(30). С. 241-252. DOI 10.21603/2542-1840-2024-8-2-241-252.

99. Курносов А. А. Перспективы применения искусственного интеллекта в арбитраже и основанных на нем альтернативных формах разрешения споров // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 5. С. 187-205. DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-5-187-205.

100. Курносов А. А. Пределы внедрения технологий искусственного интеллекта в третейское разбирательство // Применение Конституции Российской Федерации в судебной деятельности: проблемы теории и практики : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Кемерово, 16 ноября 2023 года. – М.: РГ-Пресс, 2024. – С. 37-44.

101. Курносов А. А. Применение технологий искусственного интеллекта в разрешении споров в сфере электронной коммерции // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2024. № 22. С. 59-61.

102. Курносов А. А. Риски "карманного" арбитража ad hoc: промежуточные итоги реформы третейского разбирательства в России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 333-341. DOI 10.21603/2542-1840-2022-6-4-333-341.

103. Курносов А. А. Судебный контроль окончательных арбитражных решений, не требующих принудительного исполнения // Российский юридический журнал. 2023. № 3(150). С. 112-121. DOI 10.34076/20713797_2023_3_112.

104. Курочкин С. А. Новый вектор развития арбитража в России: actum ut supra // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 84 – 93.

105. Курочкин С. А. К вопросу об эффективности исключения судебного контроля решений третейских судов соглашением сторон // Третейский суд. 2013. № 2. С. 73–79.

106. Курочкин С. А. Конституционализация третейского разбирательства // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 166. Кн. 3. С. 81 – 96. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.81-96>.

107. Курочкин С. А. Огосударствление арбитража: быть или не быть // Третейский суд. 2023. № 3/4. С. 72 – 85.

108. Курочкин С. А. Особенности применения обеспечительных мер по искам, рассматриваемым третейскими судами и международными коммерческими арбитражами // Закон. 2012. № 12. С. 90 – 99.

109. Курочкин С. А. Оспаривание решений третейских судов и международных коммерческих арбитражей: вопросы теории // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 8. С. 41–45.

110. Курочкин С. А. Реформа арбитража в России: общие подходы к оценке эффективности нового законодательства // Закон. 2017. № 9. С. 65-76.

111. Курочкин С. А. Теоретические основы контроля за решениями третейских судов и международных коммерческих арбитражей // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 4. С. 44–55.

112. Курочкин С. А. Цифровые технологии и арбитраж // Третейский суд. 2022. № 2/3(130/131). С. 147-160.

113. Курочкин С. А. Цифровые технологии и эффективность правосудия // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 10(191). С. 152-163. DOI 10.17803/1729-5920.2022.191.10.152-163.

114. Курочкин С. А. Эффективность нового российского законодательства об арбитраже // Третейский суд. 2018. № 1/2(113/114). С. 48-61.

115. Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 2(147). С. 107-120. DOI 10.17803/1729-5920.2019.147.2.107-120.

116. Маколкин Н. Н. Потенциал цифровой трансформации третейского разбирательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 4. С. 27-30. DOI 10.18572/1812-383X-2023-4-27-30.

117. Малько А. В., Афанасьев С. Ф., Терехин В. А. Судебная реформа как инструмент повышения эффективности правовой защищенности личности // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 2. С. 16-32. DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(2).16-32.

118. Михайлова Е. В. К проблеме правовой природы «процессуальных соглашений» // Журнал российского права. 2019. № 2(266). С. 144-151. DOI 10.12737/art_2019_2_13.

119. Михайлова Е. В. О некоторых проблемах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании решений третейских судов // Российский судья. 2024. № 3. С. 2-7. DOI 10.18572/1812-3791-2024-3-2-7.

120. Молчанов В. В. Противоречие публичному порядку Российской Федерации как основание для отмены решения третейского суда и отказа в выдаче исполнительного листа // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 5. С. 140-158. DOI 10.24031/2226-0781-2021-11-5-140-158.

121. Морозов М. Э. Новые правовые позиции Конституционного Суда об арбитражном разбирательстве // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 120 – 125.

122. Морозов М. Э. Третейский суд умер, да здравствует *ad hoc*! // Третейский суд. 2017. № 4(112). С. 49-55.

123. Морозов М. Э. Ограничения полномочий арбитра *ad hoc* // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 198 - 204.

124. Морозов М. Э. Эволюция российской судебной практики по арбитражу *ad hoc* // Третейский суд. 2021. № 1. С. 69 - 78.

125. Муранов А. И. Комментарий к российским судебным актам об отрицании стандартной арбитражной оговорки ICC (дело Арбитражного суда г. Москвы № А40-176466/17-83-1232): особенности психотипа российских судей в восприятии арбитража (в компаративистском разрезе) // Вестник международного коммерческого арбитража. 2018. № 2(17). С. 299-316. DOI 10.32875/icar.2018.2.299.

126. Муранов А. И. Определение ВС РФ от 11 июля 2018 г. № 305-ЭС17-7240 насчет арбитрабельности споров по Закону о закупках отдельными видами юридических лиц: обманчивая надежда // Вестник международного коммерческого арбитража. 2018. № 1(16). С. 215-220.

127. Муранов А. И. Четыре трактовки Определения КС РФ от 12 апреля 2018 г. № 865-О насчет арбитрабельности споров по Закону о закупках отдельными видами юридических лиц: юридико-техническая, евангельская, ленинская и футурологическая // Вестник международного коммерческого арбитража. 2018. № 1(16). С. 209-214.

128. Муранов А.И. О «третейских новеллах» в двух законах РФ, принятых в декабре 2018 г.: неизящная стилистика ограничений и

расширения дискреции власти // Вестник международного коммерческого арбитража. 2018. № 2(17). С. 144–156. <https://doi.org/10.32875/icar.2018.2.144>

129. Носырева Е. И. Новые аспекты примирения сторон в арбитраже (третейском разбирательстве) // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14, № 1. С. 80-92. DOI 10.24031/2226-0781-2024-14-1-80-92.

130. Носырева Е. И. Сроки третейского разбирательства: преимущество или недостаток арбитража? // *Modus vivendi: арбитраж и частное право: Сборник статей в честь 60-летия О.Ю. Скворцова* / Сост. и науч. ред: Г.В. Севастьянов, В.В. Еремин. - СПб.: АНО "Редакция журнала "Третейский суд", 2022. С. 206-218.

131. Носырева Е. И. Участники третейского разбирательства: новое в законодательстве и практике через призму трудов В. А. Мусина // Третейский суд. 2017. № 2(110). С. 133-140.

132. Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. Обеспечение доказательств в цивилистическом процессе: развитие теории, законодательства и практики // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 5. С. 159-190

133. Носырева Е.И. Правовая природа и особенности производства по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 79 - 100.

134. Петренко О. В. Признание права собственности на недвижимое имущество в третейских судах // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 1(172). С. 81-94.

135. Ренц И. Г. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (§ 3 гл. 30) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 6. С. 116 - 137. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-6-116-137

136. Рожкова М. А. Об автоматизации онлайн-арбитража и онлайн-урегулирования коммерческих и потребительских споров // *Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : Сборник статей / Руководитель авторского коллектива и отв.редактор М.А. Рожкова. – М.: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2019. – С. 205-234.*

137. Рожкова М. А. Перспективы правового регулирования онлайн-разбирательств потребительских споров // Закон. 2022. № 9. С. 145-158. DOI 10.37239/0869-4400-2022-19-9-145-158.
138. Рузаков А. Б. Новеллы российского законодательства о третейских судах // Экономика. Право. Общество. 2016. № 2(6). С. 15-19.
139. Рузанова В. Д. Некоторые вопросы ведения третейского разбирательства (арбитража) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 33 – 37
140. Русакова Е. П. Суд KLEROS: революция ли процесса разрешения споров? // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 5. С. 278-281.
141. Савранский М. Ю. Процессуальные средства и иерархия уровней регулирования арбитража по новому российскому законодательству // Третейский суд. 2016. № 4/5(106/107). С. 21-34.
142. Савранский М. Ю., Попова М. Э. Арбитражное слушание с дистанционным участием: необходимые инновации, необратимо меняющие традиции // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 12(181). С. 134-148. DOI 10.17803/1729-5920.2021.181.12.134-148.
143. Савранский М. Ю., Ловенецкая Ю. А. Роль источников мягкого процессуального права в регулировании международного арбитража // Закон. 2023. № 6. С. 146 – 160. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-6-146-160
144. Самсонов Н. В., Демьяненко Е. В. О пределах судебного контроля в отношении третейских судов (арбитражей) в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2024 г. № 18-П // Вестник гражданского процесса. 2024. № 3. С. 231 - 251. DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-3-231-251
145. Севастьянов Г. В. "Экосистема российского арбитража" и новая арбитражная реальность // Третейский суд. 2021. № 3/4(127/128). С. 21-30.
146. Севастьянов Г. В. Действительность арбитражного соглашения с учетом концепции объективной беспристрастности третейского суда и положений Закона о закупках // Третейский суд. 2022. № 2/3. С. 10 - 15.

147. Севастьянов Г. В. Институционализация арбитража *ad hoc* в России. "Институциональные" третейские судьи (арбитры). Проблемы и задачи развития арбитража в России // Третейский суд. 2021. № 1. С. 8 - 13.

148. Севастьянов Г. В. Конституционная модель арбитрабельности споров о недвижимом имуществе или замена формально-юридического контроля при выдаче исполнительного листа исследованием обстоятельств третейского решения – «судоизация» арбитража? // Третейский суд. 2023 № 3/4. С. 49 – 64.

149. Севастьянов Г. В. Пределы арбитрабельности споров в сфере недвижимости и не только ... // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 8 – 9.

150. Севастьянов Г. В. Теория частного процессуального права *vs* «судоизация и материализация арбитража» // Закон. 2017. № 9. С. 41-59.

151. Ситкарева Е. В. Содействие и контроль государственных судов в отношении арбитража (третейского разбирательства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 49 – 53.

152. Скворцов О. Ю. Конституционный Суд: идеология практики, касающейся третейских судов (постепенное продвижение либеральных идей, основанное на консервативном противостоянии радикализму судебной практики) // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 56 – 68.

153. Скворцов О. Ю. О консервативной модели арбитража // Закон. 2017. № 9. С. 60-64.

154. Скворцов О. Ю. Рассмотрение третейскими судами споров о правах на недвижимость: правовая политика и юридическая практика // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2007. № 1. С. 43-58.

155. Соловых С. Ж. Противоречие арбитражного решения общественному порядку Российской Федерации: пореформенный синдром // Право в современном белорусском обществе: Сборник научных трудов / Редколлегия: Н.А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Том Выпуск 17. – Минск: Общество с ограниченной ответственностью «Колорград», 2022. – С. 93-100.

156. Соловых С. Ж., Волков А. В. Цифровизация коммерческого арбитража: зарубежный опыт и современное состояние в России // Правовая

политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 169-174. DOI 10.24412/1608-8794-2024-3-169-174.

157. Стрельцова Е. Г. Законная сила судебных постановлений и правовая сила АРС-соглашений: допустима ли унификация? // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 153 - 171. DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-4-153-171

158. Терехова Л. А. Выполнение судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 54-62.а

159. Терехова Л. А. Система пересмотра судебных решений в ГПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 29-51.

160. Терешкова С. А. Соглашение об отказе от права на оспаривание решения международного арбитража: российский подход к его толкованию в перспективе международной практики // Вестник международного коммерческого арбитража. 2016. № 2. С. 88 – 98.

161. Трезубов Е. С. Если арбитраж ad hoc осуществляется, значит – это кому-то нужно? // Третейский суд. 2023. № 3/4. С. 94 – 100.

162. Трезубов Е. С. Исключение из судебной нагрузки «недостойных дел» за счет внедрения технологий искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14, № 2. С. 283-300. DOI 10.24031/2226-0781-2024-14-2-283-300.

163. Трезубов Е. С. Особенности производства в арбитражном суде первой инстанции. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6. № 1. С. 75–86. [https:// doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-1-75-86](https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-1-75-86)

164. Трезубов Е. С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12, № 5. С. 204-227. DOI 10.24031/2226-0781-2022-12-5-204-227.

165. Трезубов Е. С., Курносов А. А. Базовые проблемы третейского разбирательства в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 03.10.2023 № 46-П // Третейский суд. 2023. № 1/2(133/134). С. 126-135.

166. Трезубов Е. С., Курносое А. А. Применение обеспечительных мер в третейском разбирательстве // Российский судья. 2022. № 10. С. 7-11. DOI 10.18572/1812-3791-2022-10-7-11.

167. Туктамышев В. Д. Арбитрабельность: содержание понятия // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 257 – 275. DOI: 10.24031/2226-0781-2023-13-1-257-275

168. Фетюхин М. В. Применение обеспечительных мер по делам, переданных сторонами на рассмотрение третейского суда // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 4. С. 70-75.

169. Фокин Е. А., Шайхутдинова А. И. Последующий судебный контроль иностранных судебных решений, не требующих принудительного исполнения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 4–16.

170. Чубаров В. В. Реформа показала, что в России пока не так много третейских судов, готовых работать на высоком уровне // Закон. 2017. № 9. С. 6-18.

171. Чупахин И. М. О некоторых вопросах, возникающих при использовании исключających соглашений в практике третейских судов // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 8. С. 40–44.

172. Шеменева О. Н. Развитие взглядов В. А. Мусина о процессуальном значении арбитражных соглашений (на примере решения вопроса об их действительности) // Третейский суд. 2017. № 2(110). С. 159-164.

173. Шулаков А. А. Позитивная оговорка о публичном порядке - основа защиты конституционно значимых ценностей государства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 9(109). С. 128-137. DOI 10.17803/2311-5998.2023.109.9.128-137.

174. Энтин К. В. Правовая определенность как общий принцип права Европейского союза и Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2023. № 1. С. 40 - 57. DOI: 10.21128/2226-2059-2023-1-40-57.

175. Юдин А. В. «Улики поведения» в гражданском и арбитражном процессе (к вопросу о доказательственном значении фактов процессуального

поведения лиц, участвующих в деле) // Вестник гражданского процесса. 2016. № 4. С. 12-32

176. Юрлов С. А. Ключевые проблемы защиты прав спортсмена // Закон. 2020. № 8. С. 51-60.

177. Ярков В. В. Изменение правил разграничения предметов ведения между судами: новые слова и/или новые решения? // Закон. 2019. № 4. С. 92 – 103.

178. Ярков В. В. Оспаривание решения международного коммерческого арбитража // Закон. 2008. № 1. С. 21–27.

179. Ярков В. В., Спицин И. Н., Бессонова А. И. Применение обеспечительных мер до формирования состава арбитража в рамках международного инвестиционного спора // Российский судья. 2018. № 11. С. 35 - 39.

180. Al-Mekhlafi N. M. Interim Measures in International Commercial Arbitration: A Discourse in Continued Uncertainty // International Conference on Advances in Business Management and Law (ICABML). 2017. Vol. 1(1). Pp. 97-119.

181. Bantekas I. Equal Treatment of Parties in International Commercial // International and Comparative Law Quarterly. 2020. Vol. 69. Issue 4. Pp. 991-1011. doi:10.1017/S0020589320000287

182. Ermakova E. P. Blockchain, metaverses and NFT in civil procedure and arbitration in Russia, China and USA // RUDN Journal of Law. 2023. Vol. 27, No. 1. P. 148-165. DOI 10.22363/2313-2337-2023-27-1-148-165.

183. Fu P. The Complex and Evolving Legal Status of Ad Hoc Arbitration in China // Journal of International Arbitration. 2023. Vol. 40, No. Issue 1. P. 45-68. DOI 10.54648/joia2023003.

184. Han W. Ad Hoc Arbitration Reform in China: A Step Forward // Asian International Arbitration Journal. 2022. Vol. 18, No. Issue 2. P. 143-166. DOI 10.54648/aiaj2022007.

185. Houtte H. Ten Reasons Against a Proposal for Ex Parte Interim Measures of Protection in Arbitration // Arbitration International. 2004. Vol. 20, Issue 1. Pp. 85–96, <https://doi.org/10.1093/arbitration/20.1.85>

186. Rusakova E. P. Frolova E. E. Digital disputes in the new legal reality // RUDN Journal of Law. 2022. Vol. 26, No. 3. P. 695-704. DOI 10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704.

187. Stryjniak-Puza M. Institutional arbitration or ad hoc arbitration? Not such an obvious choice // Roczniki Administracji i Prawa. 2024. Vol. 3, No. XXIV. P. 83-98. DOI 10.5604/01.3001.0054.7536.

188. Teramura N., Trakman L. Confidentiality and privacy of arbitration in the digital era: pies in the sky? // Arbitration International. 2024. Vol. 40, Issue 3, Pp. 277–306. <https://doi.org/10.1093/arbint/aiae017>

189. Wu J., Qin S., Wang X. The issuance and enforcement of interim measures in international arbitration under Chinese law // Arbitration International. 2023. Vol. 39, Issue 1, Pp. 85–94, <https://doi.org/10.1093/arbint/aiad006>

190. Zuo Zh. Study on the Selection System of Arbitrators for Ad Hoc Arbitration in China // Studies in Law and Justice. 2024. Vol. 3, No. 2. P. 49-60. DOI 10.56397/slj.2024.06.06.

Диссертации и авторефераты

191. Бенедская О. А. Конституционно-правовые основы института третейского суда в Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук – М., 2020. 34 с.

192. Володарский Д. Б. Субъективное право и законная сила судебного решения: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2013. 26 с.

193. Гольский Д. Г. Признание и приведение в исполнение арбитражных решений, отмененных судом места их вынесения: автореферат дис. ... канд. юрид. наук – М., 2017. 24 с.

194. Громошина Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук – М., 2010. 409 с.

195. Зайцев А. И. Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты): автореферат дис. ... канд. юрид. наук – Саратов, 2004. 26 с.

196. Звягина Н. С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2023. 185 с.

197. Еремин В. В. Арбитрабельность споров с участием публичных субъектов: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2021. 664 с.

198. Каламова Ю. Б. Исполнение третейского решения как альтернативная гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2020. 27 с.

199. Каса И. Правовое регулирование деятельности третейского суда в Российской Федерации и в Швейцарской Конфедерации: сравнительно правовое исследование: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. 20 с.

200. Коломиец А. И. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. 227 с.

201. Котельников А. Г. Правовая природа арбитражного соглашения и последствия его заключения: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. 29 с.

202. Мельник В. Д. Онлайн-урегулирование интернет-споров, связанных с приобретением товаров и услуг: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2024. 204 с.

203. Минина А. И. Понятие и виды арбитрабельности в теории и практике международного коммерческого арбитража: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. 28 с.

204. Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук - Свердловск, 1974. 38 с.

205. Петрова К. В. Основания неисполнимости арбитражного соглашения в России и Германии: сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2024. 209 с.

206. Петрунёва А. Н. Место принудительного исполнения в механизме третейской защиты: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2022. 24 с.

207. Рехтина И. В. Правовая определенность и ее обеспечение в гражданском судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2021. 605 с.

208. Русакова Е. П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура,

Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2021. 375 с.

209. Севастьянов Г. В. Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук – М., 2013. 30 с.

210. Терехова Л. А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. 47 с.

211. Туктамышев В. Д. Арбитрабельность (подведомственность) споров: теоретические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук – Екатеринбург, 2024. 254 с.

212. Туманов Д. А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2024. 549 с.

213. Zhang J. The Enforceability of Interim Measures Granted by an Emergency Arbitrator in International Commercial Arbitration: Dissertation to obtain the degree of Doctor at the Maastricht University – Maastricht (Netherlands), 2020. 345 p.

Интернет-источники:

214. Депонированные правила арбитража // <https://minjust.gov.ru/ru/pages/deponirovannye-pravila-arbitrazha/>

215. Отчеты о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства // <https://minjust.gov.ru/ru/pages/otchety-o-deyatelnosti-soveta-po-sovershenstvovaniyu-tretejskogo-razbiratelstva/>

216. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики // <https://cdep.ru/?id=79>